

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

НОЯБРЬ
2010

ХЕШВАН
5771

N11(223)

Рош а-Шана, наш Новый год, все-таки лучше общегражданского. Уж точно для журналистов. Никакого тебе мертвого сезона. Событий вокруг – хоть отбавляй. На этот раз особенно. Лужкова сняли (с. 55), вручение «ТЭФИ» превратилось в каскад скандалов (с. 61), широкая публика узнала о появлении замечательного учебника истории (с. 53, 63).

Да, еще Нобелевку дали. Лик раввина Лазара в связи с этим пару дней украшал топовую новость в блогах Яндекса. А вы можете узнать его столь необычное в клерикальных кругах мнение из первых рук (с. 12).

Надо заметить, в этом году Нобелевский комитет вообще отличился удивительной для него меткостью. И проблема ЭКО находится в сердцевине отнюдь не только научных дискуссий, и в кои-то веки литературную премию писатель получил не только за то, что живет в правильном месте, и премию мира – правозащитник, отсиживающий долгий срок за свои идеи не где-нибудь, а в «процветающем» Китае, – это тебе не долгомногообещающий жилец Белого дома...

Но для наших широт, кажется мне, наиболее резонансная Нобелевка этого года – главная, по физике. Двое выходцев из России, ныне работающие в Манчестере, – это нам и символ, и урок. Нет, они не евреи (на моей памяти, впервые Комитет во всех премиях обошел нашего брата), но путь прошли, проторенный сотнями советских евреев. Андрей Гейм, этнический немец, с юности столкнулся с дискриминацией на национальной почве. Он вспоминает, что при поступлении в МФТИ почувствовал подозрительность к «потенциальному эмигранту» (что ж, они не ошиблись!). Научная работа после университета, коллапс СССР, почти похоронивший нормальную исследовательскую деятельность в стране, эмиграция... Но главное, уверен, это атмосфера – гнетущая атмосфера безразличия государства и общества к странненьким, непрактичным людям, чего-то там ковыряющим без гарантированного результата. Где прибыль-то? На что мы тратим казенные средства?..

Этот ход мыслей без стеснения демонстрировали 20 с лишним лет не только чиновники всех уровней, но и широкие народные массы. В таком климате даже не каждый ура-патриот выдержит, а люди, далекие от идеологических мудрствований о родном гнезде, занятые отвлеченными от политической и общественной жизни проблемами, просто обречены на эмиграцию. Нет, теперь у нас есть потрясающий пример не уехавшего гения. Отказавшийся получать всепремиибуржуев Гриша Перельман. Гришей не я его называю, а премьер-министр Путин. «А вот известный Гриша Перельман без денег взял и

опубликовал все в Интернете и подписался: Гриша Перельман. Он даже от денег отказывается. Мы пытаемся ему хоть как-то дать, а он их не берет». Вот только «мы» попытались ему дать, когда узнали от «них», что он существует.

Так же вдруг узнали о двоих наших бывших соотечественниках после того, как они получили высшее мировое признание своей научной деятельности. Хороший повод подумать. Подумали. И здесь, и там. Что же придумали здесь? Вице-президент РАН Геннадий Месяц: «Русский человек и в Манчестере пробьется». Мне отнюдь не хотелось вырывать эту фрейдовскую цитату из контекста, – дальше Геннадий Андреевич как раз и объяснил подробно, почему ученые бегут из страны, – но уж больно хорошо сказано: «и в Манчестере пробьется». А известный публицист Максим Соколов вообще не по-детски отчитал лауреата: «Сознание же о приличиях <...> было явлено после присуждения Нобелевской премии по физике выходцам из России А.Г. Гейму и К.С. Новоселову. Один из лауреатов, А.Г. Гейм, узнав, что один из деятелей Сколково изъявил желание пригласить его к сотрудничеству, отвечал смело и брюзгливо: “Меня это никак не интересует. У меня нет российского гражданства, я гражданин Голландии, там у вас люди, что, с ума посходили совсем? Считают, что если они кому-нибудь отсыпят мешок золота, то можно всех пригласить?” Упоминание гражданства звучало как-то некстати – ему же не повестку в военкомат собирались вручать, но бывают такие настроения в минуту славы». Конец цитаты.

Любопытно, как одни и те же слова по-разному слышатся. Я в филиппике Гейма услышал боль и глубокое переживание за судьбы российской науки, опасения в бесплодности кампанейщины, а Соколов – лишь брюзгливость. К слову, через несколько дней Гейм пояснил свою «брюзгливость»: «Деньги меня не интересуют. Я не вижу, зачем и как можно меня привлечь. <...> Это глупость – импортировать большие имена, надо свои растить. <...> Чтобы в российской науке что-то изменилось, надо менять инфраструктуру, что за 5–10 лет не сделать. <...> Если 2–3 процента госбюджета вкладывать в науку, тогда через 50 лет она будет на надлежащем уровне».

Кстати, а что же придумали там? Английские нобелевские лауреаты обратились к правительству Великобритании с призывом отменить ограничения на въезд в Англию для ученых-эмигрантов из стран, не входящих в ЕС.

И все-таки боюсь, соколовская реакция куда распространеннее моей. Не за себя боюсь, а за страну, будущее которой мне совсем не безразлично.

Αἶψά Αἶψά

СОЗНАНИЕ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ БЫТИЕ

לְיָיִם אֵלֹהִים עִיּוֹן אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Учитель и ученики Любавичской ешивы. Поствилль. США. 2004 год

עֵי אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Тора служила руководством для наших предков в пустыне, и ее необходимо точно так же учитывать при решении сегодняшних проблем. И, чтобы она сохранила актуальность в наши дни, вовсе не нужно менять ее. В Торе есть строки, посвященные человеку, сотворенному по образу и подобию Б-жьему, – «бецалмену кидмутену» («по образу нашему, в подобии нашем»), – которые можно интерпретировать в самых разных аспектах. Согласно одной из интерпретаций, подобие человека Творцу заключается в том, что человек – единое целое, хотя состоит из крайних противоположностей. Человек состоит из кожи, плоти, крови и т. д., которыми правят пять чувств. И, однако, когда мы говорим о любви и дружбе к кому-то, то подразумеваем не физическое его тело, а личность, духовные атрибуты – то есть нечто прямо противоположное, недоступное зрению, слуху и осязанию. Совмещение, интеграция крайностей в человеке обозначается словом «бецалмену», указывающим на подобие Всемогущему, который есть Высшее единство... Всемогущий желает, чтобы противоположные силы и народы не

противостояли друг другу, а стремились к миру и жили в единстве. Подобным же образом душа достигает совершенства через искушения физического тела.

Ариэл Вы говорите об интеграции. Я вижу, что мои студенты хотят найти взаимосвязь между Торой и светскими науками, но данной теме посвящено очень немного книг. Что вы думаете по этому поводу?

Иоэл: Монотеизм вступает в противоречие с самой теорией взаимосвязанности. Единство Б-жье отличается такой полнотой, что Он присутствует во всех областях знаний; единство Б-жье невозможно расчленить на две, три или четыре сферы знаний и потом находить их взаимосвязи.

Когда говорят, что Б-г пребывает на седьмом небе, а здесь, в Бруклине, другой «управляющий», то это не монотеизм, а политеизм. Истинный монотеист понимает, что все творение заключено в единстве Б-жьём.

Те из вас, кто связан с наукой, знают: цель научных открытий – найти единство во всех аспектах жизни; существует соотношение между электроникой, акустикой, физикой и математикой. Целью Эйнштейна было найти единство материи и энергии. Тот, кто обнаружит, как электричество связано с гравитацией, получит еще большую известность.

Если в момент молитвы вы ощущаете силу Всевышнего, а направляясь на работу, пребываете в совершенно ином пространстве, – то это форма «авода зара» («вера в иных богов»).

Не может быть разделения между сферами знаний; наука, акустика, математика, религия и философия – все они едины. Формулы единства уже существуют, но они ожидают того, кто удостоится открыть их. Впрочем, отсутствие таких открытий не исключает того, что уже сейчас возможно пользоваться этими формулами. Как сказано в Талмуде, «хедег едиа мейно мезакев» («отсутствие знаний не препятствует действию правил»). Если кто-то сейчас сформулирует новую теорию в геометрии, то это не означает, что до сегодняшнего дня теория была неверной, – нет, она изначально верна, но до нынешнего момента оставалась неизвестной. Уникальная взаимосвязь всего материального в мире будет в конце концов обнаружена: почему бы не использовать результаты этого немедленно?

Ариэл В одном из предыдущих ответов вы предложили упростить преподавание. Означает ли это упрощение понятий и терминов или же содержание преподавания тоже нужно упростить, если посмотреть с педагогической точки зрения?

Иоэл: Это зависит от предмета. Если речь идет о фундаментальных вопросах, то ничего менять не надо. Я еще не подошел к важным темам, которые невозможно раскрыть в простых терминах.

Тору получили 600 тыс. еврейских мужчин. Не все они были учеными людьми, многие не имели образования. На Синае находилось множество детей. И, однако, Б-г даровал Тору таким образом, чтобы все поняли ее.

Возникает вопрос: для чего понадобились громы и молнии при даровании Десяти заповедей, если эти заповеди – самые простые и очевидные: почитай отца и мать, не воруй... Один ответ состоит в том, что даже самые простые истины человек

переживает сильнее и они производят на него неизгладимое впечатление, если сопровождаются страшным шумом и сверхъестественными явлениями... подобно революции! Подлинную натуру человека нельзя узнать в повседневных обстоятельствах; его характер проявляется в необычных условиях. Лучший пример тому немцы: до войны ни один народ не мог сравниться с ними по уровню морали, этики, философии. Но потом они катастрофически деградировали. И все их пороки и совершенные ими убийства проистекали из жизненной философии. Только видя, как поступает человек перед лицом трудностей и искушений, мы способны понять его истинную натуру. Ведите преподавание на простом языке, но так, чтобы сказанное вами производило на студентов глубокое впечатление и побуждало их поступать соответствующим образом.

Ἀλλοῖσι Судя по вашей библиотеке, вы начитаны, помимо Торы, во многих областях. Согласны ли вы с тем, что характер знаний наставника должен обрести некую целостность, прежде чем он выступит с лекцией перед студентами?

Γοῖσι: Я согласен с этим в принципе, но не следует перегружать лекцию излишними деталями, которые могут скорее затемнить, чем прояснить вопрос. Расскажу то, что слышал от одного профессора медицины. Изучая анатомию, он с головой погружался в каждый ее раздел. И вот однажды он изучал анатомию ноги – каждую мышцу и механизм ее работы. Он понял, как должна координироваться деятельность различных мышц, чтобы осуществить такую простую вещь, как шаг. Тем не менее, когда он отвлекался от своих занятий и вставал, чтобы походить, – неотступная мысль о множестве мышц ног, действующих в тот момент, мешала его ходьбе: ему приходилось, как ребенку, учиться делать каждый новый шаг.

Не пытайтесь охватить все сложные проблемы иудаизма, иначе студенты запутаются. Говорите со студентами о сути иудаизма, как с пятилетними детьми, потому что многие из тех проблем, которые вы хотите обсуждать, вряд ли их беспокоят. Излагайте им Тору и традицию, не сравнивая их с греческой, индуистской и буддийской философией. Этим вы, во-первых, сэкономите время, а во-вторых, добьетесь того, что представления студентов станут ясными. Если у них возникнут какие-либо сомнения, то они сами зададут вопрос, и вы ответите на него.

Ἀλλοῖσι Известно, что студенты изучают области науки, которые противоречат Торе. Нужно ли нам обсуждать такие противоречия?

Γοῖσι: Я посещал лекции в университетах России, Франции, Германии и видел: на жизненную философию 95% студентов не повлияло то, что они слышали на лекциях. В России студенты были вообще неверующими (в значительно большей степени, чем в американских колледжах), и они изучали философию столь же отстраненно, как, скажем, зубоврачебное дело. Только 5% студентов действительно интересовались предметом, остальные изучали его, чтобы сдать экзамен. Поэтому не перегружайте мозги студентов тонкостями, чтобы потом их рассеивать – лучше говорите по существу, ориентируя их на правильные поступки.

Здание по адресу 770, Eastern Parkway в Бруклине, в котором находится мировой центр Любавичского движения. Нью-Йорк

Аײן דיין А что вы скажете о противоречиях между наукой и религией?

יױ דיין: На самом деле никаких противоречий между наукой и религией не существует, – и даже неважно, какой религией. Утверждая это, я исхожу из последних достижений науки.

Сто пятьдесят лет назад казалось, что естественные науки, физика открывают абсолютные истины. Но Кант и Эйнштейн доказали, что наука никогда не была и не будет способна предложить абсолютные истины. Ученый может только сказать: приняв эти аксиомы и эти методы дедукции, вы придете к тем или иным заключениям.

Но если вы этих аксиом не принимаете, то наука ничего не может. Во времена Рамбама ученые полагали, что обладают абсолютной истиной. Сегодня в Сорбонне, Берлинском или Колумбийском университетах преподаватели говорят студентам, что не знают абсолютной истины. Во времена Коперника полагали, что Земля неподвижна и Солнце вращается вокруг Земли, – и даже сжигали тех, кто утверждал обратное. Эйнштейн же говорит, что мы никогда не сможем доказать, что и вокруг чего вращается, не подрывая самые основы науки.

Аײן דיין Вы упомянули несколько раз об «абсолютной истине». Где в Торе найти это понятие?

יױ דיין: В Торе сказано: «а-Шем Элоким у эмет», «Б-г безусловно прав». По сути дела, здесь говорится об абсолютной истине.

Аײן דיין Как бы вы определили в двух словах, что такое иудаизм?

יױ דיין: Ваш вопрос напомнил мне о гере, который, согласно Гемаре, задал подобный вопрос Гилелю.

Суть иудаизма состоит в том, что это не оторванная от жизни, абстрактная религия. Иудаизм не сводится к ограниченной сфере человеческой деятельности и не остается безучастным к окружающему миру. Настоящий еврей живет иудаизмом 24 часа в сутки, каждое его действие обусловлено иудаизмом. Он должен верить во Всемогущего Б-га как во всеобъемлющее Единое начало, что исключает всякую возможность существования чего-то помимо Него. Он должен принимать Б-га как Творца Вселенной не только в момент Творения, но и в каждый последующий момент. Если вы думаете, что Б-г был Творцом только в момент Творения, а теперь мир существует сам по себе и все происходящее в нем носит случайный характер, то вы отвергаете Единого. Если же вы принимаете первый постулат Единого – что мир постоянно находится под Его контролем, – тогда каждый из нас есть элемент единой Вселенной. И мы должны поступать определенным образом, чтобы не нарушить единства системы Вселенной. Каждому из нас открыт Б-жественный план, и каждый наш поступок должен быть очередным шагом в правильном направлении – к осуществлению нашей миссии в жизни.

Айи дин Как быть с атеистом или с тем, кто не верит в Б-жественное единство?

Ответ: Каждый еврей потенциально способен в это поверить. Если Б-г дает заповедь, тем самым Он дает еврею возможность ее исполнить. Он сотворил вас и меня, каждого из нас, и заповедал нам верить в Него, Единого. Если бы мы не обладали потенциальной способностью принять такую веру, это противоречило бы Его совершенству.

Айи дин Если это так, почему никто не совершенен?

И о айи: Когда человек совершенен и всего достиг, у него исчезает стимул к жизни. Надо в чем-то оставаться несовершенным, чтобы было к чему стремиться завтра.

Айи дин Открывает ли нам Б-г Свою волю, как Он сделал это на Синае?

И о айи: Да, но иным образом. Синайское откровение – это «связующая нить» между Творцом и творением. Откровение на Синае должно было быть явлено таким, чтобы не оставить ни капли сомнений. И в этом фундаментальное отличие еврейской религии от всех других религий – буддизма, ислама, христианства. Все эти религии опираются на рассказ или свидетельство одного человека или небольшой группы людей.

Христианство основано на рассказах одного человека, обращенных к двенадцати ученикам. Ислам начался с события, которое засвидетельствовал единственный человек и потом рассказал о нем своему клану. Это же относится к буддизму и другим религиям. Все они оставляют место для сомнений. И, чтобы избежать подобных сомнений, Тора была открыта 600 тыс. человек, о чем нам известно не через учеников: об этом событии поведали родители своим детям, миллионам детей. И столь мощный фундамент понадобился для того, чтобы Тора внушала доверие даже смутьянам и скептикам.

После Синая уже не было необходимости в Откровении, ибо родители рассказали об этом событии детям. Поскольку повторять Синайское откровение не нужно, Б-г уже не открывает Себя подобным образом: Его всеобъемлющий план исключает ненужные действия – но при необходимости Он может все повторить, если пожелает. Время от времени, будь то суббота, воскресенье или среда, – каждый из нас чувствует, что сделал нечто большее, нежели ему позволяют его природные способности; эта «дополнительная» сила и есть форма Б-жественного откровения внутри нас.

Айиош Могут ли нынешние раввины давать свои интерпретации Торы, подобно тому, как Рамбам комментировал отдельные отрывки, следуя Аристотелю?

Гоайо: Только в том случае, если эти интерпретации не противоречат принятым ранее. Личное откровение должно отвечать Синайскому. Пророка, чьи слова противоречат закону Моше, называют «нави шекер» («лжепророк»).

Как существуют определенные законы дедукции, которым надо следовать в физике, так и Тора установила набор правил дедукции и интерпретации. Если вы встречаетесь с интерпретацией, которая не следует этим правилам, ее следует отвергнуть. Рамбам следовал Аристотелю, только разбирая отрывки из Агады, но не в случае Алахи.

Айиош Проявляется ли в мире явным образом единство Б-га?

Гоайо: Всякий элемент творения несет в себе искру Б-жью, объединяющую его с остальным творением. Что бы это ни было – человек, животное, растение или минерал – все они сходны своими частицами-молекулами. Отрицать единство Б-га – значит отрицать нечто, существующее в настоящее время. Отрицать вечность чего-то не есть полное отрицание, поскольку здесь речь идет о будущем. Б-г – Эйн-соф («Вечносущий»), и Он перенес это свойство на Свои творения. Физика утверждает, что ничего нельзя разрушить окончательно – атом будет существовать всегда: его можно изменить, но не разрушить.

Айиош Когда наука говорит о происхождении жизни, она не отрицает нашу Тору?

Гоайо: Творение не относится к сфере науки. Физику не волнуют вопросы философии, только бытие вещей или их разрушение. Задача науки – преобразовать одну форму в другую или один элемент – в другой. Сотворение ex nihilo вне юрисдикции ученого. Его интересует только трансформация вещества, например свинца – в золото, золота – в свинец или даже рыбы – в человека (если вы готовы принять столь далеко идущую теорию). Но творение ex nihilo его не интересует. Ученый не может иметь дело с тем, чего он никогда не видел, а он не видел такого рода творения.

Айиош Нужно ли принимать только на веру творение ex nihilo или оно имеет логические основания?

Īōāiō: Вера в Б-га – это больше, чем просто «эмуна» («вера»). Например, в математике, если задача имеет четыре возможных ответа и вы исключаете три из них, логично предположить, что четвертый ответ – правильный. Путем аналогичных рассуждений (исключением всех иных возможностей) вы можете заключить, что Б-г – Творец. Далее в силу вступает здравый смысл. Здравый смысл заставит вас возмутиться, если я скажу, что стул, на котором я сижу, никто не сделал. Точно так же, видя упорядоченную систему, вы предполагаете, что есть некая сила или власть, регулирующая эту систему. Наука показала, что все молекулы во Вселенной составляют одну грандиозную систему, но ни одна молекула или набор молекул не изобретены и не управляются самой этой системой.

Но я вижу здесь нескольких студентов. Хотелось бы услышать что-то и от них...

Āīīōīī (īāīīā ēç īōāīīōīā): Вы сказали, что религию надо сделать частью жизни. Но некоторым из нас трудно принять религию полностью. Возможен ли компромисс? Скажем, соблюдать кашрут, но не носить шляпу?

Īōāiō: Никто не совершенен. «Нет цадика на земле, который бы не согрешил». Даже у самого праведного чего-то не хватает, но это никак не умаляет то добро, которое он творит. Каждая мицва дает ему новые силы.

Āīīōīī (ōīāī āēā īōāīīōā): Я имею в виду постоянный компромисс, когда человеку вообще не хочется исполнять какие-то заповеди.

Īōāiō: Дайте ему возможность делать сегодня то, на что он способен, – завтра он попытается сделать больше. Или послезавтра. Терпение Б-га бесконечно. Но зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня?..

Āīīōīī (āōāīā īōāīīōā): Я вырос в маленькой общине и не получил хорошего еврейского образования. Реформизм мне кажется слишком упрощенным и либеральным, но ортодоксия тоже не для меня. Что мне делать?

Īōāiō: Вы молоды, и у вас еще все впереди – вам предстоит узнать даже больше тех, у кого уже есть еврейское образование. Сказано в «Пиркей Авот»: «От тебя не ждут, что ты всему научишься сразу». Учиться можно понемногу каждый день, пока находишься на верном пути. Начните с «Хумаша», «Кицур Шульхан арух» на английском, «Эйн Яаков» на английском... И не успокаивайтесь, не думайте, что уже достигли вершин, – считайте, что завтра вам придется потрудиться еще больше, и Б-г придаст вам силы.

Мое главное расхождение с реформистским и консервативным иудаизмом в том, что их идеалы подвержены компромиссу. Они позволяют легко достичь вершины и говорят, что больше напрягаться не нужно. Ортодоксия же говорит: надо стремиться к тому, чтобы становиться каждый день немного лучше. Истории из Библии и Талмуда применимы к любой эпохе. Рабби Акиве было уже 40 лет, и он должен был кормить семью, однако он начал с изучения алфавита и стал одним из величайших мудрецов всех времен. Этот пример учит нас: если есть воля, всего можно добиться.

(Ē āēōāēōīōāī «Āēēāē») : Да будет у вас нахес от ваших учеников, и научитесь от них. И да укрепитесь вы сами.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יֵצֵא לְפָנֵינוּ מִלְּפָנֵי הַקְּדוֹשׁ יְהוָה לְבָרֵךְ אֶת הַיְיָ אֱלֹהֵינוּ

Ааде́ Еааид

Вот уже месяц в религиозном сообществе идут оживленные дискуссии в связи с присуждением Нобелевской премии британскому ученому Роберту Эдвардсу за открытия в области искусственного оплодотворения. Ряд авторитетных представителей различных религий подвергли решение Нобелевского комитета критике: по их мнению, таким образом открывается путь для недопустимого вмешательства в создание жизни. По мнению сторонников этого подхода, научные исследования необходимо ограничивать, чтобы человек не пытался присвоить себе функции Б-га – единственного подателя жизни на земле.

Еврейский подход к проблеме принципиально иной. Тора и Талмуд не просто выступают за свободу научного поиска, они считают научное познание мира важной заповедью. Как учат мудрецы Талмуда: «Б-г дал нам мудрость, чтобы задавать вопросы и находить ответы». Верующие люди знают, что Б-г создал мир во всем его многообразии для человека, и человек должен этот мир познавать. Ребе говорил: «Наука не бросает вызов Торе. Истинная наука может лишь возвысить Тору, демонстрируя ее истины в эмпирическом царстве».

Мало того, Б-г специально создал мир несовершенным, как своего рода платформу для деятельности – чтобы мы могли его изменять и улучшать. А наука на самом деле как раз и является инструментом для изменения мира. Занимаясь наукой, человек познаёт «законы природы», то есть те законы, которые Б-г положил в основу функционирования мира. Познав эти законы, человек получает возможность использовать их для того, чтобы улучшить окружающую среду. Таким образом, для соблюдающего еврея развитие точных и естественных, фундаментальных и прикладных наук равно необходимо.

Поэтому утверждение, что искусственное оплодотворение недопустимо с религиозной точки зрения, поскольку означает вмешательство в прерогативы Б-га, с еврейской точки зрения не выдерживает критики. На этот счет есть цитата из Талмуда: «Если бы Б-г хотел все сделать сам, зачем ты засеваешь свое поле?» В конце концов, дом, в котором мы живем, Б-г тоже не создал, но Он дал человеку все строительные материалы и ожидал от нас, что мы применим свой разум (который, кстати, тоже получен нами от Б-га) и сами построим дом, чтобы укрыться от ветра, дождя и снега. Точно так же и с искусственным оплодотворением: это вовсе не создание «из ничего», а использование «строительного материала», половых клеток, которые Б-г заложил в человеческий организм именно для деторождения!

Первая заповедь, содержащаяся в Торе, – это заповедь «плодитесь и размножайтесь». Это значит, что любые научные исследования, которые позволяют людям выполнить эту заповедь, в принципе благотворны и должны только приветствоваться. Так что с точки зрения еврейской религии мировое признание заслуг Роберта Эдвардса, создавшего технику ЭКО, абсолютно справедливо.

Другое дело, что практическое применение результатов этих исследований должно находиться под контролем. В Торе мы находим много объяснений, что можно делать, а чего делать нельзя. Разъяснения и ограничения, установленные Торой, положены

в основу алахи – нашего религиозного законодательства. Надо сказать, что и на светском уровне применение открытий Эдвардса регулируется в разных странах многочисленными законами и постановлениями государственных органов. Но это, разумеется, не значит, что такие открытия плохи или, тем более, что их следует запретить.

Однажды к Ребе пришли родители с дочерью, чтобы проконсультироваться по некоторым вопросам алахи. Родители получили ответы и хотели уже уходить, как вдруг девочка спросила: «Атомная энергия – это хорошо или плохо?» Ребе ответил ей вопросом: «Нож – это хорошо или плохо?» И объяснил, что всякая вещь в нашем мире может быть использована во благо, а может и во зло. Но это не значит, что сама вещь плоха.

Всё в этом мире от Б-га – значит, и технологии, которыми мы пользуемся, тоже от Б-га: будь то атомная энергия или искусственное оплодотворение. Нужно только использовать их правильно – во благо, а не во вред. Например, алаха разрешает использовать суррогатную мать для зачатия, если биологическая мать не может родить. Сама по себе суррогатная мать заслуживает уважения – ведь она соглашается пострадать, испытать трудности, чтобы другая женщина смогла получить собственного ребенка. Но та же алаха ставит условия: кто может быть суррогатной матерью, когда можно ее использовать, каким условиям должна отвечать биологическая мать, чтобы иметь право использовать искусственное оплодотворение, и т. д.

Конечно, как и все вопросы, связанные с интимными отношениями, проблема искусственного оплодотворения не может рассматриваться вне морального контекста. Но с точки зрения Торы и алахи, эта технология может соответствовать самым высоким моральным требованиям, если все сделать правильно. Поэтому в случае, когда супруги не могут обрести детей обычным путем, им следует обратиться за консультацией к специалисту в двух областях – в медицине и в алахе. Именно сотрудничество ученого и раввина в одном лице обеспечит правильное зачатие и рождение детей, с которыми не будет ни физиологических, ни моральных проблем.

Известно, что в Израиле мораль очень высока. Но при этом именно в еврейском государстве самым широким образом применяются разные техники искусственного оплодотворения, и это помогло тысячам семей обзавестись потомством. Мало того, государство оплачивает все расходы таких семей, связанные с зачатием первых двух детей!

Сейчас в мире уже более 4 млн детей родились с помощью техники ЭКО. Миллионы супружеских пар получили возможность познать родительскую радость. Это величайшая заслуга ученого. А то, что возможны злоупотребления этой технологией, так ведь недаром учат мудрецы Талмуда: «Б-г не уничтожит мир из-за дураков». Любой технологией можно злоупотребить – но это не повод сидеть сложа руки и отказываться от выполнения нашего долга перед Б-гом – улучшения мира. В конце концов, Альфред Нобель изобрел динамит, чтобы помочь строить шахты и тоннели, и он основал свою премию именно для того, чтобы люди не забывали: научный прогресс несет благо, даже если его плодами, случается, злоупотребляют.

ЭСАВ И ЭДОМ

Аדיא ג'עוּי אַי

Согласно еврейской теологии, мы – в изгнании. Даже если вас лично никто ниоткуда не выгонял. Еврейский народ, а также Б-жественное присутствие, Шхина, – в изгнании.

Сон Якова. Рафаэль Санти. 1518–1519 годы. Фреска Папского дворца в Ватикане

Талмуд и мидраши утверждают, что изгнание, в котором находились евреи в римско-византийское время, – это «галут Эдом», эдомское изгнание (так, например, в Бемидбар раба, 7). Это изгнание, которое все длится и длится и конца которому не видно, предвидел еще праотец Яков, как рассказывает мидраш Танхума к недельной главе Вайеце: «Сказал рабби Шмуэль от имени рабби Нахмана: “И вот ангелы Г-сподни восходят и спускаются” – это ангелы языческих племен и народов. Показал Святой, Благословен Он, праотцу нашему Якову, как ангел Вавилона поднимается на семьдесят ступеней – и спускается; ангел Мидии – на пятьдесят две ступени, владыка Греции – на сто, а ангел Эдома поднимается неведомо на сколько. В тот час страх объял праотца нашего Якова и сказал он: “Неужели этот никогда не спустится?” Ответил ему Святой, Благословен Он, словами пророка Ирмеяу: “А ты не бойся, раб Мой Яков, и не страшись, Израиль!” (30:10) – если бы ты даже увидел, как он поднимается и сидит у Меня – и оттуда Я сброшу его! Как сказано у пророка Овадьи об Эдоме: “Если поднимешься, как орел, и если меж звезд сделаешь гнездо свое – оттуда низрину тебя, слово Г-спода” (1:4)».

Толкуя пророчество Даниэля о четырех зверях, мудрецы не зря отождествляют именно с Эдомом «четвертого зверя, отличного от прочих» (Даниэль, 7:7): четвертое, Эдомское, изгнание тяжелее всех предыдущих. И в мидраше (Берешит раба, 2:4) злодейское четвертое царство сравнивается с бездной непостижимой глубины: «Рабби Шимон бен Лакиш истолковал, что это писание (Берешит, 1:2) говорит об изгнаниях: “И земля была пуста...” – это галут Бавель (как сказано: “Видел я землю, и вот, пуста” [Ирмеяу, 4:23]); “и хаос...” – это галут Мадай (“и в хаосе увели Амана” [Эстер, 6:14]); “и тьма...” – это галут Яван (затмивший очи Израиля жестокими указами своими,

говоривший им: напишите на роге быка, что нет вам удела в Б-ге Израиля); “над бездною...” – это галут Власти злодеев (потому что непостижимы они подобно бездне; как бездна эта непостижима, так и злодеи); “и дух Б-га парит...” – это дух царя Машиаха (подобно сказанному: “и снизойдет на него дух Г-сподень” [Йешаяу, 11:2]))».

И поскольку рабби Шимон бен Лакиш утверждает, что именно Машиах должен положить конец четвертому изгнанию, а он, к сожалению, еще не пришел, – значит, мы по-прежнему под властью Эдома.

Но постойте! Эдом – это ведь второе имя Эсава, брата нашего праотца Якова, сына Ицхака и Ривки! Как же наш брат может быть жестоким угнетателем? Давайте посмотрим, с чего все начиналось.

Ènò ídeý ááóó áðàò úáá

У праотца Ицхака и его жены Ривки не было детей. Молился Ицхак о своей жене, и его молитва была услышана. Еще в утробе толкались ее сыновья, и было ей предсказано: «Два народа в твоей утробе, два народа из чрева твоего разойдутся, и народ народа будет сильнее, и старший будет служить младшему» (Берешит, 25:22-26). Эту историю из книги Берешит знают все. Но потом ситуация запуталась. Когда братья подросли, старший продал младшему первородство. А потом отец благословил одного вместо другого, а потом благословил и другого тоже – и тут стало совсем непонятно: кто теперь старший, кто младший? Кто кому должен служить в соответствии с пророчеством? Не стоит вдаваться в подробности сложнейших комментаторских поисков историй с продажей первородства и с получением благословения, об этом можно написать десятки статей. У нас другая тема.

Согласно простому смыслу Писания, отношения между братьями Яковом и Эсавом были то лучше, то хуже и безоблачными не были никогда, но и до драк не доходило. В юности пути братьев разошлись: один питал склонность к природе, умел охотиться, а второй сидел в шатрах (Берешит, 25:27). Сцена продажи первородства описана в книге Берешит (25:29-34) вполне спокойно. За то, что Яков получил благословение обманом, Эсав (который уже получил имя Эдом) возненавидел его (Берешит, 27:41) и собрался убить. Но при их следующей встрече: «И побежал Эсав к нему навстречу, и обнял его, и пал на его шею, и целовал его, и они плакали» (Берешит, 33:4), «...И сказал [Яков]: чтобы найти милость в глазах господина моего. И сказал Эсав: есть у меня много, брат мой; пусть у тебя будет то, что твое» (Берешит, 33:8-9). Иосиф Флавий, передавая древнюю традицию, пишет в «Иудейских древностях» (1:1:21): «Затем Яков и сам приблизился к своему брату, который, однако, нисколько не злоумышлял против него».

И расстались братья мирно, встретившись вновь лишь на похоронах своего отца Ицхака (Берешит, 35:29), и даже хоронили его вместе. Заметьте, в описаниях их взаимоотношений Тора часто употребляет слова «его брата», давая нам понять, что и Эсав, и Яков осознавали свое братское родство.

Примирение Якова и Эсава. Рембрандт ван Рейн. 1655 год.

Коллекция гравюр Берлинских государственных музеев

Ī ayō í eé āāōō í adī āī ā

В следующий раз встретились уже не два человека – Яков и Эсав, (или Израиль и Эдом, по их вторым именам), а их потомки. Но потомки называли себя именами предков и относились к себе как к коллективным личностям, продолжающим дела своих отцов. Когда евреи вышли из Египта и приблизились к границам Земли обетованной, выяснилось, что им необходимо пройти через царство потомков Эдома. Моше обратился к их царю: «Так говорит брат твой, Израиль...» (Бемидбар, 20:14). И тут давняя подспудная вражда вышла наружу: «Но Эдом сказал ему: ты не пройдешь через меня, а то я выйду навстречу тебе с мечом» (Бемидбар, 20:18). Брату пришлось снова, как и сотни лет назад, уйти от брата, и евреи прошли в Ханаан в обход земли Эдома (Дварим, 2:8).

Эдом враждебен Израилю, не пропускает его через свои земли, но не нападает, лишь предупреждает: держись от меня подальше. Сам Всевышний предостерегает евреев: не трогайте эдомеев (Дварим, 2:5) и не презирайте их, потому что они – ваши братья (Дварим, 23:8).

В последующие несколько сотен лет евреи благоразумно не замечали эдомеев. Но после окончания эпохи Судей Шауль, первый еврейский царь, вел превентивные войны на всех фронтах, в том числе и с Эдомом: «И утвердил Шауль свое царствование над Израилем, и воевал со всеми окрестными врагами своими: с Моавом, и с Аммоном, и с Эдомом, и с царями Цовы, и с филистимлянами, и везде, против кого бы он ни обращался, он их побеждал» (Шмуэль I, 14:47).

Его преемник Давид обращался с эдомеями более жестоко: «И было, когда Давид был в Эдоме, и военачальник Йоав пришел для погребения убитых и перебил всех мужчин в Эдоме...» (Млахим I, 11:15). Давид поступает с вражеским царством так, как предписано Пятикнижием (Дварим, 20:10-15). Не стоит удивляться: в эпоху, когда не было профессиональных армий, каждый взрослый мужчина мог воевать и воевал, а значит, на войне каждый мужчина вражеского государства воспринимался как враг и был обречен на смерть.

После победы Давид ликвидировал государственную независимость Эдома: «И поставил он наместников в Эдоме <...> и стали все эдомеи рабами Давида» (Шмуэль II, 8:14). «И не было царя в Эдоме; царем [считался] наместник [Иудеи]» (Млахим I, 22:48). Но когда Иудея ослабла, а Эдом окреп, эдомеи – естественно – захотели вернуть былую независимость: «Во дни его [Йорама] отложился Эдом от Иудеи; и поставили они над собою царя. И прошел Йорам в Цаир, и с ним все колесницы; и было, встал он ночью и поразил эдомеев, окружавших его, и начальников над колесницами, но народ убежал в шатры свои. И отложился Эдом от Иудеи до сего дня» (Млахим II, 8:20-22). Впоследствии с эдомеями воевал царь Амацья: «Побил он десять тысяч эдомеев в Гей-а-Мелах и захватил в войне Сэлу, и назвал ее Йоктеэль, как [это] доньне» (Млахим II, 14:7), однако Эдом остался независимым.

Дальше – больше. Эдом не только добился независимости, но и начал ответную агрессию против Иудеи: «И еще эдомеи пришли, и побили в Иудее, и взяли в плен» (Диврей а-ямим II, 28:17). Эдом присоединился к сонмищу врагов Иудеи, окружавших ее со всех сторон, и начал проникновение на территорию Иудеи. В конце периода Первого храма эдомеи решили уйти со своих пустынных пастбищ и дошли до исконно иудейских земель, района современного Бейт-Шемеша. Город Мареша, нынешний Бейт-Гуврин, в 40 км к юго-западу от Иерусалима, при египетских властителях Птолемеях даже стал столицей провинции Идумея.

Маятник экспансии качнулся в другую сторону. Все проходит, и это пройдет. Но откуда у авторов Танаха такая яростная ненависть к Эдому, подобной которой они не питают ни к одному враждебному народу? Вот несколько примеров: «И станет Эдом ужасом: всякий, кто пройдет мимо него, удивится и присвистнет, увидев все его раны» (Ирмеяу, 49:17); «Припомни, Г-споди, день Йерушалаима сынам Эдома, говорившим: “Разрушайте, разрушайте его до основания!”» (Теилим, 137:7); «Радуйся и веселись, дочь Эдома, живущая в стране Уц! И до тебя дойдет чаша: напьешься ты допьяна и изрыгнешь!..» (Эйха, 4:21-22); «А дело в том, что Эдом принципиально отличен от филистимлян, ассирийцев, арамеев, вавилонян и других врагов Иудеи и Израиля. Ведь Эдом – это Эсав, а Эсав – это брат Якова, а Яков – это мы. Эдом – наш ближайший родственник, ближе Амона с Моавом, ближе Ишмаэля и уж наверняка ближе Ашура. От брата мы ждем братских чувств, а что получаем? Агрессию. “Разве не брат Эсав Якову, слово Г-спода! Но Я люблю Якова, а Эсава ненавижу”» (Малахи, 1:2).

Это разочарование сквозит во многих поздних фрагментах Танаха. Пророк Йехезкель называет чувство, испытываемое Эдомом к Иудее, не враждой, а мстью: «Так сказал Г-сподь Б-г: за то, что делал Эдом, когда мстил дому Йеуды, и согрешили и мстили им. “За это, – так сказал Г-сподь Б-г, – Я простру Мою руку на Эдом, и истреблю в нем человека и скот, и предам его разрушению от Теймана и до Дедана, они падут от меча” (Йехезкель, 25:12-13)».

Заметьте: Поздние пророки обвиняют Эдом не в кровопролитии, не в массовых убийствах, а, скорее, в непорядочности – мести, злорадстве, предательстве, мародерстве. В неродственном, небратском отношении: «Из-за ограбления брата твоего Якова покроет тебя стыд, и уничтожен будешь навсегда. В день, когда стоял ты в стороне, в день, когда чужеземцы взяли в плен войско его, и иноземцы вошли в ворота его, и об Йерушалаиме бросали жребий, ты тоже был одним из них. Не следовало тебе злорадно смотреть в день несчастья брата твоего, в день крушения его, и не следовало тебе радоваться о сынах Йеуды в день гибели их, и не следовало тебе разевать рот свой в день бедствия. И не следовало тебе входить в ворота народа Моего в день несчастья его, не следовало тебе смотреть на беду его в день несчастья его, и не следовало тебе простирать руки свои на

имущество его в день несчастья его. И не следовало тебе стоять на перекрестке, чтобы истреблять спасшихся, и не следовало тебе предавать уцелевших его в день бедствия» (Овадия, 1:10-14).

Триумф Давида (фрагмент). Рафаэль Санти. 1518–1519 годы.

Фреска Папского дворца в Ватикане

В дни Второго храма отношения эдомеев (идумеев) и иудеев стали еще хуже. Йеошуа бен Сира в III веке до н. э. отзывается о первых – наряду с филистимлянами и самаритянами – очень пренебрежительно: «Двумя народами гнушается душа моя, и третий не есть народ: это обитающие на горе Сеир, филистимляне и глупый народ, живущий в Шхеме» (Бен-Сира, 50:27-28).

Второй век до н. э., идумеи живут в соседстве с иудеями уже много лет. Только что отгремели Маккавейские войны, земли идумеев под контролем победоносного еврейского войска, и первосвященник Йоханан Гиркан примерно в 110 году до н. э собираются обратить идумеев в иудаизм: «Затем Гиркан взял идумейские города Адару и Марешу и, подчинив своей власти всех идумеев, позволил им оставаться в стране, но лишь с условием, чтобы они приняли обрезание и стали жить по иудейским законам. Идумеи действительно приняли обряд обрезания и построили вообще всю свою жизнь по иудейскому образцу из любви к отчизне. С этого самого времени они совершенно стали иудеями» (Иосиф Флавий, Иудейские древности, 13:9:1).

Не прошло и сотни лет, как идумей Ирод стал правителем Иудеи, жестоко истребил большинство еврейских мудрецов, оставил по себе недобрую память казнями своих родственников и приложил большие усилия для эллинизации страны. Мы можем поставить ему в заслугу разве что перестройку Второго храма: «Спросил Ирод: “Кто это проповедует: „из среды братьев своих поставь над собой царя“ (Дварим, 17:15)? Мудрецы!” И перебил всех мудрецов, оставив только одного Баву бен Буту, чтобы советоваться с ним. Но и его он ослепил, окружив его голову пиявками. Однажды он пришел, сел перед ним и сказал: “Посмотри, что этот злой раб [то есть сам Ирод] делает!” – “Что же мне с ним делать?” – “Прокляни его!” – “Сказано: „И в мыслях твоих не проклинай царя“ (Коелет, 10:20)”. – “Да он никакой не царь!” – “Ну, пусть не царь, пусть просто богатый человек, а ведь сказано в том же стихе: „И в спальне не проклинай богатого“”. – “Он просто вождь [наси]”. – “Но и о вожде сказано: „Вождя в народе твоём не кляни“ (Шмот, 22:26)”. – “Здесь имеется в виду вождь, который действительно находится „в народе твоём“, то есть ведет себя так, как принято в твоём народе, а этот [то

есть сам Ирод] как себя ведет?»» (Вавилонский Талмуд, Бава батра, 3б-4а). В конце концов Ирод, отчаявшись спровоцировать Баву бен Буту на *laesae majestatis* (оскорбление величества, тягчайшее преступление по римским законам), признаётся, что это он, и кается в убийстве мудрецов. Бава бен Бута советует ему, «погасившему свет мира», перестроить Храм и тем самым увеличить в мире свет.

Впрочем, был среди потомков Ирода один, который проявил себя истинным братом иудеев, братом не только по вере, но и по сердечным чувствам. Это внук Ирода Великого, Агриппа. Он был царем всей Страны Израиля (Иудеи, Самарии, Галилеи и Заиорданья) в 41–44 годах н. э. и стремился исполнять все предписания Торы, что не часто было свойственно царям. Но один случай с этим царем особенно примечателен. Как полагается на исходе седьмого, субботнего года, царь Израиля читал в Храме народу Тору (см. Дварим, 31:10-13). Мишна рассказывает: «Когда царь Агриппа читал Тору в Храме и дошел до стиха “Не можешь ты поставить над собою царя из чужих, который не брат тебе” (Дварим, 17:15), потекли слезы из глаз его. Тогда стали ему говорить: “Не бойся, Агриппа, ты брат наш, ты брат наш, ты брат наш!”» (Сота, 7:8).

Агриппа вспомнил, что он еврей по вере, но не по рождению: не от Якова он происходит, а от Эсава, и для чистокровных евреев он чужой и не может занимать престол. Мудрецы же утешают его: ты брат наш по вере, да и по крови брат, ведь ты – потомок нашего брата Эсава! Нужно все же упомянуть, что в Вавилонском Талмуде (Сота, 41а) поступок современников Агриппы порицают: «Сказали от имени рабби Натана: “В тот час евреи были приговорены свыше к смерти за то, что льстили Агриппе”».

Идумеи в полной мере оправдали худшие опасения, когда во время гражданских смут в Иерусалиме, в пору Великого восстания, одна из враждующих сторон пригласила их ополчение на помощь. Они, радуясь, что получили возможность отомстить, перебили всех, до кого смогли дотянуться мечом. Иосиф Флавий удивленно отмечает, что идумеи пренебрегли правилами иудаизма, которые формально обязаны были соблюдать, и не вспомнили о том, что иудеи – их братья: «Идумеи не щадили никого: кровожадные по своей натуре, ожесточенные еще тем, что им пришлось перенести от грозы, они обращали свои мечи против тех, которые их не впустили в город, не делая различия между сопротивлявшимися и молящими о пощаде; многих они пронзили своими мечами в ту минуту, когда те напоминали им об их племенном родстве с ними и просили пощады во имя их общего святилища. Бегство было немислимо, а на спасение не было надежды: стесненные густыми толпами, они были убиты целыми группами; загнанные по большей части в такие места, откуда не было выхода, пораженные неприятельскими ударами, они в беспомощности своей сами бросились вниз в город и таким образом добровольно подвергли себя, как мне кажется, еще более ужасной смерти, чем та, от которой они бежали. Весь наружный храм утопал в крови, и наступившее утро осветило восемь тысяч пятьсот трупов.

Но ярость идумеев все еще не унималась. Они обратились теперь против города, грабили целые дома и убивали всех, попадавших им на пути. Продолжать дальше травлю простого народа казалось им напрасной тратой времени; зато они старались отыскивать первосвященников и толпами предпринимали охоту на них. Последние были вскоре схвачены и тут же умерщвлены. Став над трупами убитых, они потешались над попечениями Анана о народе, так равно и над речью Йеошуа, произнесенной им со стены. Так далеко зашли они в своем злодействе, что бросили тела первосвященников непогребенными, между тем как иудеи так строго чтят погребение мертвых, что даже приговоренных к распятию они до заката солнца снимают и хоронят» (Иудейская война, IV, 5:1-2).

Так отношения Идумеи и Иудеи, эдомитян и евреев, Эдома и Израиля, Эсава и Якова прошли путь от братства к холодности, от соперничества к войне, от поцелуев к убийствам. Впоследствии идумеи, потеряв национальную независимость и культурную самобытность, растворились среди народов Ближнего Востока и больше евреям не докучали. Но имя «Эдом» по-прежнему звучит в еврейской философии, мистике и фольклоре как пугало, как предупреждение.

АЛТЕР РЕБЕ И СТАРИК ДЕРЖАВИН

Аעאעראי אד יעושע'י

Согласно Мишне, в еврейском календаре есть целых четыре даты для празднования Нового года. Первого числа месяца нисан начинается отсчет месяцев: 1-й месяц – нисан, 2-й – ияр и т. д. Кроме того, эта дата – новый год для отсчета правления царей: если некий царь начал царствовать, например, в месяце адар, то отсчет второго года его царствования начинается уже со следующего месяца, с первого нисана. Во времена Храма каждый еврей должен был отделить десятину от приплода своего скота. Отсчет годовичного цикла для этой цели начинался первого числа месяца элул. Пятнадцатое число месяца шват – это новый год для деревьев, начало отсчета урожая деревьев для отделения от него десятины. А первого тишрея – Рош а-Шана, годовщина сотворения человека, новый год для счета лет от Сотворения мира и для суда Создателя над мирозданием.

Рабби Шнеур-Залман из Ляд.

Микрография на основе прижизненного портрета

Портрет Г.Р. Державина.

Владимир Боровиковский.

1811 год

В конце XVIII столетия у хасидов, особенно у относивших себя к движению Хабад, появился еще один, пятый, Новый год. 19 кислева 5559 года (27.11.1798) из Петропавловской крепости был освобожден основатель этого направления хасидизма Алтер Ребе («Старший Ребе»), рав Шнеур-Залман из Ляд. Арестованный по доносу противников хасидизма, он провел в казематах Петропавловской крепости 53 дня, пока российские власти не убедились в его невиновности. Необычайная энергия, громадный организаторский талант, репутация выдающегося талмудиста, философский характер его учения (он привел учение хасидизма в соответствие со строгими требованиями талмудических авторитетов), обаяние личности способствовали исключительному влиянию рава Шнеура-Залмана на хасидское движение. С этого времени основное внимание митнагдим сосредоточилось на его деятельности, а их борьба с хасидизмом превратилась в борьбу с ним и его хасидами.

Из Вильны в Петербург поступил донос «о вредных для государства поступках руководителя каролинской секты Залмана Боруховича». Осенью 1798 года Алтер Ребе был арестован и «под крепким караулом» отправлен в столицу. Шнеур-Залман был обвинен в создании вредной секты, распространении нежелательных религиозных идей и государственной измене, нелегальной отправке денег в Палестину для каких-то политических целей. В частности, утверждалось, что он – с преступными целями – переправляет большие суммы денег во враждебную России Турцию (в действительности деньги шли на поддержку еврейской общины Эрец-Исраэль, которая входила тогда в Османскую империю).

Ответы Шнеура-Залмана на вопросы, заданные в Тайной канцелярии, убедили правительство, что его деятельность не носит преступного характера. Вместе с другими узниками Шнеура-Залмана освободили, хотя за ним установили «строгое наблюдение».

Поскольку в результате расследования обвинение было снято, он вышел из тюрьмы победителем, и его последователи ежегодно отмечают этот день, получивший в хасидской традиции название «Новый год хасидизма».

Однако и после освобождения рав Шнеур-Залман мог только мечтать о спокойной жизни. Противники хасидизма не отступили. В начале 1800 года митнагдим направили Авиغدора бен Йосефа-Хаима (в русских документах Авигдор Хаймович), бывшего раввина Пинска, ранее смещенного хасидами с должности, в Петербург, где от него поступила жалоба Павлу I на «вредную и опасную» секту, которая может «подать повод к величайшим дерзостям и злодеяниям». Ребе обвинялся в ежегодной отправке крупных сумм в Турцию, то есть в «помощи турецкому султану» (так доносчик называл денежные средства, которые посылали хасидам, поселившимся в Эрец-Исраэль). В ноябре 1800 года рава Шнеура-Залмана вновь арестовали и привезли в Петербург. Важную роль в его аресте сыграла представленная императору докладная записка сенатора Г.Р. Державина. Анализируя причины голода в Белоруссии, он, в частности, писал о вредной деятельности рава Шнеура-Залмана. Чиновники Тайной канцелярии устроили ему очную ставку с доносителем. Письменные ответы Ребе понравились императору, по приказу которого его вторично оправдали и освободили из-под ареста.

История взаимоотношений Алтер Ребе с Гавриилом Романовичем Державиным, великим поэтом и государственным деятелем, одним из первых сановников Российской империи, заслуживает отдельного разговора.

После разделов Польши сотни тысяч евреев стали российскими подданными. Рав Шнеур-Залман почти сразу понял, что необходимо еще внимательнее следить за любыми мерами российского правительства, связанными с евреями, поскольку предвидел неизбежные изменения в государственной политике. Еще в правление Екатерины он создал специальный комитет из двенадцати доверенных лиц, поручив им установить личные контакты с российскими чиновниками и вельможами. Нам известны имена лишь девяти членов этого комитета: рав Авром-Янкель и рав Гедалья-Зеэв из Минска, рав Авром и рав Борух-Йосеф из Борисова, рав Зундель-Ицхок и рав Хаим-Моше из Шклова, рав Дов-Бер-Моше из Дисны, рав Элиас-Шмуэль из Рогачева, рав Мордхе из Витебска. Всем этим людям рав Шнеур-Залман поручил войти в доверительные деловые, а по возможности и личные отношения с местными властями и влиятельными лицами. Кроме того, Ребе считал, что евреям необходимо как можно активнее арендовать целые имения, мельницы, шинки, рыболовные пруды, леса, сенокосы и т. д., чтобы стать экономически необходимыми для местных землевладельцев.

Поскольку основные решения принимались в Петербурге, комитету нужен был свой человек в столице. Им стал некий ювелир рав Авром-Моше, и Алтер Ребе составил для него программу действий. Когда Авром-Моше скончался, представителем комитета в Петербурге стал его сын Шмуэль, умный и энергичный. Деятельность комитета была довольно успешной. Так, достоверно известно, что рав Зундель-Ицхок наладил контакт с князем Потемкиным, всеильным фаворитом Екатерины. Другие члены комитета «завербовали» влиятельного польского магната князя Любомирского (впоследствии Ребе поселился в местечке Ляды, находившемся во владениях князя).

Уличная сцена в Лозне Могилевской губернии.
Иллюстрация из альбома Фабера дю Фор, участника похода
1812 года.

Издание С.М. Гинзбурга «Отечественная война 1812 года и русские евреи».

1912 год

Между тем белорусские крестьяне жестоко страдали от нищеты и лишений. Расследовать причины бедствия и разработать меры для его преодоления император Павел, сменивший на престоле Екатерину Великую, поручил сенатору Державину, относившемуся к евреям без особого дружелюбия.

Интересно, что в детстве Гавриил Романович, живший недалеко от Десны, хорошо знал одного из членов комитета, Дов-Бера-Моше, и даже часто бывал у него в доме. Впоследствии, приезжая в Петербург, Дов-Бер нередко посещал поэта и убеждал его изменить мнение о евреях. Однако Державин неизменно отвечал: «Если бы все они были, как ты...»

Рава Шнеура-Залмана своевременно проинформировали о поручении, данном Державину. Дов-Бер-Моше, приехав из Петербурга в Лиозно, сообщил Ребе эту новость. Дов-Бер добавил, что побывал у сенатора и, поговорив с ним, понял: ничего хорошего ждать не приходится.

Рав Шнеур-Залман поручил членам комитета подробно узнать предстоящий маршрут Державина: в каких городах и местечках он собирается останавливаться. Выяснив это, Ребе распорядился, чтобы его последователи вошли в контакт с местными польскими помещиками. Предполагалось, что те дадут Державину отзывы и рекомендации, самые благоприятные для евреев.

Особые поручения рав Шнеур-Залман дал двум богатым купцам, имевшим дело со знатью и крупными чиновниками: раву Шмарье-Залману из Полоцка, торговцу дорогими тканями и женской одеждой, и раву Носону из Шклова, торговцу драгоценными камнями. Ребе просил, чтобы в своих деловых поездках они неуклонно следовали за Державиным. Посещая местную знать с торговыми целями, они собирали сведения о поездке сенатора, а тем самым выполняли предписание внимательно следить за тем, не

скомпрометирует ли себя Державин получением взяток, ценных подарков и т. д. Впоследствии это можно было бы использовать против него.

Рав Шнеур-Залман сделал все возможное, чтобы местные помещики дали сенатору самые благоприятные отзывы о деятельности евреев в экономической сфере и приносимой ими пользе. Однако он напрасно прилагал столько усилий. Отчет Державина содержал нелюбезные высказывания обо всех слоях белорусского общества: помещики, по его мнению, «не суть домостроительны, управляют именьями <...> не сами, но через арендаторов», а в аренде «нет общих правил, коими бы охранялись как крестьяне от отягощения, так и хозяйственная часть от расстройки», крестьяне «ленивы в работах, не проворны, чужды от всех промыслов и нерадетельны в земледелии»^[1]. Однако едва ли не главной причиной нищеты в Белоруссии Державин назвал местных евреев-арендаторов, которые к тому же активно использовали зерно для изготовления водки, «хлебного вина», коим торговали в принадлежащих им корчмах и шинках. Как писал сенатор в своем отчете, «многочисленность же их [евреев] в Белоруссии <...> по единой только уже численной несоразмерности с хлебопашцами совершенно для страны сей тягостна <...> она есть единственно из главнейших, которая производит в сем краю недостаток в хлебе и в прочих съестных припасах».

О примерном содержании доклада Державина рав Шнеур-Залман узнал от своих агентов в Витебске. Понимая, что мнения сенатора уже не изменить, евреи попытались нанести удар ему самому. Поэтому, вернувшись в столицу, Гавриил Романович обнаружил, что против него возбуждено следствие: некая еврейка из Лиозно (место, где проживал рав Шнеур-Залман) подала жалобу, что «на тамошнем винокурном заводе» Державин якобы «смертельно бил ее палкою, от чего она, будучи чревата, выкинула мертвого младенца». Державин категорически отверг эти обвинения: «Быв на том заводе с четверть часа, не токмо никакой жидовки не бил, но ниже в глаза не видал <...> Пусть меня посадят в крепость, а я докажу глупость объявителя таких указов <...> Как вы могли <...> поверить такой сумасбродной и неистовой жалобе?» Дело закончилось оправданием Державина. Впрочем, он в это время уже утратил доверие Павла, и тот не позволил даже, чтобы сенатор сам вручил ему свою записку.

Хотя деятельность рава Шнеура-Залмана и его комитета держалась в строжайшей тайне, Державин, видимо, узнал о том, кто был его главным противником в Белорусии. Он дал самый нелестный отзыв об Алтер Ребе («жиде Зальмане»), обвинив его во всех смертных грехах: «Славится здесь в разбирательстве тяжб чрезвычайными собраниями, даже иностранных Иудеев, некоторый Жид Зальман Борохович, живущий в местечке Лезне, пред глазами которого ополчился я винокурение, производимое Жидами под предлогом дворянского права. В лицемера сего, лично виденного мною, веруют наиболее Хасиды, почитая его своим патриархом. Слово его – им закон. Хасиды сии суть раскольники или секаторы, в недавнем времени от древних их преданий некими новыми обрядами отличающиеся. Уже приметно видим между ими раздор. Первые жалуются на последних, что они детей их, а особливо богатейших купцов, сманивая в свою секту, обирают у них золото и серебро, которое остается в неизвестное употребление вышеупомянутого ханжи. Многие утверждают, что будто чрез него переводят они серебряные и золотые деньги в Палестину на богоугодные там дела, чаятельно при случае пришествия Мессии, которого всечасно ожидают на создание их храма»^[2].

В столкновении Ребе с одним из первых сановников Российской империи силы были слишком неравны. Державинская записка сыграла важную роль в ужесточении

законов, направленных против евреев. Тем не менее рав Шнеур-Залман сделал в этой ситуации все возможное, чтобы отвести беду, грозившую евреям.

^[1] Г. Державин, *«Мнение об отращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев»*. См. также: А. Солженицын, *«Двести лет вместе»*, гл. 1.

^[2] Цит. по: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_567.htm.

ЕВРЕЙ ПО МАТЕРИ ИЛИ ПО РОЖДЕНИЮ?

Ī ediyi Êèòdīnēāy

Все мы знаем трогательную историю о том, как праотец Яков встретил Рахель, полюбил ее и решил на ней жениться. Этому библейскому сюжету посвящено немало произведений искусства. Но давайте присмотримся к этой истории пристальнее – может быть, мы отыщем в ней нечто неожиданное!

Рахель и Лея.

Статуи гробницы папы Юлия II. Микеланджело Буонарроти.

Рим. 1545 год

Сначала вспомним, как было дело. Яков, бежавший из отчего дома, от собственного брата, полюбил двоюродную сестру Рахель и договорился со своим дядей, ее отцом, Лаваном, что будет служить ему за нее семь лет. Отслужил – «и были они в глазах его, как несколько дней, по любви его к ней». Настало время свадьбы, и наутро выяснилось, что Лаван подsunул ему Лею, свою старшую дочь! В ответ на возмущенное восклицание Якова: «Что ты это мне сделал? Зачем ты обманул меня?!» Лаван ехидно ответил: «В наших местах так не делается, чтобы выдать младшую прежде первородной», прозрачно намекнув на то, что сам Яков обманом выпросил у отца благословение,

предназначавшееся его брату, первенцу Эсаву. Что ж, делать нечего, пришлось Якову служить еще семь лет, но на этот раз Лаван «благородно» отдал ему Рахель сразу, через неделю после Леи, и Яков остался ему «должен» еще семь лет, которые честно отработает. В итоге – Яков женат на двух сестрах. К браку с одной из них он стремился, а на другой оказался женат из-за хитрости Лавана. Но все же «он любил Рахель больше, чем Лею»...

Любящая и преданная Лея, пытаясь компенсировать свое положение нелюбимой жены, начинает лихорадочно рожать, причем вплоть до появления четвертого ребенка явно думает только о том, как завоевать если не любовь, так хотя бы внимание мужа. Это нашло отражение в рассказе Торы об именах, которые Лея дала своим детям: первенца она назвала Реувен («смотрите: сын»), говоря: «...теперь мой муж полюбит меня». Рождение первенца не помогло ей завоевать любовь Якова, и, родив второго, она говорит: «Г-сподь услышал, что я нелюбима, и дал мне этого» и называет сына Шимон («услышанный»). Надежды ее не оправдались и на этот раз, но она все еще не теряет их и дает третьему сыну имя Леви («сопутствующий»), говоря «Теперь мой муж прильнет ко мне (буквально: “будет меня сопровождать”), потому что я родила ему трех сыновей». Можно понять это и так: теперь, когда у меня три сына, а руки-то только две, значит, я могу вести за руку только двоих, а третьего уже должен будет вести Яков.

После четвертого ребенка Лея остановилась, и в соревнование вступила, пока с помощью служанки, Рахель. (Такое мы уже встречали: когда у Авраама и Сары не было детей, Сара отдала ему свою служанку Агарь, чтобы та родила от Авраама сына, при этом он будет считаться сыном Сары, и Сара будет его воспитывать – так родился Ишмаэль.) Но и Лея не дремлет, тоже отдает Якову служанку, и так, в соревновательном марафоне, жены и наложницы Якова рожают 10 сыновей. Кульминация этой борьбы за внимание и любовь мужа напоминает торг: Рахель приобретает у Леи найденные сыном последней мандрагоры в обмен на то, что уступает ей мужа на эту ночь.

После этого динамичное повествование неожиданно меняет ритм, и вслед за стихами, перечисляющими энергичные целенаправленные действия («и зачала... и родила... и зачала... и родила...»), наступает пауза, текст Торы сообщает нам уже совсем в другом тоне: «А потом она родила дочь и нарекла ей имя Дина». Ну что ж, может быть дело в том, что дочь – создание более тихое, спокойное, чем мальчишки. Но если заглянуть в классический текст «Таргум Йонатана бен Узиэля», где дан расширенный, комментированный перевод этого спокойного стиха на арамейский, который был основным разговорным языком в эпоху Мишны, то нас ждет немалое удивление! Вот что там написано: «...посчитала Лея, что если она еще раз родит сына, то на долю Рахели останется меньше всех, меньше, чем у любой из служанок! – и она поменялась с Рахелью плодами в утробах, и так Йосеф оказался в утробе Рахели, а Дина – в утробе Леи». То есть Лея, наделенная пророческим даром, знала, что у Якова будет всего двенадцать сыновей. Поэтому прикинула, что если десять из них уже родились (шестеро – у нее, и по двое у каждой из служанок), то, если она вновь родит мальчика, на долю Рахели останется только один сын. Лея, хоть и соревновалась с Рахелью и завидовала любви к ней Якова, все-таки не могла смириться с такой горькой долей сестры. Она помнила, что в решающий момент Рахель, рискуя собственным будущим, уберегла ее от позора.

Мидраш рассказывает: собираясь пожениться, Яков и Рахель подозревали, что хитрец Лаван может захотеть обманом выдать за Якова Лею, и договорились обмениваться условными знаками, подтверждающими, что Рахель – это Рахель. Но, представив себе, каким несмываемым позором станет для ее сестры, если под брачным

балдахином откроется, что она хочет обманом заполучить Якова, Рахель ужаснулась и передала Лее условные знаки.

Что ж, поступок Леи, как и предшествующий ему поступок Рахели, милосерден, можно восхититься ее благородством. Только где ж это видано, чтобы беременные женщины менялись плодами своего чрева? И хотя мы привыкли не понимать мидраш буквально, какую полезную информацию для нашей жизни мы извлечем из него? А ведь цель мидраша в первую очередь – дидактика.

Оказывается, и из этого чудесного мидраша мы получим немало полезных сведений. Действительно, Лея и Рахель едва ли могли обменяться плодами, следуя естественному порядку вещей. Это и сейчас, при всех достижениях науки в области репродуктивной медицины не очень распространено. Не очень, но все-таки бывает! В XX веке появился термин «суррогатная мать» – то есть женщина, которая вынашивает подсаженную оплодотворенную яйцеклетку другой женщины, не способной родить, и рождает ей дитя. В таком случае одна женщина – генетическая мать ребенка, а другая – выносившая и родившая его. Следовательно, как в рамках еврейского религиозного законодательства, так и в общей юриспруденции, неизбежно возникает вопрос: кто же из них будет считаться матерью?

Ответ на него, мы, возможно, неожиданно для себя находим в таком, казалось бы, полностью нереалистичном мидраше. Представим себе, что Лея и Рахель, как говорит нам мидраш, поменялись плодами. Но ведь после этого Тора – по меньшей мере, в понимании «Таргума Йонатана бен Узиэля» – уверенно называет Йосефа сыном Рахели (ср. 35:24), а Дину – дочерью Леи (34:1). Значит, мать – та, которая родила, а не та, которая зачала.

Неужели же, спросите вы, мы учим Алаху лишь из такого престранного мидраша? Конечно, это не совсем так. Исследуя эту проблему, современные законоучители опираются на опыт предшественников и прецеденты, так или иначе затрагивающие этот вопрос. Однако при анализе ситуации они приводят и этот мидраш как некую дополнительную опору, отмечая, что одного его было бы недостаточно. Приведем слова профессора Зеэва Лева из его обзора этой темы, опубликованного в сборнике «Эмек Алаха» (1989. Часть 2. С. 163–172): «...приводят в качестве аргумента слова “Таргума Йонатана бен Узиэля” к Берешит, (30:2) и видят в них подтверждение своему мнению...» Впрочем, дальше он пишет: «Но нельзя выводить Алаху из Агады...»

В статье «Чей ребенок, чья религия?», опубликованной в сборнике «Медицина и Алаха», известный раввин Шабтай Раппопорт разбирает конкретный случай, когда бесплодная еврейская женщина решила отдать яйцеклетку, оплодотворенную *in vitro* спермой ее мужа, суррогатной матери. В связи с этим был задан вопрос: кто будет считаться матерью этого ребенка и будет ли он евреем, если суррогатная мать – нееврейка? Разбирая этот вопрос, раввин Раппопорт основывается на Вавилонском Талмуде (Йевамот, 78а). Там сказано, что ребенок, родившийся у женщины, которая приняла иудаизм во время беременности, будет гером, то есть он пройдет гиюр благодаря окунанию в микве в утробе матери, а не потому, что он рожден матерью-еврейкой. Значит, принадлежность к народу (в нашем случае – и вероисповедание) определяется зачатием, а материнство – родами. Раввин Раппопорт приходит к поразительному выводу: такой ребенок будет евреем, хотя его матерью будет считаться родившая его нееврейка!

Свой парадоксальный вывод раввин Раппопорт объясняет так: «...плод – это потенциальный человек, который фактически становится человеком после рождения. Суть

иудаизма – это завет, союз Всевышнего с нами, мы приняли его на горе Синай, когда получили Тору как обязательство для нас и наших потомков до конца дней. Следовательно, наша вера имеет и актуальное, и потенциальное значение: актуальное – для нас, потенциальное – для наших потомков... Завет и обетование вступают в силу в момент зачатия, и, стало быть, ребенок родится евреем. Ребенок же, зачатый нееврейской женщиной, не может считаться евреем по рождению, только гером. Отношения “мать–ребенок” могут возникнуть лишь применительно к актуальному ребенку, в ходе беременности и родов. У зародыша еще нет матери. Материнство определяется не зачатием, а рождением».

Эти вопросы, как и ответы на них, совсем не тривиальны. Дискуссии в Талмуде, из которых выводятся решения по подобным вопросам, можно толковать неоднозначно. Поэтому мидраш из перевода Йонатана бен Узиэля о женщинах, поменявших плоды, становится совсем не лишним при принятии решения.

Современность зачастую открывает нам неожиданные аспекты в традиционных источниках, казалось бы изученных вдоль и поперек. Абстрактные мидраши, на первый взгляд имеющие сугубо теоретическое значение, могут оказаться полезными во вновь возникших ситуациях. Едва ли наши мудрецы предвидели, что у женщин появится реальная возможность «меняться плодами» и вопрос, косвенно затронутый в «Таргуме Йонатана бен Узиэля», станет актуальным; скорее, их свободная мысль стремилась охватить максимально широкий круг тем, и нет ничего удивительного в том, что многие из них оказались востребованными в быстро меняющемся мире. Сегодня вопрос о том, кто считается матерью, когда плод помещен в утробу другой женщины, волнует отнюдь не только талмудистов, а кошерность русалок, обсуждавшаяся в Сифри (Шмини, 4:7) и у Рамбана, в его комментарии к книге Ваикра (11:10), пока как-то не пригодилась, поскольку русалок вокруг не видно. Ну что ж, подождем...

Дов Конторер

Окончание 1. Начало в № 9, 10, 2010

ÍÄËÏ OÏ ÐÛÁ ÍÁÍÁ OÏ ÄËÏ ÛÁ ÑÃÄÄÍÈB

Масора и масоретский текст

Слово масора или иногда месора (буквально: «предание», «традиция») является также названием свода правил, служащих сохранению канонизированного текста Писания и его оформления при переписывании. Основным элементом Масоры является аппарат примечаний, уточняющих орфографию, огласовку, синтаксическое деление, ударение и кантилляцию, т. е. интонированное, с мелодическими фигурами, чтение текста, а также случаи вариантного произношения отдельных слов. Масоретским называется текст Писания, составленный и оформленный в соответствии с этими правилами, а масоретами называют ученых, осуществивших работу по фиксации консонантной основы Писания и составлению указанного аппарата к нему.

Деятельность масоретов, осуществлявшаяся в рамках нескольких школ, продолжалась до X века; ее фактическим завершением стало составление около 920 года так называемого Алеппского кодекса, он же «Кетер Арам-Цова».

В этом манускрипте, содержащем текст всех книг Писания, Аарон бен Моше Бен-Ашер, последний из выдающихся масоретов Тивериадской школы, расставил знаки огласовки и кантилляции. Алеппскому кодексу как наиболее авторитетной из древних рукописей Писания следовал Рамбам, излагая законы о написании свитка Торы в соответствующем разделе своей книги «Мишне Тора». В конце 1947 года Алеппский кодекс пострадал во время погрома, разразившегося в сирийском городе Хaleb (Алеппо) в связи с принятым тогда решением ООН о создании еврейского государства. Он был доставлен затем в Израиль в неполном виде: пропало около четверти текста, и пропавшую часть не удалось восстановить полностью по сохранившимся описаниям.

Таким образом, древнейшим из манускриптов, содержащих текст всех книг Писания целиком, оказался так называемый Ленинградский кодекс, завершение работы над которым датируется 1009 годом.

Одним из элементов Масоры является обширный список случаев, в которых применяется правило кре у-хтив, т. е. чтение заменяющего слова вместо написанного в тексте. Другими элементами Масоры являются экстраординарная пунктуация и списки «больших» и «подвешенных» букв.

Колофон из Ленинградского кодекса – Codex Petropolitanus.

Писец и масорет Шмуэль бен Яков.

Каир.

1009 год

Ординарная и экстраординарная пунктуация

В оригинальном тексте Торы и других книг Писания нет никаких других знаков, помимо согласных букв (консонантная основа), т. е. нет знаков огласовки, кантилляции и препинания. Все эти знаки, именуемые для удобства ординарной пунктуацией (никуд), приводятся в печатных изданиях, однако публичное чтение Торы и пяти мегилот^[2]

в синагогах осуществляется с пергаментных свитков, в которых дана консонантная основа. В то же время и в Торе, и в некоторых других книгах Писания имеются слова, помеченные экстраординарной пунктуацией, а именно: точками над строкой и в одном случае (Теилим, 27:13) под строкой. Иногда таким образом бывает помечено целое слово, иногда – одна или несколько букв в одном слове. В отличие от знаков огласовки, кантилляции и препинания, экстраординарная пунктуация приводится также и в свитках, предназначенных для публичного чтения.

Кроме того, имеется несколько случаев, когда отдельные буквы в тексте Писания выделены специальным образом: более крупным (отийот рабати) или надстрочным, «подвешенным» написанием (отийот телуйот). Наконец, в двух местах масоретского текста используются специальные знаки, подобные скобкам, так называемые «перевернутые нуны».

Все случаи такого рода рассматриваются традицией как подлежащие интерпретации. Например, точки над буквами слова часто понимаются как указание на то, что помеченное ими слово следует воспринимать ослабленно, «под знаком вопроса», как одновременно «присутствующее и отсутствующее» в тексте Писания. Именно такой

характер носит объяснение экстраординарной пунктуации в трактате «Авот де-рабби Натан», гл. 34. По поводу «перевернутых нунов» в мидраше «Бемидбар раба» говорится от имени Рабби, что выделенный ими фрагмент (Бемидбар, 10:35-36) представляет собой «отдельную книгу», а рабби Шимон говорит там же, что этот фрагмент выделен потому, что он приводится в тексте Торы «не на своем месте».

Ἰαϗάι εὔ εἰ εἶ Ἰ εἴη εὔ

Как известно, русские названия библейских книг отражают традицию греческого перевода, именуемого Септуагинта (от латинского названия «*Interpretatio Septuaginta Seniorum*», т. е. «Перевод семидесяти старцев»). Этот перевод, имевший большую популярность у грекоязычного александрийского еврейства, был впоследствии канонизирован христианской церковью. Согласно так называемому «Посланию Аристея», перевод был выполнен еврейскими учеными, которых Птолемей II Филадельф (285–247 годы до н. э.) пригласил специально для этого в Александрию из Иерусалима. В упомянутом «Послании», представляющем собой псевдоэпиграфическое сочинение еврейского автора, написанное от имени греческого придворного, и в некоторых других источниках говорится только о переводе Торы (Пятикнижия), однако в христианской традиции, начиная с Эпифания, установилось мнение, согласно которому Септуагинта включала в себя перевод всего библейского корпуса, выполненный большей частью значительно позже. «Послание Аристея» и свидетельство Эпифания изобилуют мифологическими подробностями, но в целом считается более или менее достоверным, что Тора была впервые переведена на греческий язык в III веке до н. э. В большинстве источников упоминается о семидесяти или семидесяти двух старцах-толковниках (по шесть – от каждого колена), отправленных Птолемеем на остров Фарос, где они за 72 дня выполнили порученную им работу. Но, например, в примыкающем к Талмуду трактате «Авот де-рабби Натан» говорится, что переводчиков было всего пятеро. Текст Септуагинты дошел до нас в многочисленных и сильно расходящихся версиях, отражающих в ряде случаев позднейшую христианскую редактуру, но он, тем не менее, часто бывает полезен для прояснения некоторых деталей, связанных с пониманием текста Писания в древности.

Наряду с книгами еврейского канона, в Септуагинту вошли также и некоторые книги, не включенные мудрецами в корпус Священного Писания, а именно: книги Юдит (Юдифь), Товита, Маккавеев, Премудрости Соломона, Бен-Сиры, Баруха и др.^[3] Но даже и в том, что касается книг еврейского канона, Септуагинта существенно отличается от масоретского текста. В нашем случае важно отметить разницу в порядке расположения и названиях книг Писания: если в масоретском тексте весь корпус Священного Писания (Китвей а-Кодеш) делится на три части: Тора, Невиим и Ктувим (т. е. Пятикнижие, Пророки и Писания; акроним – Танах), то в Септуагинте книги располагаются в следующем порядке: закон, история, поэзия, пророчество. В качестве названий книг в масоретском тексте чаще всего используется первое значащее слово той или иной книги (например: Берешит, т. е. «В начале», Шмот, т. е. «Имена», Ваикра, т. е. «И воззвал», и т. д.), тогда как в Септуагинте названия передают в тех же случаях основное содержание книги (например, Бытие, Исход, Левит и т. д.).

Используемые в Септуагинте названия почти всегда имеют еврейские аналоги, но доминантная в иудаизме традиция именования книг Писания отражена масоретской школой, и именно ей было отдано предпочтение при работе над переводом «Эйн Яаков».

Колофон из книги «Поздние пророки» с вавилонской вокализацией, акцентами, большой и малой масорой. 916 год

Арамейские таргумы

В талмудические времена было принято сопровождать публичное чтение Торы переводом на понятный всему народу язык. Переводчик (метаргем или метургеман) переводил слова Торы вслед за читающим, стих за стихом, следуя при этом принятому переводу. Общедоступным языком во времена Мишны и Талмуда был арамейский, ставший еще во времена Ассирийской империи международным языком всего Ближнего Востока, от Месопотамии до Египта, и лишь частично уступивший затем свои позиции персидскому и греческому.

Первые опыты перевода Писания еврейская традиция связывает с именем Эзры, книжника и священника, возглавившего евреев на определенном этапе возвращения из Вавилонского плена (464–424 годы до н. э.). Книга, носящая его имя, относится к числу поздних произведений, включенных в корпус Писания, и в ней, начиная с 7-й главы, рассказывается о деятельности самого Эзры; далее связанная с ним линия повествования продолжается в книге Нехемьи. Именно там (Нехемья, 7–8) сообщается об одном из главных деяний Эзры. По завершении строительства иерусалимской стены он собрал у Водных ворот всю общину вернувшихся из Вавилона числом сорок две тысячи триста шестьдесят человек и в день Рош а-Шана 445 года до н. э. устроил торжественное чтение Торы, призвав народ к покаянию: «И читали они книгу Торы Б-жьей внятно и с толкованием прочитанного» (Нехемья, 8:8). В Вавилонском Талмуде, трактат «Мегила», За при обсуждении этого стиха говорится от имени Рава: «Внятно – это перевод».

Новизна и чуждость подобного деяния изначальной еврейской традиции отражается в том, что для самого понятия «перевод» используется слово таргум, заимствованное через арамейский язык из аккадского (*targumanni*). В ранних библейских текстах как название переводчика используется отглагольное существительное мелиц с определенным артиклем, но в слово таргум вкладывался, по всей вероятности, дополнительный смысл: метургеман – не столько переводчик, сколько истолкователь и разъяснитель. И если мы обратимся к первым еврейским таргумам, то увидим, что даже наиболее точные из них (такие, как широко распространенный поныне «Онкелос») не ставят своей задачей дословное воспроизведение текста Писания на ином языке, но предпочитают интерпретирующее изложение.

Впрочем, письменные переводы Писания появились значительно позже; на раннем этапе метургеман растолковывал текст параллельно с его чтением на иврите. Как ни странно, одной из первых письменного перевода удостоилась библейская книга Иова, наиболее сложная в языковом отношении. Этот памятник литературы постигла печальная участь: раббан[4] Гамлиэль Старший распорядился замуровать его в строящуюся стену (см. Шабат, 115а и Тосефта, Шабат, 14:2).

Тем не менее в самые первые века новой эры появились письменные переводы Писания на арамейский язык. Самым авторитетным из них стал «Таргум Онкелоса», включающий текст Пятикнижия. Этот перевод был выполнен, по всей вероятности, в Эрец-Исраэль во II веке н. э. Он стал каноническим у вавилонских евреев, так что в Вавилонском Талмуде (Кидушин, 49а) его называют таргум дидан, т. е. «наш перевод». При этом характерный для Земли Израиля западноарамейский язык «Онкелоса» подвергся частичной лингвистической редакции, отражающей особенности вавилонского диалекта. В отличие от более ранних Иерусалимских таргумов, «Онкелос» минимальным образом вводит мидраш в перевод и стремится к дословной передаче текста Писания.

В Талмуде говорится о двух прозелитах, Онкелосе и Аквиле, переведших Писание на арамейский и греческий языки. Схожее звучание их имен (на иврите: Онкелос и Акилас) позволяет предположить, что речь идет об одном и том же человеке. Во всяком случае, многие рассказы об Онкелосе, приводимые в Вавилонском Талмуде и в Тосефте, совпадают с тем, что в Иерусалимском Талмуде и в созданных в Эрец-Исраэль мидрашах сообщается об Аквиле. «Таргум Онкелоса» изначально предназначался для чтения в синагогах, и этот обычай сохранялся во многих еврейских общинах в течение столетий по завершении Талмуда, а в некоторых йеменских общинах он существует до настоящего времени. «Таргум Онкелоса» поныне печатается в большинстве еврейских изданий Торы.

Рабби Гамлиэль.

Миниатюра из греческой Агады, предположительно написанной на Крите.

1583 год

Далее следует упомянуть «Иерусалимский таргум», он же «Первый Иерусалимский таргум», или «Таргум Йонатана». Его основу составил перевод пророческих книг, выполненный предположительно в I–II веках н. э., еще до появления «Таргума Онкелоса», однако в тексте этого перевода местами видны отчетливые следы позднейшей редактуры. Ставшее общеупотребительным название «Таргум Йонатана» возникло в результате известной ошибки: в рукописях данного перевода использовалась аббревиатура ТЙ (ת"י), которую с XIV века стали читать как «Таргум Йонатан» вместо правильного «Таргум Йерушалми» («Иерусалимский таргум»). В результате автором этого перевода стал считаться рабби Йонатан бен Узиэль – танай, живший в начале I века н. э. Несмотря на явно ошибочное происхождение названия «Таргум Йонатана», оно до сих пор широко используется и ему я отдал предпочтение в примечаниях к тексту «Эйн Яков». Здесь же следует отметить, что вошедшие в «Таргум Йонатана» переводы Писаний (в отличие от Пророков) имеют отдельное происхождение.

Наряду с «Первым Иерусалимским таргумом» известен также и сохранившийся в отдельных фрагментах «Второй Иерусалимский», или «Отрывочный», таргум. Для обоих «Иерусалимских таргумов» характерно обильное введение в текст перевода агадического материала. Применительно к Пятикнижию оба «Иерусалимских таргума» были в значительной мере вытеснены более поздним «Таргумом Онкелоса», но они сохраняют свое значение для изучающих Тору и печатаются вместе с «Онкелосом» в комментированных изданиях Танаха Микраот גדולת начиная с венецианского издания 1517–1518 годов.

Для полноты картины здесь можно упомянуть так называемый «Неофитский таргум», опубликованный в 1956 году. Этот таргум, принадлежащий к числу древних

еврейских переводов Торы на арамейский язык и относящийся к группе «Иерусалимских таргумов», хранился в испанском католическом учреждении для обращенных в христианство евреев Casa dei Neofiti. Когда именно этот перевод попал в руки церкви, неизвестно, но он так или иначе был полностью выведен из обращения в еврейских кругах.

Цитаты из Писания

В силу очевидных причин, связанных с характером талмудической интерпретации, в этой книге невозможно последовательно использовать ни один из существующих переводов Писания на русский язык. Нередко я оказывался перед необходимостью подбирать такой вариант перевода, который сделает понятными рассуждения мудрецов Талмуда по поводу того или иного стиха. Прямой смысл обсуждаемого стиха при необходимости раскрывается в примечаниях. Кроме того, в примечаниях часто дается обстоятельный анализ тех особенностей оригинального текста, к которым адресуются мудрецы Талмуда, высказывая то или иное суждение. Не всегда, но во многих случаях это позволяет понять, почему мудрецы могли усмотреть в определенном стихе или слове тот смысл, который кажется совершенно надуманным неподготовленному читателю, особенно если тот не знаком с языком оригинала.

В тех случаях, когда характер талмудического текста позволял опереться на один из существующих переводов Писания, я, как правило, отдавал предпочтение переводу, вышедшему под редакцией Давида Йосифона в иерусалимском издательстве «Мосад а-рав Кук» в 1975–1978 годах. При этом я, во-первых, не следовал той крайне проблематичной транслитерации имен собственных, которая была предложена этим изданием, и, во-вторых, считал себя вправе вносить уточнения и стилистические исправления в перевод Д. Йосифона. Иногда я ориентировался и на другие переводы Писания – как на русский язык, так и на другие славянские языки. Все это, разумеется, лишь дополняло мое собственное понимание текста в свете классических и современных комментариев, часто упоминаемых в примечаниях к переводу «Эйн Яаков».

Следует также отметить, что я часто давал целиком тот стих из Писания, который приводится мудрецами Талмуда в виде сокращенной цитаты. Будучи представителями традиции, для которой изустная передача огромных объемов текста была делом естественным и привычным, мудрецы могли быть уверены в том, что их слушатели легко восстаноят по памяти цитату, из которой они приводят всего два или три слова. Современному читателю и тем более читателю русскоязычному такое, как правило, не по силам.

Названия трактатов Талмуда и др.

В таблице приведены названия шести разделов Мишны и всех входящих в эти разделы трактатов, независимо от того, имеется ли к какому-то из этих трактатов Гемара или нет. Отдельным списком даны названия «малых трактатов», представляющих собой краткие сборники, написанные и составленные в мишнаитском стиле. Их содержание часто рассматривается как имеющее статус барайты, но при этом в «малых трактатах» есть и поздний аморайский материал. Как правило, «малые трактаты» публикуются в конце раздела Незикин в изданиях Вавилонского Талмуда.

Слово Мишна встречается в тексте в двух вариантах: с прописной и со строчной буквы. В варианте Мишна (с прописной буквы) оно указывает на корпус

Мишны в целом, тогда как мишна (со строчной буквы) является названием единицы текста внутри главы одного из трактатов Мишны.

В таблице также приведены названия книг, входящих в сборник «Мидраш раба».

Шесть разделов Мишны и входящие в них трактаты						
Зраим («Посевы»)	Мозд («Время»)	Нашим («Женщины»)	Незикин («Ущерб»)	Кодашим («Святые»)	Тоорот («Чистое»)	
Брахот	Шабат	Йевамот	Бава кама	Звахим	Келим	
Пеа	Эрувин	Ктубот	Бава мециа	Менахот	Оалот	
Дмай	Псахим	Недарим	Бава батра	Хулин	Негаим	
Кильаим	Шкалим	Назир	Сангедрин	Бехорот	Пара	
Швиит	Йома	Сота	Макот	Арахин	Тоорот	
Трумот	Сукка	Гитин	Шавуот	Темура	Микваот	
Маасрот	Бейца	Кидушин	Эдуйот	Критот	Нида	
Маасер шени	Рош а-Шана		Авода зара	Меила	Махширин	
Хала	Таанит		Авот	Тамид	Завим	
Орла	Мегила		Орайот	Мидот	Твуль йом	
Бикурим	Мозд катан			Киним	Ядаим	
	Хагига				Окацим	
Малые трактаты		Мидраш раба	Основные алахические кодексы			
Авот де-рабби Натан	Берешит раба	Мишне Тора	I	Мада	VIII	Авода
Софрим	Шмот раба		II	Аава	IX	Корбанот
Смахот	Ваикра раба		III	Зманим	X	Тоора
Кала	Бемидбар раба		IV	Нашим	XI	Незикин
Кала рабати	Дварим раба		V	Кедуша	XII	Киньян
Дерех эрец раба	Шир а-ширим раба		VI	Афлаа	XIII	Мишпатим
Дерех эрец зута	Рут раба		VII	Зраим	XIV	Шофтим
Герим	Эйха раба					
Кутим	Коелет раба	Арбаа турим	Орах хаим			

Авадим	Эстер раба	и Шульхан арух	Йоре деа
			Эвен а-эзер
			Хошен мишпат

יורה דעה: ארבעה עשר

В примечаниях к тексту «Эйн Яаков» часто даются ссылки на конкретные алахические установления, вынесенные по следам талмудических дискуссий. В приведенной выше таблице названы основные кодексы еврейского права с указанием входящих в них книг и разделов.

Алахический кодекс «Мишне Тора» (дословно: «Второзаконие») был составлен Рамбамом в XII веке, и он охватывает весь корпус алахи, включая и те его части, которые не применялись во времена Рамбама и не применяются сейчас, как-то: нормы уголовного права, законы о Храме, царях, войнах и т. д. «Мишне Тора» состоит из четырнадцати книг, ивритские названия которых указаны в приведенном выше списке. При этом книги пронумерованы в списке римскими цифрами.

Следующий алахический кодекс, «Арбаа турим» (дословно: «Четыре ряда»), был составлен р. Яаковом бен Ашером, сыном и учеником р. Ашера бен Йехиэля, в начале XIV века. В этом кодексе была впервые введена структура четырех больших разделов, которую воспроизвел впоследствии «Шульхан арух». Эти разделы именуются «Орах хаим» («Жизненный путь»), «Йоре деа» («Научающий знанию»), «Эвен а-эзер» («Камень помощи») и «Хошен мишпат» («Нагрудник закона»). В раздел «Орах хаим» вошли законы, регламентирующие повседневное поведение еврея, и, в частности, законы о молитвах и благословениях, о субботе, праздничных датах и постах. В разделе «Йоре деа» собраны законы о кошерной пище, о семейной чистоте, о клятвах и обетах, о почитании родителей и др. Раздел «Эвен а-эзер» содержит в основном законы о браке и разводе, а раздел «Хошен мишпат» является сводом законов о судьях, свидетелях и имущественных отношениях. В отличие от «Мишне Тора», кодекс, составленный р. Яаковом бен Ашером, не включает законов о Храме и вообще тех частей алахического права, которые могут быть применены лишь при наличии у евреев своего государства, основанного на законах Торы.

Как уже отмечалось выше, эту структуру воспроизвел впоследствии р. Йосеф Каро в своей книге «Шульхан арух» («Накрытый стол»), ставшей наиболее употребимым в практическом отношении сводом еврейского права. «Шульхан арух» был создан на основе ранее написанного р. Йосефом Каро развернутого комментария к «Арбаа турим». Этот комментарий, опубликованный в 1559 году под названием «Бейт Йосеф», включил алахические респонсы и новеллы крупнейших сефардских и ашкеназских авторитетов, детальное обсуждение этих произведений и их талмудических источников. В изданном несколькими годами позже кодексе «Шульхан арух» р. Йосеф Каро поставил перед собой иную задачу, а именно: дать читателю доступный, не отягощенный многочисленными ссылками и анализом разных мнений свод практической алахи. Многовековая популярность написанной им книги более всего свидетельствует о том, что р. Йосеф Каро достиг указанной цели. Значение его труда оказалось столь велико, что в еврейской традиции «Шульхан арух» стал условной вехой, по которой проводится разделение между ранними (ришоним) и поздними (ахроним) законоучителями в эпоху, начавшуюся с завершением деятельности Вавилонских гаонов около 1040 года^[5].

Титульная страница книги «Шульхан арух».

Рабби Йосеф Каро.

Берлин.

1717 год

В спорных случаях р. Йосеф Каро устанавливал алаху, ориентируясь на мнение двух из трех предшествовавших ему знаменитых законоучителей, а именно: р. Ицхака Альфаси, Рамбама и р. Ашера бен Йехиэля. Но поскольку двое из них – р. Ицхак Альфаси и Рамбам – были сефардами, «Шульхан арух» отражает в большинстве спорных случаев сефардскую алахическую традицию. В связи с этим уже на очень раннем этапе возникла потребность адаптировать «Шульхан арух» к нуждам ашкеназского еврейства. Эту задачу выполнил р. Моше Иссерлес (Рама), возглавлявший ешиву в Кракове. В 1569 году он выпустил комментарий к «Шульхан арух» под названием «Мапа» («Скатерть»); этот труд отразил ашкеназскую алахическую традицию с привязкой к тем пунктам, в которых р. Йосеф Каро отдал предпочтение подходу сефардских законоучителей.

В примечаниях к предлагаемому переводу «Эйн Яаков» ссылки алахического характера даются в большинстве случаев на «Мишне Тора» и «Шульхан арух». Ссылки на «Арбаа турим» даются лишь в тех случаях, когда возникает необходимость специально подчеркнуть мнение р. Яакова бен Ашера по тому или иному вопросу. Ссылки на комментарий «Мапа» даются с упоминанием акронима Рама (р. Моше Иссерлес) и указанием того места в «Шульхан арух», к которому относится мнение этого автора, например: «Рама пишет в примечании к ОХ, 128:35» и т. п. Кроме того, в тексте изредка

встречаются ссылки и на другие комментарии к «Шульхан арух», например «Маген Авраам» (р. Авраам а-Леви, 1637–1683), «Арух а-Шульхан» (р. Йехиэль-Михл Эпштейн из Новогрудка, 1829–1908), «Баэр гейтев» (р. Йеуда Ашкенази и р. Зхарья-Менд из Белза) и «Мишна брура» (р. Исраэль-Меир а-Коев из Радина, 1838–1933). Ссылки на все эти комментарии даются с указанием их названий и того места в «Шульхан арух», к которому относится данная ссылка. Остальные подробности текста, структуры и аппарата издания «Эйн Яаков» будут иметь значение для тех, кто держит в руках книгу и приступает к ее чтению.

Надеемся, среди них окажутся и читатели нашей статьи.

^[1] Печатается с сокращениями.

^[2] Мегилот – «свитки», принятое название пяти книг Писания, публичное чтение которых производится в определенные праздничные даты, см. ранее в разделе «Место агады в Устной Торе» (Лехаим. 2010. № 9).

^[3] Речь идет о еврейских книгах, имевших определенное распространение во времена Второго храма и Мишны, не включенных в канон Писания и не сохранившихся на языке оригинала (в тех случаях, когда языком оригинала был иврит; часть книг этого корпуса была изначально написана по-гречески). В Талмуде эти сочинения именуется «внешними книгами», и чтение их осуждается, но, с другой стороны, книга Бен-Сиры достаточно часто цитируется мудрецами Талмуда. В последующий период некоторые авторитетные еврейские учителя демонстрировали положительное отношение к этим книгам; например, Рамбан цитирует книгу «Хохмат Шломо» («Премудрость Соломона») в предисловии к своему комментарию к Торе. В научной литературе эти книги именуют апокрифами и псевдоэпиграфами, причем апокрифами называют сочинения, канонизированные католической и/или православной церковью, тогда как псевдоэпиграфы в целом не канонизированы ни одной из христианских церквей, но некоторые из них рассматриваются как священные отдельными восточными церквами (в частности, эфиопской). Иногда в отношении апокрифов используется термин «второканонические книги». С исторической точки зрения наибольшей ценностью в этом корпусе обладает I книга Маккавеев. Пергамент, содержащий еврейский текст книги Бен-Сиры, был обнаружен в 1896 году в каирской генизе, а в 1963 году фрагменты еврейского текста Бен-Сиры были обнаружены также и при раскопках в крепости Масада.

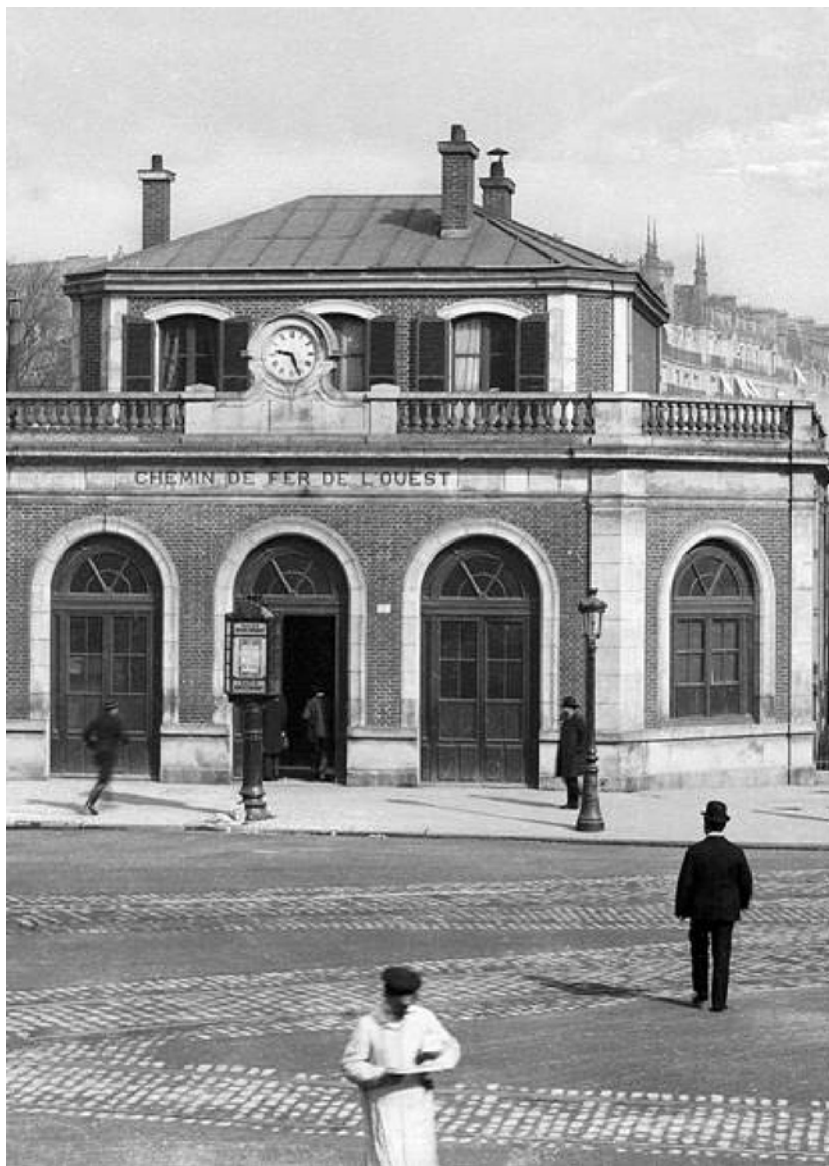
^[4] Раббан (арам. «наш учитель») – почетный титул некоторых глав Сангедрина. Раббан Гамлиэль Старший, внук Гилеля и прапрадед рабби Йеуды а-Наси, редактора Мишны, был первым из носивших этот титул. Основной период деятельности этого законоучителя пришелся на начало I века н. э.

^[5] Таким образом, вся история развития талмудической и постталмудической еврейской традиции делится на следующие основные этапы: 1) период танаев до начала III века н. э.; 2) период амореев до конца V века; 3) период савореев до конца VII века; 4) период гаонов до середины XI века; 5) период ранних законоучителей, или ришоним, до середины XVI века; 6) период поздних законоучителей, или ахроним, до настоящего времени. В ряде случаев определение четких границ между периодами сопряжено с трудностями, о которых уже упоминалось выше, в связи с вопросом о продолжительности периода савореев.

יְיָ יִזְכֶּנּוּ אֶת־עַמּוֹתֵינוּ וְיִשְׁמְרוּ אֶת־בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל כִּי־אֵין־לָנוּ מַלְאָכִים וְלֹא־יִשְׁמְרוּ אֶת־בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל כִּי־אֵין־לָנוּ מַלְאָכִים

אֵין־לָנוּ מַלְאָכִים וְלֹא־יִשְׁמְרוּ אֶת־בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל כִּי־אֵין־לָנוּ מַלְאָכִים

אֵין־לָנוּ מַלְאָכִים וְלֹא־יִשְׁמְרוּ אֶת־בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל כִּי־אֵין־לָנוּ מַלְאָכִים

Авеню Анри Мартен в Париже, где жил Михаил Цетлин.

Открытка.
Около 1900 года

יְיָ יִזְכֶּנּוּ אֶת־עַמּוֹתֵינוּ וְיִשְׁמְרוּ אֶת־בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל כִּי־אֵין־לָנוּ מַלְאָכִים וְלֹא־יִשְׁמְרוּ אֶת־בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל כִּי־אֵין־לָנוּ מַלְאָכִים

Итак, два подозрительных субъекта: оба евреи, оба дети московских купцов 1-й гильдии, оба хромают – можно понять происхождение головной боли у добросовестных, но, по всему видно, недалеких полицейских служак, которым был доверен порядок и безопасность огромной империи. Плохо или хорошо, скоро или нет, с фотокарточками или без, но задачу с двумя с половиной неизвестными – хромающими сыновьями евреев-

купцов и ушедшей к одному из них женой известного революционера Авксентьева – заграничная агентура в конце концов все же осилила. В деле Цетлина имеется следующий документ, составленный на основе агентурных сведений:

ΝΑΪΑΪ ΕΒ Ι ΔΑΪ ΕΡ ΟΕΙΤΙ ΤΕ ΑΒΘΑΕΥΤΙ ΝΟΕ

152-1909 α̇ Ι<μάτε> Ι<οάε>. Ιί νάιαίεϋι γαδαίε:ίίε αάιόοόιι γα ίίγαόι 1909 α̇, α̇ Ιίνεάι ίδτωάέάαο ίάεε Οαόεεί, αίάοόύε ίίείαίε :αείάαε, οόιι ίε, εί αβύεε οίδαίάε αίι α̇ Ιίνεάι[1]. Ιί ίεαγίάαο αάι αεί ία ίίμάεα Οαί όδαεϋι ίι ο̇ Είι εδαόα

Νάιαίεϋι γοε 10 ίίγαόϋ 1909 α̇ γα ¹ 138675 αύεε μάαυαίύ Αάιάδοαί αί όίι Ιίέεόεε ε̇ αέϋ δαγδαίόεε <ιάααίύ> Ιά:αεϋεεό Ιόάεαίεϋ ιί ίοδαίάεϱ ίαυαίοάαίίε ααγίάαίίηε ε̇ ίίδϋάεα α̇ α̇ Ιίνεάι, είόιόιε 19 α̇ ίίγαςϋ 1910 α̇ γα ¹ 247530 αάιίιεε, :όί ααδοάίάαοαείαί αάιαί ία δαίεϱόείίίύα όαεε α̇ Οαίόδαεϋιε Είι εδαό ίαδοεε μήεαέεηόία δαίεϱόείίάδα γαέϋαοίϋ ίαίίίαίίί αάιι α̇ μήόιϋδαεϋιε :αείάαε, μήι Ιίνείάεία 1-ε̇ αεϋιεε εοίόα Ιεόαεε Είνεάα Ινείία Οαόεεί, 27 εαό, ίδτωεαβϋεεε αεαό αίεαίε ίίά «όόάδεεεαίι» γα αλαίεσαε. Ιγία:αίίύε Οαόεεί, ιί νάιαίεϋι αίεαίαγίίία Ιόάεαίεϋ, ίδεοίάεοίϋ ααβϱάίύί αδαόίι εγαίόίύί μάεε ίάεααίάαείίηοϋρ μήόαίι Αεαεαίάοο Ναί ίεείαε ε̇ Ιεία Ιαόδίαίε Αύηόεεί, είόιόια αύεε μάαδεαόαεϋίε ε̇ μήόααόηόαίίύίε δαίεαίεοαεϋίε εεεαεαεοίάαίίύο α̇ Ιίνεάι α̇ 1906 α̇αό είεαίεγαάοαεϋιόα «Ιίαία Οίάαεϋαίόαί» ε̇ «Ιίείαϋϋ Δίηεϋ», η̇ είείε Οαόεεί όίάα είαε ιί ίγία:αίίύί είεαίεγαάοαεϋιόαίι ααίίάα ίοίίσαίεϋ. Εόιία όία, α̇ 1905 α̇αό αύεί όιόαίίάεαίί ίααεϱάαίεαί, :όί Οαόεεί είαε μήωαίεϋ η̇ εγαίόίύίε δαίεϱόείίίύίε αϋϋόαεϋίε: μήόαίι ε̇ Οοίάαί είνεεί, Βείάιι Αααδίίνεεί, Ααδαί ιί Αίό ε̇ αό εεόαίε, ίδτωάεαεείε ιί ίααεϱάαίεϱ ιί ίαδοεε μήεαέεηόία δαίεϱόείίάδα

262-1910 α̇ Ι<μάτε> Ι<οάε>. Ιί νάιαίεϋι Ιόάεαίεϋ ιί ίοδαίάεϱ ίαυαίοάαίίε ααγίάαίίηε ε̇ ίίδϋάεα α̇ α̇ Ιίνεάι ίό 20 ίεόϋαόϋ 1911 α̇αα γα ¹ 264076, Ιεόαεε Ινείίά Οαόεεί αεαίάό ία Ιί εεε<ε> Οοί αδεείίε, δαγδαίίίε αεαί α̇ αίαβϋαίϋηϋ μήεαέεηόα δαίεϱόείίάδα Ιεείεαϋ Αί εόδεαά Ααεϋί όίάα

Νίδαεα μήόαάεαί α̇ 8 οαάδαεϋ 1914 α̇αα, ίδε:αί αδοαεό νάιαίεε ιί ααεαί Αάιάδοαί αί όα Ιίέεόεε ε̇ ίγία:αίίίί ο̇ :ε̇ηεόί ααίίίι εεόα ία εί ααόηϋ.

<Ιίάίεηϋ>

Последний документ происхождением своим был обязан следующему обстоятельству. В начале февраля 1914 года отец Михаила Цетлина Есель (Осип) Цетлин обратился к Николаю II с прошением проявить царскую милость и позволить его сыну беспрепятственно вернуться в Россию, поскольку почти все участники того давнего и шумного дела об издательствах по воле монарха прощены и находятся на свободе и лишь судьба Михаила Цетлина, чей страх перед расплатой за несовершенно преступление поставил его вне закона, остается нерешенной. Письмо Цетлина-старшего было, конечно, хорошо продумано и составлено по всем правилам челобитного искусства. Был ли заранее ознакомлен с текстом Цетлин-младший, неизвестно, но вряд ли прошение могло быть подано царю без его воли и ведома.

Итак, вот его текст:

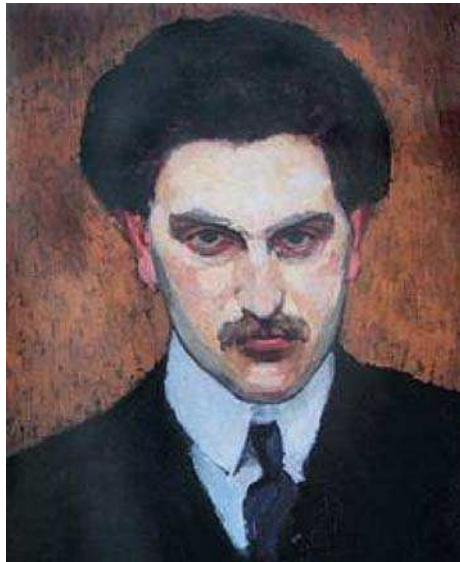
ΑΑΟΑ ΕΙΤ Ι ΑΒΑΟΙ ΔΝΕΙΑ ΑΑΕΕΧ ΑΝΟΑΙ

ΑΑΑΟΝΟΑΕΟΕΕΙ ΤΙ ΑΔΟ

ΑΙΝΟΑΔΔΥ ΑΝΑΙ ΕΕΙ ΝΟΕ ΑΑΕΟΕΕ

<Σίεανί οοαί ίαί >

4 οαάδαεϋ 1914

Портрет Михаила Цетлина неизвестного автора (возможно, кисти Иды или Елены Высоцких)

Своим обращением к Государю императору Есель Цетлин, сам того не подозревая, закрутил департаментскую карусель российского сыска. Тогда-то – после команды сверху – и пришли в движение маховики этого огромного монстра: составление сколько-нибудь ясной картины, перейдя в разряд осознанной служебной необходимости, наполнилось оперативным смыслом.

В ответ на запрос царской канцелярии из Министерства внутренних дел последовало следующее письмо:

Ï eëïïðeáíé Áïïááðü Ááïèëé Èëüè.;

Áïïááðeá íðïïðeáíé Ýáïðeáýðeé ÁÁÏ ÈÏ ÏÁÐÀÏÏÐÑÈÏÁÏ ÁÁÈÈ×ÁÑÏÁÁ ðò 14 óááðeý ïáá ááá çà 1 14579 ï áïçáðáíáíeáí áïïïáááíáíeáóáá ïðïðeáíé ïïòï ïðááííá ïí-áðïíáá áááe-ááíeíá Áïïeý Õáðeéíá, óñáðáeíðáðïááá ï ïðeðáíáíeé áïçáðe-ááííáá ïðïðeá áá ïïíá Ï eðáeéá Õáðeéíá ááíeíáíáá ïðáááíáíeý ïí 102-é ïð. Õáíeíáííá > Õe<íeáíeý>, èí áð -áïòü ïíáðeóü Ááeáí ó áïïèííðeáííáeðáeíðáá -óí ïïí ïðïðeáý Ï eðáeé Áïïeáá Õáðeéí áüé ïðeáeá-áí é ïðeçáíáeáeáí óñý á 1907 ááó ïðe Ï ïñeíáíeíí Áeááðïíeíí Èáíááðïíeíí Õíðáeáíeé óíðï áeíííí ó áíçíáíeð ïí ááeó ï «Ñíðçá eçááðáeáe ïðeáeéíðá-ðááíeððeéíáðñá á á Ï ïñeáá» ïí íáeéíáíeð áá á ïðáíðeíeáíeé, ïðááðïí ðòðáííí 102-é ïð. Õáíeíáííá > Õe<íeáíeý>. Ï ïíááíeáí eý ïðeáeá-áíeý Ï eðáeéá Áïïeááá Õáðeéíá é íçíá-áííí ó áíçíáíeð ïííeóeééá ïðeíááeáeííðü áá é ðááeééíííe éíí eííe éíeáeçááðáeíðáá «Ï íeíááý ðííeý», áðíáeáeáá á ïíðáá «Ñíðçá eçááðáeáe ïðeáeéíðá-ðááíeððeéíáðñá». Ï ïñeá áííðïíá ïí çòíí ó ááeó á eá-áïòáá íáeéíýáí íá Ï eðáeé Áïïeáá Õáðeéí áüé íáççáí ïíáíeíeé ï íáðeé-éá ïí áïòá eéðáeíðáá, ïí áí ðáíí ðòðáíeý ááeá ïeðüíeý. Ï eíí-áííá ïðeçáíáíeáíí áíçíáíeá áüéí ïðáááíí 24 ááeááðý 1909 á Ï ðíeçóððe Ï ïñeíáíeíe Ñeáááííe Ïáeáóü, ïí çáeéð-áíeð eíòíðñá, óááðeááíííí ó 22 áíðeý 1910 á ïðááeáíeáí Ï ïñeíáíeíe Ñeáááííe Ïáeáóü, ááí á ðïïïðeáíeé ïeðüíáeáííý Ï eðáeéá Áïïeááá Õáðeéíá áüáeáíí é áí íáíðíýíáá áðáí áíe çá ïáðçíñeíí áá Ñeáááííe Ï áeáðíe íá ðáíí ðòðáíí.

Ë eçéíeáííí ó èí áð -áïòü áíááeóü -óí, eáe áeáíí eç ááeá Ááíáðáí áíòá Ï íeéðeé, Ï eðáeé Áïïeáá Õáðeéí, ïeðüíáeéíý çá áðáíeóé é ïðáeááðïeé óáí áí íáíðíýíáá áðáí áíe, á 1909 á eáððáíáe ááíñe íá íeááí Õáíðáeíííáá Èíí eóáðá ïáððeé ïðeáeéíðá-ðááíeððeéíáðñá ïí-áí ó óáíeáðáíðáíeá óñáðáeíðáá áá ðòðá á ïóýðe Ï ÏÏÁÐÏÁÁÏ ïeéííðeáý ïíeááe áü íáeáeáðáeíííí.

Óàèòèèí, Ì èòàèè, ðñàèèñý á Ì ññèáá 28 èðíý 1882 ñàà, ñúí Ýññèý (Ëññèý) è Ì ðèññèè, ðñàèáííñè Áùññòèñè, æáí àò íà Ýí èèè<è> Õòí àðèèíñè, ðñàèáííñè á 1882 ñàà, ðñàèàààò á Ì àðèæá á àíí á 91-93 íí avenue Henri Martin

Ýòè ñààáñèý àíñèá íòàà-àðò ñààáñèýí, ññáíáííúí Ááí àðòáí áíòó Ìñèèèè Ì ññèááíñèí Ì ðààáíñèí á 1910 ñàò è èçñèæáííúí á ðàáíñèíñè çà 1 167214, àíèàáíòàèá ÷-áá íòíæááíòàèýòú èè-íñòú Ì èòàèèà Óàèòèèíá ñ Ì ááðíí Ì øáðíáíí Áááðííñèè, èíòíðúé ýæýáòíñý ááíðñáíúí àðàòíí Óàèòèèíá: ááí í àòú èàè è í àòú ííñèááíáá, ááòò-è ññòòáí è, ðñàèáííúí è Áùññòèè è, í èàèíá ññííáíñèý í à èí ááòíñý.

×òí æá èáíñáòíñý àíèèáá çà 1 229 íò 417 Óàáðáèý ñá, á èíáí í ííð ññáíáèíñý ÷òí ááííúá ññáíáííúá Ááí àðòáí áíòí Ìñèèèè í Áááðííñèíí á ðàáíñèíñè íò 31 Ì èòýáðý çà 1 105884 àíñèáííñèíáíòò è Óàèòèèíá ðí ýòí í áúýñýáðíñý ðáí, ÷òí á ðàáíñèíñè çà 1 105884 Ááí àðòáí áíò Ìñèèèè áááèè í Áááðííñèíí ðá ñáí úá ñààáíñèý, èíòíðúá áúèè ðàáííòàèáíú í ííð í Óàèòèèíá á àíèèáá íò 16/29 Ñáí òýáðý 1913 á çà 1 1459

Ì í àðèèíñè è ááýòàèùííñè Óàèòèèíá çà ááí èòàè áíñèááí áá ááí ý íò ááí ðòòú í èèèèè ñàáíñèè íá ííñòííáèí. Ëèáò íí á ñòíðíá íò í àðèèíñè èòàá, è íàð øàçáíñèý áæá íá ðí, ÷òí áú íí íèàçíáèè í àðòèè í àðàèèññè ðñ ííááðèèé

Áèý áñèøæ ýñííñè èçñèæáííñè èí áð ÷àíòú àíñèæèòú, ÷òí ðè ññòòú Áùññòèèá áúèèè çàí øè çà:

1) Áááðííñèíá

2) Áíòòá

è 3) Óàèòèèíá

Ó Áááðííñèè áúèí 4 ñííá è 1 áí-ú

1) Áááðííñèè, Áí èòðèè Ìñèíá æáí àòúé íá ññòòá Ì èííðá Ááí ðèñò, æèáò á Ì ññèáá

2) Áááðííñèè, Ëèíá Ìñèíáè-:, áúè æáí àò íá Õàáàò, ñ èíòíðúé ðàçáèñý è æáí èèñý á Èðèá 1913 ñàà íá èàèíè-òí í áèè-éá Ëèáò á Èñíáííá, ááí èí áíò èáèíáò è èááíðàòíðèð

3) Áíðèñ Ìñèíá Áíèòíð øèèññòèè, áíøæ èç Ááèæáèíáðàíñèíá ðí èááðííòàò á 1903 èèè 1904 ñàá Ëèáò á Ì àðòòáí

4) èí ý íàèçáííòíí, í íèíáíñè ÷áèíáè, ðèèèáí, íò èíòíðíá íò èàçáèèññè ðñàèòàèè

è 5) Áááðííñèáý, Áí æèý Ìñèíáíá, çàí øæáí çà Èèññè Óóíááí èíñèè.

Ó Áíòòáá áúèí 2 ñííá è 1 áí-ú

Ááðáí Áíòò - á ññèèéá

Ì àðáíè Áíòò - ðáíòòàòèáòèè 2 í èèèèíá, íúíá í ðñàèàáò á Ì àðèæá

Ááðá Áíòò - çàí øæáí çà Ì àðòúííáíí.

Óàèòèèíá, Ì èòàèè Ìñèíá íí í àðàè, ðñàèáííñè Áùññòèñè, ðèòáèèññè ááíðñáíúí àðàòíí Áááðííñèè, Óóíááí èíñèè è Áíòòáí. Ëáí àò íá Õòí àðèèíñè.

Èíèèæèñèè ñàáíòí èé Èðáíèèññè èéíá

Мария Тумаркина (в будущем жена Михаила Цетлина)

В отношении семей Гавронских и Гоцев у Красильникова произрастает та же «развесистая клюква», что и в предыдущих сочинениях на тему о Серафиме Тумаркиной. Философ Дмитрий (Меер), о котором речь шла выше, перепутан с дантистом Ильей, действительно женатым на Елизавете Минор. Кроме того, его место в Марбурге занял другой брат – Борис (Бер; ?–1932), один из руководителей фирмы «Высоцкий и К°», приятель А.Ф. Керенского, известный коллекционер антиквариата^[4]. Под безымянным хулиганом, от которого якобы «отказались родители», по всей видимости, имеется в виду Александр Осипович (1888–1958), в будущем режиссер театра и кино, прототип Сашки Бальца в «Спекторском» Бориса Пастернака. Царский полицейский чиновник будто бы унавоживал почву для своих будущих советских коллег-энкавэдэшников: превратившись из просто «хулигана» в «отпетого отщепенца» и «врага народа», Александр Гавронский проведет при новом режиме много лет в лагерях.

Еще более фантастические сведения сообщаются о семействе Гоцев.

«Растратчик» двухмиллионного состояния Матвей Гоц является, скорее всего, плодом обычной полицейской путаницы. Старшим братом Абрама был не Матвей, а Михаил (1866–1906), один из основателей партии эсеров, к тому времени, когда писалось это донесение, уже покойный. Вера Самойловна Гоц (урожд. Гассох; 1861–1938) – вовсе не сестра братьев Гоц, а жена Михаила Рафаиловича. После его смерти она замуж не выходила и оставалась вдовой до последних своих дней, так что Мартынов в качестве ее мужа такое же изобретение российских сыщиков, как и Матвей Гоц. Целиком на их совести, кроме того, остается установление кровнородственных связей между Фондаминским и Цетлиным, которых на самом деле не существовало.

Однако главную цель подготовленное Красильниковым сообщение все-таки достигало: не сообщая ничего принципиально нового, легший на стол Джунковского документ не расходился с давно существовавшим в полицейском ведомстве однозначным отношением к отпрыскам богатых фамилий, прежде всего еврейских, не просто игравшим с революционным огнем, а способным зажечь большой политический пожар. Основная опасность с этой точки зрения исходила не от участников митингов и собраний или издателей-распространителей запрещенной литературы – с этими можно было как-то сладить, но от тех, кто финансировал террор. В глазах Охранного отделения главное зло, подлежащее безжалостному искоренению, представляли деньги «чайного короля»,

пошедшие не столько на запрещенные книжные издания, сколько на приобретение револьверов и «адских машин». Судя по всему, полиции не был известен эсеровский план создания летательной машины для бомбометания, над которой в Германии трудился инженер С.И. Бухало. Вероятно, провокатор Азеф держал эту «козырную карту» в строгом секрете от полиции, дабы воспользоваться ею в критической ситуации. Из строительства «воздушного бомбометателя», как известно, ничего не вышло, хотя сбор средств на него был осуществлен. Борис Савинков, который вместе с Азефом курировал этот проект, среди имен ведущих жертвователей называет в своих «Воспоминаниях террориста» имена Цетлина (3 тыс. рублей), Бориса Гавронского (1 тыс. рублей) и лично ему неизвестного Доенина[5].

Как можно думать, о самом цетлинском пожертвовании – без уточнения его целей, а лишь о самом факте – Охранному отделению донес тот же Азеф. Поскольку вокруг этой суммы вспыхнул столь шумный скандал, какого эсеровская биография Цетлина не знала ни до ни после, это был его единственный финансовый вклад в русскую революцию.

Повторяю, причина того, что Цетлин в конце концов прощен не был, заключалась, конечно, не в книгоиздательском скандале, завершившемся сравнительно тихо, да и вряд ли из-за него он подвергся бы преследованию. Проблема была куда более серьезной: Цетлин жертвовал деньги непосредственно Центральному Комитету эсеровской партии, а это уже был грех совершенно другого порядка. Повлиять на его отмену, прощение и возвращение провинившегося из добровольного изгнания ни ходатайство богатого папаша, ни вмешательство влиятельных лиц были не в силах. И стало быть, рекомендовать царю пересмотреть дело Цетлина полицейское ведомство, конечно же, никогда себе не позволило бы. В то же время, поскольку прощение о помиловании исходило от «серьезных» лиц – толстосумов и подкреплялось просьбами известных в России фамилий, тертые полицейские чины, полагая «удовлетворение ходатайства нежелательным», вели себя в этой ситуации благоразумно-осторожно, не зная, куда может вырлиться дело.

10 апреля 1914 года Джунковский в дополнение к уже отправленному месяц назад в адрес царской канцелярии письму, в котором он давал понять, что «удовлетворение ходатайства его <Михаила Цетлина> отца в путях МОНАРШЕГО милосердия» угрожает государственным интересам, отправляет новую реляцию. Опираясь на донесение Красильникова из Парижа, он перечислял то, что читателю уже хорошо известно, и в заключение вновь резюмировал:

Ε εφεταται εις ο ειναι αφηρησθησασαι οτι, εαε αεαιτ ες ααε Ααιαδοαι αι οα Ιτεεοεε, Ι εοαεε Αιηεαα Οαοεετ, ηεοηαοεεητ σα αηαι εοο ε ιδταεαηβυεε οαι αι Ιαηοηυηαα αδαι αι ε, α 1909 α αεαδοαιηαε ααι ηαε Ια Ιοεαι Οαι οδαιηη Ια Εηι εοαοα Ιαδοεε ηοεαεεηο Ια ααιεηοεη Ιαδη, ηη:αι ο οαιηαοαιδαεα οηαοαεηηαα αα Ιοοα α Ιοοηο Ι Ι Ι Α Δ Ο Α Ι Ι εηηηαεη ηηεαηε αη Ιαεαεαοαεηη ηη.

Рисунок из письма Марии Цетлиной мужу от 12 мая 1936 года.

Сбоку приписка: «Количество стрел показывает количество персон, выражающих свою любовь»

О том, что «монаршее милосердие» в данном случае нежелательно, проинформировали барона Г.Г. Врангеля:

Ассистенту...

Ассистенту...

Идеи...

Итак: А. Васильева

18 апреля 1914 г

Поскольку личность Цетлина наконец-то была выяснена и было установлено, что именно он являлся источником финансирования эсеровского ЦК, Департамент полиции полагал свою задачу выполненной и распоряжением и. о. вице-директора Департамента полиции А. Васильева от 29 апреля 1914 года «учреждение неотступного наблюдения» за ним снималось как теряющее свое значение. Циркуляр об этом был разослан начальникам губернских жандармских управлений, отделений по охранению общественной безопасности и порядка и офицерам-пограничникам Отдельного корпуса жандармов.

На этом данная история кончается, хотя сама тема оказалась далеко не исчерпанной. Из многих, связанных с этой темой эпизодов жизни Цетлина и его братьев я решил остановиться на том, когда – спустя годы – исторические декорации поменялись и продолжение зародившихся в России в начале XX века сюжетов приходилось доигрывать на иных подмостках.

Идеи...

[1] Как было сказано, Цетлин жил в это время в эмиграции в Париже.

[2] Мамантов Василий Ильич (1863–1928), член Государственного совета, егермейстер, главноуправляющий канцелярией его величества по принятию решений.

[3] Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2-х томах / Под общ. ред. А.Л. Паниной. М.: Изд-во Сабашниковых, 1997. Т. 2. С. 245.

[4] Сохранился мандат искусствоведа П.Д. Эттингера, который осенью 1918 года состоял сотрудником-специалистом в Отделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса. Мандат был выдан, говорилось в нем, «на право вывоза художественной восточной коллекции Б.О. Гавронского, находящейся на Красносельской улице в складах товарищества В. Высоцкого и К°, в палате № 7, и перевоза ее в Музей Восточного искусства у Красных ворот в дом бывшего Гиршмана» (цит. по кн.: Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников / Сост. А.А. Демская, Н.Ю. Семенова. М.: Советский художник, 1989. С. 162).

[5] Савинков Б. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990. С. 242. Это подтверждает в своих воспоминаниях и другой руководитель эсеровской партии – В.М. Чернов, который, однако, вместо Бориса Осиповича говорит о Дмитрие Осиповиче Гавронском, см.: Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 342.

ЙОСЕФ ВИТКИН — ЗАСТЕНЧИВЫЙ ЛИДЕР

Γαεεε Ιιδοιία

*Ναδωά οδίαοιό αεεε, εβάε,
άοα οδίαοιό εαεία-οι ατευοία
ποδαι εαίεγ, εαείε-οι οεδιού.*

Ε. Αεοεεί

*Αα ει αταί ιαγαίτ ιατέτευετ οεε α Ερδαεεά, οετέα α Βεοιί-εα-Οείία, ιιηεαίεα Εοαδ-
Αεοεεί Ια Νωηεγαί ιιι ιοηείτ ιιγααεεία Εγαίτ αα ποαοιε ε ιεηι α[1], α δααίοαδ ιι εφοιδεε
γαηεαίεγ Υοο-Εηδαγευ αι ο οαεαίτ ατεαίτ ατει ατεα, ε, Ιαείτ αα, αι ο ιιηεγυαίτ γαί α-αοαευ αγ
ι ιιγααοεγ Οεαί εο Εαηεία[2]. Ιι γοιό εφοιδείταδε-ατεεε ποαοιτ ιαεί αεεγαδ Ια
Γαυαποααίτ φ ιαί γοιτ εβρε Ια οεεοαδ Οαεε-Ααεα αηγ εε Ιοαογδ, εοι οαείε Εηοο Αεοεεί. Ι δε
αεεε Ιι Ια αηεε α οααίτ αεεααδ, ιιγαίτ Ι αι αααί ο ΟηηεεεΙο εεε Ααοιό Αιδαίό, ιι ιηεα αα
π αοε α Ιαοηείτ αα, εαε γοιτ -αποι αηααδ, ιιγαεεηι εφοιδε-ατεεε γα-ει τα ιι δααεαίεγ: «Ι οηε
οαεοεαίποα», «Χαείτ αε δααίοι», «Ο-εοαευ Ιαδία», «Χαείτ αε αηεαίεγ», - οι Ια εαδεοά γα-εο
αηα ηεεαίτ, -αι ιι-οηηεε. ΙΓαείτ ηαεαοιτ ιιηδαεο Ια ααιδ Ιαοηείτ αα, εαε Ιδαεείτ
Ιδαεεε-εαηεεε ι αηοοαα ηααα αηγ, ιι -ααγ ι ιηα εαο είεα Ο. Εαηεία γαεδαί εο γοο Ιοαίεα Α
εαείτ Ιοιηαίεε δααευι ε Εηοο Αεοεεί Ιαοηεοηη ε γοει εεοιτ αηαηεαί ?*

Йосеф Виткин.

1911 год

1.

Йосеф Виткин (Могилев, 1876 – Тель-Авив, 1912) рос в семье не совсем обычной: теплая атмосфера в ней не нарушалась типичным для конца XIX века конфликтом между поколениями. Сионистская идея жила в семье давно: еще прапрадед Йосефа «поднялся» в Землю Израиля один (жена, отказавшая следовать за ним, в соответствии с еврейским законом получила развод) и поселился в Хевроне. Отец, Шимон Виткин, содержатель реформированного хедера и комментатор Талмуда, симпатизировал палестинофильству, что не вызывало понимания в общине, отчего ему пришлось переехать из Могилева в Курск. Но и там было то же самое. Старшая сестра Йосефа Сара вспоминала:

Íàø àñì àùé ñèííèíòíèèì, è γοί àùèí èçáíòíí á àðíáá Íàø ïðáð ïðáðíðíòíòáíáè ïá ñáðáíèγò á ñèíáíáí, ïí γοί ïá èì àèí òñíáñ, òàè èàè àíèùòèííòáí àðááá Èðííèà àùèè òíðíááòáì è è ààèáèè è ïð ñèííèíòíèíè èèàè, è áñíáíá ïðáèðáèè γοί àáçáèùíè-áíùá, èíòíðíá ïáçíááòííγ ñèííèçí ïí. Áðáð ï ïíá ñòðááè ïð «áíá» á γοί ðñíèíí àðíáá Íí ñèùòáè èèè-èè «æèá», «ñáèííá òóí» è àùé àííòèááí ï ïè-áòù, á èíáá ïðèòíáèè àñì ïé, òí ïíáðíðýè: èàè ï ïáèí ðáðíáòù ïáèáù è ïá ïðáá-áòù? ÿòí çèèèí áá è ïðè-èíγèí àíèùòèá ñòðááí èγ[3].

Ááðíð ááòò èíèá - èíí ï áíòáðèáá è Õíðá «Ááðíúé ïòòù» è áðíòðòù «Áèòáíèèè áçííò Í ðáçòðòáíèè ïáòèè è òððáðá áá ÷òñòá», - Õèíí ïðèíáðèè áèíáíí ïáðíè Íáèèíáèùííá òñíáá («Èáðáí-Èááí áð») è çáíèñáè ïá ïáí ááðáèè èèèèááíèíá ïíáðíí á, á ïèèá ïðèíèáè: «È ïííèá áñáñ γοíá ïáøè áðáòííγ áíá ïá ñáèáèè áíáíáá, áíá ïá ïðííòèèíí ÷òíáù ïííí-ù òáí, èòí áðíáèð ïááèèíá òáèèè ïá ñòðáíá ïáøèð ïòòíá»[4]. Í á-òáè ïá ÿðáð-Èííáγèù è Èííáð.

Áèèííúì è çèí ïèí è áá-áðáì è ï ù ðñáèèáèèèíí áí áíðá ÿ, ïáèííááðáðèáðííγ áááí-èá, è áðáð, ïá «èáèáíèá», è ïí ðáñíèáçíááè ï èíèííèγò: Ááááðá, ðèòíí-èá-Õèíí, Íáðáð-Õèèáá - è ïíèñíáèè èð òáè, èàè áúòí áèáèè áèííááíèèè, áíáèùíèíáíá ðñíè, áðú è òíèí ù. Á ïñááíííðè áñ áñíáðáèáíèá çáðááòúáèè Õááðèγ è Èèíáðò, ïí ùááðúèè áá Íí áñíáðáèè ñáá ïáíáèáííúá áðú, èíòíðíá ïíèðíòííγ áðáí ò-èí è èáñíí è, á ïèð ááúò èçèèááòííγ èáíòíèòù, áíáòúèá è ñáíáðíðèγí; ñ áñáñ ï èðá ïðèáúò èðáè ááíòííáèγòííγ èðáñíòíè èáíáøáðòá è èúíáòííγ á áðý-èð èíòí-ïèèáð Õááðèè. Õáè ïí áñíáðýè áñáíáí áñíáðáèáíèè[5].

В конце 1897 года против воли родителей, не желавших отпускать слабого здоровьем сына одного в далекую страну, Йосеф все-таки уехал в Эрец-Исраэль.

...Во время прощания брат взял ножницы, отрезал немного волос от моей косы и локон с головы сестры, положил их в два конверта и взял с собой на память[6].

В Палестине его никто не встречал и не знакомил со страной. Несколько дней он прожил в Ришон-ле-Ционе, в семье знакомого. Но деньги кончались (в первый же день в яффском порту он ссудил 10 рублей какому-то парню, который тут же исчез), пользоваться гостеприимством дольше было невозможно, и Виткин сделал то, чего требовала от него жизнь:

...B ïíòáè ïí òèèá ïíèíèáòù èáèòð-ïèááíí ðááíòò è ïáøáè ñòðíèðáèáè, áíçáíáèèáèð ïíáð áèííáèùíð, è òáí ïá ááèè ðááíòò ïíáíííèòù èáí ïè ñòðíèðáèγí, è á ÷áðáðá ÿ ïá-áè ïíáíííèòù èáí ïè ïá ñòðíèðáèèíòáí áí áíðá ñ áðááíèè è ïíáðííèèáí è, è ï ïè çáðááíòíè 40 èííáèè á ááí ù B àùé ïáíòíèèíí ðáá γοíí ò çáíγòèð, ÷òí ïá ÷áíòáíáè òγáèáíòè. <...> È ï ïá ïííèíèòò ÿ áèá ðááíòáð, ááèè èðíááòù á «òáèáøá», èàè ïáçíááòò ðááí-èá ñáíè æèèèèá ïí-ðñíèè, á ïáí γοíí ï òáð ïáèáðèáð, á èíòíðíò ðáíúòá ïá γοíí ï áíðá æèèèè ðááí-èá <...> Õ ï áíγ á èáðí áíá áíðù áíá ðáèèù ñòðáðíí, èáèáùé ááí ù ááúò çáðááòúáàòù ñáá ïá òèáá, è áíá ïíòáíòííγ èáèèá-òí èííáèèè, ÷òí ïá áíá ïáèèíí?[7]

Первое время он пишет оптимистичные письма и, кажется, всем доволен. Из письма «дорогому дедушке, учителю и наставнику Йехиэлю-Михлу»:

ÿðáð-Èííáγèù ïá ïíèùò ï ïá áí áñáí. Á ðñíèè ò ïáíγ ÷áíòí áíèáèè áèáçà, á çáñíí áñá áíèáçíú áèáç ï-áíú ðáñí ðñíòðáíáí, ÿ ïí-òè ïá áíèáð. Í áèγðèγ, ïð èíòíðíè ñòðááðò ïí-òè áñá ááç èñèèð-áíèγ, ï ïá áíá ïáèçáíòíá. Í ï ÿ ïá òááðáí, ÷òí ï ïáèíí ñááðòáííí òááðá-ùíγ ïð ïáá Èáè áù òí ïè àùèí, òí áíγ ï-áí ù òí ðñáá ïíèíáèíèá çááíò ï çáðááíòèáγ ïá çíáð, á ÷òí ï ïá áíá ïáèèíí?[8]

Так, с одинаковой теплотой и доверительностью, он пишет всем родственникам: родителям, дедушке, сестрам, дяде и тете, двоюродной сестре и двоюродному брату – на идише, иврите и русском – каждому на том языке, которым тот владел.

Йосеф выдержал пять месяцев физической работы. К счастью, его пригласили в гедерскую школу. Школы нового ишува не имели тогда общих учебных планов, каждый

В аүүһа пүдэүтү, еһаа и'еөбө, +01 а Удоо-Еһауеу еодт'а оеө и'оуаһбө а д'о. N:-еөаһбө, +01 юөеи и'дөаеаөбө еһае. Аһдә аүеһ аү іаи, аһеө аү іаөа іауеіа іа һаи һ ааеа һөһүеа аү іа өаеіе іеөгеіе һөһіае, +01 аах аһүеітә +0аһдә, өһеуеһ һ һіһ һуһр аеаһеа ҫеһөа ө «өһд'өаһ аеҫіаһ» іөеіһ аүеһ аү і'дөаеаөбөү аа ө «һау'өге» өаа «аһҫаһуаһ еу а Удоо-Еһауеу», аһдә аүеһ аү өһаа аһаи іаөөи өаһу ө іааһеааи ... І һ, һеаа А-аһ, іаө іаһіа аһөа юһа. ҫә 2000 өаө і дә-іһ һаеөдә һ аһеаһе, +01 і іаөа аһд'өһү, и'дөі һөдөү іһа ааһдә ө һаеөөеи өаһіаһ өаһ аһһөдәаөү һааһдөаһі һаһдөаөіөһ өаһр, өһд'өаһ іа һауҫаһ һ іаөадеаөүү һ өһаһаи ө. Е һе:аһ іөеіһ аһдөөү іаһіаө өһеуеһ юһһі: іөеіһ өһд'өһ іһааөөдөү аи о аһ іауаа һ'еһеаһ өа, іөеіһ іаууһ өдөү а +аһ аһ өҫаһеаһ өа[19].

Еще в 1900 году барон Эдмон де Ротшильд передал управление колониями Еврейскому колонизационному обществу (ЕКО), поселения получили самоуправление, но экономически приходили в упадок: вино не находило спроса, земля обрабатывалась арабами, а плоды трудов разворовывались. Будущее было неопределенно. «Цель сионизма ясна, но пути ее достижения – блуждания; мы идем наугад и настолько удаляемся от цели, что еще немного – и потеряем ее навсегда»[20]. Йосеф искал выход. Он считал, что «дипломатический сионизм» – агитация, сбор средств и уплата членских взносов – ничего не дает. Нельзя уповать на пресловутый «чартер» (разрешение турецкого правительства на въезд евреев); для спасения нужны молодые руки, способные вытеснить дешевый арабский труд. Познакомившись с опытом совместного владения и обработки земли на ферме в мошаве Седжера в Нижней Галилее, Виткин написал очерк «О героях Израиля», ставший первой его публикацией. Идея обработки земли еврейскими руками возникла и у Аарона Гордона, который сразу по приезде в Палестину в 1904 году обратился к молодым евреям России: «Возрождающемуся Сиону не нужно ничего: ни денег, ни советов, ни даже нравственной поддержки. Одно только он примет с распростертыми объятиями: способных, преданных, готовых на все работников, которые бы поселились здесь и работали здесь»[21]. Но «философ труда» Гордон добивался успеха только личным примером, расхаживая с мотыгой, а его призыв, опубликованный в русскоязычном московском издании, остался частным письмом из Палестины.

Виткин тоже собирался выступить с призывом, но опасался, что его выступление вызовет сопротивление: в ишуву распространился угандизм. Но в России, где в 1903 году разразились кишиневский и гомельский погромы, набирало силу движение «Цеирей Цион» («Молодежь Сиона»). Отчаяние толкало Йосефа не к бегству, как многих, а к энергичным действиям. Именно в Месхе, где, как писал он другу, «среда сильнее меня, и все, что мы сеем в стенах школы в течение многих лет с напряжением наших душевных сил, вырвано в короткое время»[22], и было написано воззвание «Коль коре эль цеирей Исраэль ашер либам ле-амам у-ле-Цион» («Обращение к еврейской молодежи, сердце которой с ее народом и с Сионом»).

«Как такой застенчивый человек, как Йосеф Виткин, – спрашивает Шуламит Ласков, – не считавшийся лидером, не причисляемый к могучим светилам времени, все же взял на себя миссию указать путь в то время, когда другие еще шли ощупью во мгле?»[23] На высокой волне напряжения и ответственности он бросал свой «глас вопиющего» от имени «нашего народа и нашей страны» к «молодежи Израиля, сердца которой со своим народом и Сионом». Под обращением стояла подпись: «Группа молодежи из Эрец-Исраэль». В марте 1905 года брошюра «Коль коре» (на иврите) была передана Менахему Усышкину, который распространил ее среди евреев России и Польши. Йосеф Шпринцак вспоминал: «Воззвание в рукописи было послано нам, членам Центра “Цеирей Цион” Варшавы, Усышкиным с просьбой опубликовать его как “полезный материал для пропаганды”. В первый день памяти Теодора Герцля, 20 тамуза 1905 года, мы распространили “Коль коре” среди юношей и девушек Варшавы. То было одно из главных событий моей юности: я удостоился права доставить в типографию воззвание, на меня пала обязанность быть одним из первых в начале новой эпохи»[24].

– Поколение-освободитель должно быть не только поколением знания, поколением сильного национального сознания, оно должно быть также сильно телом и нервами.

– Пришел час понять, что освободиться может только поколение, подходящее для освобождения.

– До нынешнего времени мы существовали благодаря тому, что не утратили ни одной из трех ценностей: землю, язык и общую культуру[30].

Вместе с тем Виткин, не поддержанный партией «А-поэль а-цаир», чувствовал одиночество, подобное тому «одиночеству и чувству сиротства», которое переживали молодые люди из 2-й алии в рабочих поселениях. «Они забирались каждый в свой угол, где болели, мучились душевно и физически, лишённые настоящего человеческого участия, настоящей человеческой близости»[31]. Виткин был лидером и в то же время одиночкой, он не только верил в необходимость жертвенного труда, но и чувствовал ущербность такой жертвенности. Сестре он не советовал отказываться от личных желаний:

*Na'āšā o'dāšāšō xēçtē, ēpāāē, ābōā o'dāšāšō ēāēlā-ōl ātēšōlā pōdāi ēāi ēy, ēāēlē-ōl
šēdōū. Ōl-āōū ēdūēlāā lōā, ā lāō ēdūēlāā šēdōū - āōūdā ēlēōy xēçtē, āl āōl nātālāū -
lāf-āōlāy nāi iy, nāi iy, ēlōlōy o'dāšāšō nāi ūō ēō-šēō dātēō ēāō. E ēlāā oū nātālāēōūy, oī
nōālāōūy lāēlēlē, lālē āl ēdā nāōlēēl i dōēūl ē āōlūl āōōlēl; oū ātēōūy yōlā, ē dātā
lāōāāl lā nāōā āōlāēō. Āā, l iy nāōdā, yīlēl āp ānā yōl ē oī-ō šōāēōū l lāē-ān l ā nāāl.
Ālā lāçāā y lā šōāēōū oīāā y n lōdāē l ā l ēd ē xēçtū n ātēā āūmēlē oī-ēē. Nāē-ān y oāē l āē,
ōāē āōō-ā! [32]*

Впечатлительность и неуверенность проявились в истории его единственной любви – к Белле Бенинсон, бывшей ученице из Гедеры, красивой практичной девушке, чьи родители были против связи дочери с человеком неустроенным и обремененным семьей. Сначала она ответила на его чувство, но потом сказала, что «хочет в любом случае быть свободной, что у нее остается право в любую минуту сказать мне, что между нами ничего не было». Йосеф страдал, не умея объясниться:

Я хотел сказать ей это прямо, но ведь ты знаешь, что она постоянно окружена людьми. Кроме того, я боюсь говорить с ней об этом. Я нуждаюсь в ее близости – я хочу заглянуть в лицо моего будущего, и вот я страшусь, как маленький ребенок, заглядывающий в темную комнату. Я боюсь пистолета, висящего над моей кроватью и смотрящего на меня в ночном безмолвии... [33]

Дети на природе. Кфар-Виткин.

1933 год

5

В июле 1911 года, после неудачной операции на горле, Виткин вернулся из Вены в безнадежном состоянии и около полугода лежал в маленьком домике матери (Тель-Авив, ул. Лилиенблюм, 18). Он все время читал, анализировал и, как всегда, исповедовался в письмах: «Сейчас я почти ничего не чувствую и часами могу лежать с пустой головой так же тихо, как бабочка после того, как она снесла свои яйца. <...> Мне страшно, что так может тянуться годами, и я буду обузой не только себе, но и другим. Этот страх касается только мозга, а не чувств. Усталое и разбитое сердце дремлет»^[34]. Он читал ночами сочинения отца и говорил другу: «Я был далек от иудаизма, но образ отца всегда стоял перед глазами и тянул меня к моему народу»^[35]. Он очень нуждался в человеческом внимании. Долго ждал прихода Бренера, волновался, спрашивал друзей, почему тот не приходит. А Бренер не приходил, потому что не выносил сентиментальности, но в конце концов пришел. Ко всем гостям Виткин обращался с одним вопросом: что будет с его матерью и сестрами? Умер Виткин 23 января 1912 года и, в соответствии с его пожеланием, был похоронен на кладбище Ришон-ле-Циона.

Скромный человек, «стеснительный лидер», как его назвала Ласков, деятельный и впечатлительный, Виткин не был достаточно оценен за время своей короткой жизни – 36 лет. После его смерти, когда 2-я алия приобрела подлинный размах и Виткин был признан ее инициатором, его фигура вызвала острую полемику. Один журналист отмечал, что Виткин раздваивался между национальными интересами и социалистическим подходом, другой – что тот «был вынужден забывать о своих страданиях ради страданий народа»^[36]. Йосеф Бренер, наоборот, отрицал в Виткине всякую двойственность. Виткин, писал он, «рабочий и прекрасный учитель», «был индивидуалистом и общественником вместе, цельным и активным», ибо «ноша человека» не отталкивает ни в коем случае «ношу нации»; перед нами – идеальная возвышенная личность, которая способна возратить слову «идеалист» все сияние, которое было у него ранее^[37]. Пример Виткина, считал Бренер, подходит всем еврейским деятелям, «молодым сынам нашего народа», которые «создадут для себя условия существования и не услышат больше своих стонов».

Предварив халуцианский тип еврея Эрец-Исраэль, Виткин остался индивидуальнее, богаче этого типа.

- [1] Китвей Йосеф Виткин. *Маамарим ве-арцаот, решимот, михтавим, дварим ле-дмудо*. Тель-Авив, 1961. С. 187.
- [2] Ласков Ш. *Коль коре. Хаяв ве-змано шель Йосеф Виткин*. Тель-Авив, 1986.
- [3] Китвей Йосеф Виткин. С. 186.
- [4] Семейный альбом Виткина–Шапиры. Семейный архив Виткина–Шапиры, обработанный и бережно хранимый его наследницей Ларой Цинман (Хайфа), содержит богатую коллекцию фотодокументов и писем.
- [5] Китвей Йосеф Виткин. С. 187.
- [6] Там же. С. 188.
- [7] Из письма отцу от 3.12.1897 // Там же. С. 157.
- [8] Там же. С. 159.
- [9] Нойман Б. *Тшукат э-халуцим*. Тель-Авив, 2009. С. 184.
- [10] Семейный альбом Виткина–Шапиры.
- [11] *А-хинух а-иври // Уру, ахим! Ми-диврей Йосеф Виткин*. Тель-Авив, 1937 (5697). С. 18.
- [12] Китвей Йосеф Виткин. С. 160.
- [13] Семейный альбом Виткина–Шапиры.
- [14] «Они шли по тропинке, поднимающейся ко двору фермы. Бренер начинал говорить об Эрец-Исраэль. Приходили в сад на вершине, к месту, которое предназначалось для Ар-Герцль. Бренер останавливался, опускался на землю, становился на колени, целовал и обнимал комья земли, хвалил ее: «Эрец-Исраэль, будешь ли ты у нас? Эрец-Исраэль, ты будешь наша?!» (Нойман Б. С. 187).
- [15] «В личной жизни Йосеф был так же прост, как и братья-рабочие. Его квартира в Ришон-ле-Ционе находилась в маленьком бараке. Мебель была такая: кровать из деревянных досок, положенных на жестянки из-под нефти; три такие же жестянки, поставленные одна на другую, – стол; пустая канистра – стул. Днем Йосеф лежал посреди комнаты на циновке с книгой в руках. Когда появлялись гости, расстилалась еще одна циновка – вот и ложе. И от сердца к сердцу течет дружеская беседа» (Яков Мидраши. Йосеф Виткин. *Парашат хаяв у-пеулато*. Кфар-Виткин, 1946. С. 24).
- [16] Семейный альбом Виткина–Шапиры.
- [17] Альбом Виткина–Шапиры.
- [18] О таком двуединстве вспоминал Хаим Вейцман: «Я твердил себе: “Нужно освободиться от всякой романтики, от всяких ассоциаций, с детства связанных со словом „Палестина“. Это всего лишь заброшенная земля, опустошенная столетиями турецкого хозяйничанья. Нужно смотреть на вещи трезво и просто, глазами ученого, а не сиониста”. Но я знал тогда и многократно убеждался впоследствии, что, при всей необходимости холодной объективной оценки реальных обстоятельств, естественное чувство нашей национальной (психологической и исторической) привязанности к Палестине – неоценимое подспорье в борьбе с теми разного рода физическими и духовными трудностями, которые кажутся столь непреодолимыми “трезвому” взгляду» (Вейцман Х. В поисках пути. Иерусалим, 1983. С. 123).
- [19] Китвей Йосеф Виткин. С. 161.
- [20] Ласков Ш. С. 60.

[21] Гордон А.Д. Палестинские письма // Еврейская жизнь. 1904. № 11. См. также: Быть евреем в России. Материалы по истории русского еврейства. 1900–1917. Сост., заключ. ст. и прим. Н. Портновой. Иерусалим, 2002. С. 256.

[22] Из письма Аврааму Суму 1904 года // Семейный альбом Виткина–Шапиры.

[23] Ласков Ш. С. 123.

[24] Китвей Йосеф Виткин. С. 18.

[25] Китвей Йосеф Виткин. С. 153–154.

[26] См.: Портнова Н. Человек дерева // Лехаим. 2010. № 1.

[27] Китвей Йосеф Виткин. С. 154.

[28] Закай Д. Азкара ле-Йосеф Виткин бе-рехов бе-Тель-Авив // Давар. 10.02.1937.

[29] Нойман Б. Мадуа шавти эль ционут? // Эрец ахерет. 2010. № 55. С. 15–16.

[30] Уру, ахим! Ми-диврей Йосеф Виткин. С. 23.

[31] Шапира А. Берл: Биография, I. Иерусалим, 1987. С. 72.

[32] Китвей Йосеф Виткин. С. 174.

[33] Ласков Ш. С. 75–76.

[34] Китвей Йосеф Виткин. С. 180.

[35] Мивхар китвав Йосеф Виткин. Яффо, 1912. С. 3.

[36] Там же. С. 18.

[37] Китвей Йосеф Виткин. С. 198–199.

À ÁÂÈÆÁ ÈÈ: ÐÓÑÑÈÈÁ ÁÂÐÁÈ-ÝÌ ÈÃÐÁÍ ÒÛ Á 1930-ÕÃÌÄÒ

Ì ÈãÁÁóãì èõèèè

Литературный критик и мемуарист Александр Бахрах оставил яркий портрет Берлина начала 1920-х годов:

Ñòðáííóè ÿòí áóè ãðñ, íáííáðíðèí óè, è áããà èè ãòí áííáíèíá íáðí ìíííáíí áóèí áó ñ ãííòáòí-ííè óááèðáèííòóð íáðíáòó «íáííðáçííòó» Ááðèèá íá-áèà ááááòáòóð ãáíá íáòááí ááèà. Á íáí ñ áèèáèèííí ííáí - áóá íá çáðóóááááòáðññ ãðñ-ó ïíðáæáíèý, èðóáíèá áíóó íááááí èõ èóí èðíá è òí ñòðáííá - òíááà áóá, ñáíðááíí, Ááðíá íáááííá - ÿáèáèèá, èíòíðíá ó-áíóá òèíáííèòó èí áíòð «èíòèýòèè» è èíòíðíá áóèí íá òíèóèí ÿèííí è-áíèè èèè ñòèáèóóóí, íí á áóá áíèóóáè ñòáíá è ïíèòíèíè-áíèè òáííí áííí.

È ðñáíí ñ ÿòèè èóá-òí (òáíáòóí ó çááí, á èáèèá ááçáíó) ïðíáèèáðóèè ññ Ááðèèíí, á èíòíðíí ñòáðóè áóò áóá èáè áóòí áíáóíá ñòðáííèíý è èèèóó áóèè ïí-ñòáðíí ó «íðè-áíííó», áóè áóá áðóáèè ãðñ, ñòðáèííáòóè ááí áíòðáííáè íáíáæáíííòè è ïíòíðíóáíííòè. Íá òáèíí òííá áíçíèè, ïðíèí óáííòáííí á çáíááíóò èááðóáèáò áíðí áííèèè ñòíèèóó - ñ òí-èè çóáíèý í áíòíóò æèðááèè, èáè-òí «íè ñòíá íè ñíáá» - èáè áó «ãðñ á ãðñá», òáííèè Ááðèè. Ñèíèóèí æèðááèè íí íáí-èòóóáèè, áááà èè í íæáð áóòóòí-íí óíáííáèáíí; áí áíýèíí ñèó-áá, èíèè-áíóáí èõ áíðáæáèííí òíáá íá òí ïýè-, íá òí óáíðèçá-ííí è èèòðáí è. Èèðáèè ÿòíá «ãðñá á ãðñá» í-áííí áííí èí ðáçáíáðèááèè íá èèèóáò íá æèáííí ááðèèóáí ÿçíèá, èáè áóòí áðáæáíèíí, íí è íá ñáííí óæá áðáæáíèíí, òáí áíèáá-òí «áí ñèáá» - «íèááýííèáý áòá» - ñðáçó æá ááááèá ñááý íí-óáííòáíáòóò çááíí ÿòè ïðèèáèíóó, íòíðáí íá ñèèáðóèèíý ñ íáóèí íáèçáæáí ãðñá, ïíòáíáííí ïíááèè, íáèáíí áóí áý, òí èðóáèè èí-ááíè æèçíè ÿòèí çáááðèèíý[1].

Кроме «славянских душ», о которых писал Бахрах, в этом странном, уютном и страшном городе появилось немало душ еврейских – в том числе русско-еврейских, таких же, как сам автор цитированного выше фрагмента. Число жителей русского Берлина, равно как и еврейской его части, ныне установлено дотошными историками.

Берлин в первой половине 1920-х годов был одной из столиц русской эмиграции. В начале 1922 года в Германии находилось чуть менее 250 тыс. российских эмигрантов. В 1922–1923 годах их численность увеличилась почти до полумиллиона. Дешевизна жизни в Германии стимулировала «переток» эмигрантов, преимущественно из Франции. Затем, в связи с политической нестабильностью, но в особенности вследствие укрепления марки, что снова сделало жизнь в Германии довольно дорогой, численность эмигрантов обратно сократилась. Согласно переписи 1925 года, в Германии находилось 253 069 бывших подданных Российской империи в границах 1914 года. Однако лишь около 80 тыс. из них были этническими русскими. 63 500 «русских эмигрантов» были евреями, 59 тыс. – «русскими немцами». В Берлине в период пика «русского присутствия» проживало более 100 тыс. российских изгнанников[2].

Берлин был центром культурной, деловой и политической жизни русской эмиграции в Германии: здесь было множество профессиональных, благотворительных, политических организаций, издательств, выходили многочисленные (хотя чаще всего недолговечные) газеты и журналы[3].

Привлекательными Германию вообще и Берлин в особенности для русских эмигрантов делали не только относительная географическая близость к России и сравнительно либеральное по отношению к иностранцам законодательство, но и гиперинфляция, впервые в XX столетии поразившая европейскую страну[4]. За четыре месяца с июля по ноябрь 1923 года денежная масса выросла в 132 тыс. раз, уровень цен –

в 854 тыс. раз, курс доллара – почти в 400 тыс. раз. Таким образом, обладатели твердой валюты, хотя бы в незначительном количестве, могли существовать в Германии сравнительно неплохо. Даже при цене буханки ржаного хлеба 430 млрд марок, а килограмма сливочного масла – 6 трлн[5]. И.В. Гессен однажды погасил 75-миллионный долг за ремонт центрального отопления в квартире 50 американскими центами[6].

В конце 1923 года закончилась гиперинфляция – кончилась и роль Берлина в качестве столицы русской эмиграции. На 1 января 1927 года в Берлине насчитывалось 15 500 русских эмигрантов. Конец русского Берлина «как уникального микрокосма», по выражению Готфрида Кратца, датируется 1933 годом, годом прихода нацистов к власти, когда численность русских эмигрантов в Берлине снизилась до 10 тыс. человек[7]. Ясно, что российские эмигранты-евреи должны были в первых рядах стремиться покинуть страну, к власти в которой пришла партия, открыто исповедовавшая антисемитизм. В тот момент мало кто мог представить, сколь далеко готовы зайти нацисты в своей борьбе с «мировым еврейством», однако в направленности их политики сомневаться не приходилось. Что подтвердили последовавшие вскоре меры, направленные на ограничение – поначалу! – участия евреев в экономической, политической и культурной жизни страны. В то же время далеко не все сумели (или захотели) уехать из Германии сразу после прихода Гитлера к власти. «Еврейская жизнь» теплилась в Германии вплоть до конца 1930-х – начала 1940-х годов.

История русско-еврейской эмиграции в 1930-х годах изучена, на наш взгляд, явно недостаточно. Между тем это был чрезвычайно важный период: «кочевье», завершившееся в начале 1940-х годов возникновением новой столицы русско-еврейской эмиграции – Нью-Йорка, сменившего в этом качестве Берлин и Париж; канун Катастрофы, в которой погибли сотни евреев-эмигрантов, бежавших некогда от большевиков. Как сложилась жизнь всех евреев-эмигрантов, мы, увы, вряд ли когда-нибудь установим, однако мы можем проследить судьбы и размышления нескольких русских евреев, принадлежавших к интеллектуальной и профессиональной элите русского зарубежья. Сделать это позволяет уникальный источник – обширная переписка А.А. Гольденвейзера с его друзьями и коллегами за 1938–1941 годы, хранящаяся в его личном фонде в Бахметевском архиве при Колумбийском университете.

Алексей Александрович Гольденвейзер (1890–1979) был заметной фигурой на доске русско-еврейского Берлина[8]. Он был сыном известного киевского адвоката, получил прекрасное образование: учился в Первой киевской гимназии, затем изучал юриспруденцию в Киевском, Гейдельбергском и Берлинском университетах. Впоследствии, став, как и отец, адвокатом, Гольденвейзер-младший принимал активное участие в «еврейской политике» в Киеве. В 1917 году он был секретарем Совета объединенных еврейских организаций города Киева, одним из организаторов киевского еврейского демократического союза «Единение» и делегатом Всероссийской еврейской конференции в Петрограде, а в апреле 1918-го состоял членом Малой рады Украинской Народной Республики.

Гражданскую войну пережил в Киеве. В 1921 году эмигрировал (точнее, бежал) через Польшу в Германию и обосновался в Берлине. Как и в родном Киеве, Гольденвейзер принимал активное участие в общественной и политической жизни как еврейской, так и русской части эмиграции, впрочем, нередко это разделение было условным. Гольденвейзер стал видным деятелем Союза русских евреев в Германии[9], организатором и заведующим отделом по оказанию бесплатной юридической помощи, правой рукой председателя Союза Я.Л. Тейтеля. Он был членом правления Союза русской присяжной адвокатуры в Германии и заместителем председателя правления Берлинского отделения

Комитета съездов русских юристов за границей, председателем Русского Республиканско-демократического объединения в Германии.

Постепенно Гольденвейзер завоевывал авторитет как практикующий юрист, чему немало способствовало знание немецкого языка. После прихода нацистов к власти он сравнительно долго не уезжал из Германии, вел дела вплоть до 1937 года, в конце которого наконец уехал, причем в отличие от подавляющего большинства своих соотечественников, устремившихся во Францию, он отправился в США. На то были веские причины: в Америке еще с начала века жили двое его старших – и весьма успешных – братьев. Один из них, Александр, стал крупным ученым-антропологом, преподавал в ряде американских университетов. Другой, Эммануил, пошел по финансовой части, работал в исследовательском отделе Федеральной резервной системы – Центрального банка США. Американский период (1937–1979) жизни Гольденвейзера заслуживает специального исследования, ибо там он стал заметным деятелем русско-еврейского Нью-Йорка. Но об этом – в другой раз.

В США, несмотря на интенсивную работу по самообразованию и усилиям интегрироваться в новую для него жизнь, Гольденвейзер находил время для поддержания активной переписки с Европой. Точнее, со своими друзьями, коллегами и клиентами. Душой он был по-прежнему там, в Старом Свете. Среди его корреспондентов – М.А. Алданов, И.В. Гессен, О.О. Грузенберг, Я.Л. Тейтель, Б.Л. Гершун, М.Л. Кантор, Л.М. Зайцев, В.В. Набоков, Г.А. Ландау, Б.И. Элькин и многие другие. Нетрудно заметить, что это преимущественно юристы, общественные деятели, литераторы – элита русской и русско-еврейской эмиграции. Большинство его корреспондентов – бывшие берлинцы, вынужденные, как и он, покинуть Германию. Все они находились в движении – из Германии во Францию, Бельгию, Латвию, оттуда в Ирландию, Великобританию, Португалию, потом в США. Некоторые двигались на запад, другим предстояло отправиться на восток. Одни нашли убежище за океаном, другие закончили свою жизнь в нацистских лагерях смерти или ГУЛАГе.

Обширная переписка Гольденвейзера позволяет нам составить представление о жизни и размышлениях этих людей накануне Катастрофы – европейского еврейства и европейской цивилизации. А поскольку все корреспонденты были наделены умом и талантом, эта переписка, на наш взгляд, заслуживает внимания и, возможно, публикации в полном объеме. В данной статье мы ограничимся обзором и анализом части переписки за 1938-й, последний предвоенный год.

**Апокалиптическое настроение.
Людвиг Мейднер.**

1913 год

Один из самых интересных эпистолярных диалогов завязался у Гольденвейзера с его старшим товарищем по адвокатскому цеху Б.Л. Гершуном. Борис Львович Гершун (1870–1954), бесспорно, принадлежал к числу выдающихся русских юристов и общественных деятелей, и только нашей ленью и нелюбопытством объясняется отсутствие в литературе хотя бы биографического очерка о нем. Если говорить о понятии «русский еврей», то Гершун был, вероятно, одним из наиболее ярких и характерных представителей этого своеобразного племени.

Гершун родился в городке Соколка Гродненской губернии, где его отец служил уездным врачом. Более половины населения Соколки составляли евреи. Детские годы провел в Вильно, где его отец получил назначение ординатором городской еврейской больницы, а затем стал старшим врачом этой больницы, с производством в статские советники. Дед Гершуна со стороны отца был купцом (оптовая торговля сукном), но мало интересовался торговлей и занимался главным образом еврейскими общественными делами. Он был одним из первых евреев, давших своим детям «общерусское» образование. Все, кроме одного, сыновья торговца сукном стали врачами. Дед Б.Л. Гершуна со стороны матери – Софии Семеновны Шерешевской – был оптовым торговцем лесом. Его дети получили образование в Германии^[10].

В детстве, благодаря гувернанткам и домашним учительницам, Гершун хорошо овладел немецким и французским. В 1888 году он с серебряной медалью окончил 1-ю Виленскую гимназию и поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Для еврея, даже «из хорошей семьи», это было непросто ввиду установленной за год до этого процентной нормы – в Петербургский университет могло быть принято не более 3% евреев. Помогли хлопоты отца, который все-таки был «штатским генералом» (чин статского советника соответствовал чину бригадного генерала в армии), и Гершуна приняли в университет по приказу министра народного просвещения И.Д. Делянова. Того самого, который и ввел процентную норму. Окончил Гершун университет с дипломом 1-й степени и в середине 1890-х, после недолгой государственной службы, подался в адвокаты^[11].

(Заметим, что старший брат Б.Л. Гершуна – Александр Львович, также выпускник Петербургского университета, но физико-математического факультета, был ученым-физиком и инженером, крупным специалистом в области прикладной оптики,

электромагнетизма, радиоактивности, основателем российской оптической промышленности.)

Сначала Гершун служил помощником известного присяжного поверенного В.Н. Герарда, затем отправился в самостоятельное плавание. Его карьера была блистательной. К 1917 году Гершун вел 17 юрисконсульств и, очевидно, заработал немалое состояние. Понятно, что он был несовместим с большевистской властью, тем более что она упразднила русскую присяжную адвокатуру[12]. В октябре 1918 года Гершун приехал в Берлин, чтобы провести там последующие 15 лет своей жизни.

Гершун стал одним из инициаторов объединения российских адвокатов-эмигрантов в Союз русской присяжной адвокатуры в Германии и был его бессменным председателем в 1921–1933 годах. В 1922 году Гершун председательствовал на первом съезде русских юристов за границей, где рассматривались вопросы практического применения паспортов и юридического обеспечения деятельности русских эмигрантов. В эмиграции у Гершуна была солидная практика, которая, правда, не могла идти в сравнение с петербургской. Среди его клиентов были самые разные люди, от торговцев А.Г. Айзенштадта и М.Л. Гешеля, между которыми возникла тяжба о расчетах при продаже бочек табаку, до известного издателя З.И. Гржебина[13] и графини Брасовой, вдовы великого князя Михаила Александровича. Графиня унаследовала лес, принадлежавший некогда великому князю, а Гершун помогал ей взыскать деньги с неких немецких купцов, эксплуатировавших лес, оказавшийся в период первой мировой войны на оккупированной германскими войсками территории. Кроме практики Гершун занимался также и теорией – опубликовал несколько статей по юриспруденции в немецких специальных изданиях.

После прихода Гитлера к власти Гершун уехал во Францию, где далеко не юному юристу предстояло начать новую жизнь. «Старость заключается в том, – писал он Гольденвейзеру из Парижа в мае 1938 года, – что человек для окружающих часто умирает раньше, чем наступает его физическая кончина... И комизм заключается в том, что сошедший со сцены внутри еще считает себя актером, а сцены-то уже давно нет»[14].

Забегая вперед, скажем, что «на сцене», во всяком случае эмигрантской, Гершуну еще предстояло сыграть немалую роль, точнее, немало ролей. Одной из них была роль председателя Объединения русских адвокатов в Париже. Что еще раз свидетельствовало о его авторитете среди коллег[15].

Бывшие берлинцы пристально следили за происходящим в Германии. Гершун, упоминая об изменении германских законов, иронически замечал: «Там идет усердный пересмотр гражданских законов: искоренение либеральных иудо-масонских правовых идей»[16].

Гольденвейзер, несомненно, был близок с Гершуном, вполне ему доверял и поэтому мог позволить себе высказать в частной переписке достаточно еретические мысли. Он как будто не слишком верил в ужасы, которые рассказывались в газетах о положении евреев в нацистской Германии. Покинув страну в декабре 1937 года, он, вероятно, не мог себе представить, что экстремизм нацистского режима растет столь стремительно.

Ἡ ἀδελφότης ἐστὶν ἐκ τῆς ἀγάπης, ἡ ἀγάπη δὲ ἐκ τῆς ἀδελφότητος· ἡ ἀδελφότης ἐστὶν ἡ ἐκ τῆς ἀγάπης ἀγαπήνη ἀδελφότης, ἡ ἀγάπη δὲ ἡ ἐκ τῆς ἀδελφότητος ἀγαπήνη ἀγάπη. Ἡ ἀδελφότης ἡ ἀγαπήνη ἀδελφότης, ἡ ἀγάπη ἡ ἀγαπήνη ἀγάπη, ἡ ἀδελφότης ἡ ἀγαπήνη ἀδελφότης, ἡ ἀγάπη ἡ ἀγαπήνη ἀγάπη, ἡ ἀδελφότης ἡ ἀγαπήνη ἀδελφότης, ἡ ἀγάπη ἡ ἀγαπήνη ἀγάπη.

αιποαοι-ιι ι αδει, ιι μιταυαει, ια-αοαα ια εκ αιγ α αι υ οιογ αυ «Ιιμε[ααι ει ε] ιτα[ινογι ε], μιπογιο ιι εδαειαι ι αα α 25% εκ ιιουο δαιτοαδνεο αιταοι ιε. Ιαεεααυαι ειοιου αοεε αααα ι ουρεε ειειιε α Ααεεια ια ααοιγ, αοι μιταυαοιγ ι οιι, εαε ο αααα «ιιιουοο ααεδαρο» ει οιαοιαι ε εαε εκ ειουατοδδωειιιου εαααε (ααα αεεε-αιιυα ιαεγ αιιι δαατοαρο α εαι αιιει ιγ) οτ αιυα ιιεο-αρο ιαετααιιυι ιεαοαειι οδου ηιαιειι, ε ο. ι. Αα ε δααεεειιιυα ποαοιε ιι ααοι αιιει, εμ αιιει ε ηιιιει αιιουαι αυσαο ιδενοδαινεαι. αεοαγ γοε ποαοιε, ι ια αιιαα εααοιγ, αοι γ αεαο ιααα μιαι Α.Ι. Εεεσαα, η αα ααιδεεεγγοεε ε ιαιε ο οα Ιι ιδααοεεγ α εαετα-οι αι οε-Αεοεαα ε ι υνεο ι ιαι οαο ιδεαεερεοαειι οαι ααι ιαοιαι, εαει Αεοεαδ ι υνεο ι αααγυ Ιαι ου αεγ ιαα «δαμια ιδααοαεε», ιε αι ααι αια ααιδεεειαι αεαυ-αποαα «εμτοδεεε εοαεγυιεεε οαυ» ε ο. α οαε ε ααοαοιγ, αοι ααε οαεει αμ ιαι αιγ ιαειιου ιε αυ η ιαεεααεαι ιαδνιεε αιι αυ ιαα Ααεειι, α αοαι αεεε-εεε αυ ιιαε Ααηαυιεεε ι εδ - ειοιουε ιαεαεει ααα 20 εαο ιδεαε αυ ε ιιγαεαι ερ ιιαα Αεοεαα[17].

Реагируя на высказывания их общего приятеля и коллеги Б.И. Элькина, также сменившего Берлин на Париж и не скрывавшего своей герmanoфобии, Гольденвейзер замечал:

В айрннι ιοττα αεου Αιδεη Εηαεταε-α ιι ει αρ αααηιου αιι αου αοι αεγ αεετα-αιοαα αιιει αυ εο-σα αιεε αυ Νηα[ειαιιυα] Οοαου ια αι αααεεηι α ι εοταρ αιειο ε αιεε αυ ι εδ αυε αεεε-αι α 1917 ααο ια ια-αεαο ιε-υεε α ιοιιουαεε αηααα ε ηι δεηααε ιαεαι ε Ααη αιεε, α οιοι α ααεαα ιια αι ιοτοαεοιδαοιι, Ιιευοε ε δαιαοαοια Αοι αρ, αοι Ααη αιεγ αια δααι αι ιεαοεερεοιαιεα αυ ηαιε αιοοδαιιεε ηοδε, α αοαε-ε ιαηιυαιιεε, ιια αυ ιαδαιτοαεα αυου ααηγε ε εδου Νι αοιι, εηαα Αιαεγ ε Οδαυοεγ η ηαιει ε ειειεαειι υι ε ει ιαδεγι ε οι δαεαρο Ιαι οαα α ιδαηοοιιιι ηοδαι εαιεε ε ι εδαιε αιαυ ιεε.

Α ιιυαοιαι ιιηεααιεα α Οαι οδαειι ιε Ααηια αεειι-εοηγ εεαι αειεηι αοε-αιεεε ιιααηε Ααη αιεε, εεαι αιηαυαε αιειε, ειοιουγ ιαι ειοαι ι αιεαια ιιαηοε εη αιηαυαι ο ιιδαααεε, ιαιευαιεε ε αιηαεαιεε.

Αιεε αυ Α.Ι. Εεεσααδ αεε, αοι γ ιεοο οαεεα αηαοε-αιεεα ααυε, οι ιι αυ ιαιγ ηαηοααιιτο-ιι αοαηδοιαεε. Ιι, ηεαα Α-αι, ι αεαο ιαι ε ιεααι, οαε αοι αιηαοε-αιεεα ιιηεααιεα αηευααο ι αιγ ιο αι ηαα[18].

Нетрудно заметить, что это – «мюнхенская» психология. В то же время нельзя отказать Гольденвейзеру в проницательности в оценке ближайших перспектив Европы. Вот только сбылись оба его прогноза – и о дипломатической победе Германии, и о войне. Дипломатическая победа Германии, получившей по Мюнхенскому соглашению Судетскую область, оказалась не альтернативой, а ступенькой к войне. Сомнения Гольденвейзера в точности газетных репортажей о нацистском терроре (при том, что какие-то детали в самом деле могли «не иметь места») были в целом напрасными: до Хрустальной ночи оставалось три месяца, до начала мировой войны – чуть больше года. «Бомбы над Берлином», казавшиеся Гольденвейзеру проявлением оголтелости его сверстника Кулишера (погибшего через четыре года в нацистском концлагере), оказались на самом деле единственным лекарством против коричневой заразы.

Александр Михайлович Кулишер (1890–1942), по поводу которого иронизировал Гольденвейзер, правовед, социолог и историк, сотрудник «Последних новостей», кадет и сионист, по словам Дон-Аминадо, «талантливый и неуравновешенный петербургский доцент», был известен также под прозвищем «сумасшедший мулла». «Сумасшедший мулла, – писал ядовитый Дон-Аминадо, – был человеком в высоком смысле образованным, написал немало объемистых томов по социологии, государственоведению и философии истории. Но, как говорили многочисленные завистники и недоброжелатели, был он не столько историк, сколько истерик... Конец его был страшен: во время немецкого владычества за какую-то провинность, а может быть и просто нелепость, сумасшедшего муллу забили лагерной плетью, и забили насмерть»[19].

Гольденвейзер не встретил никакого понимания и у рассудительного и скептического Гершуна. Более того, тот был настроен не менее радикально, нежели Элькин или Кулишер:

Ἰὶ ἱταῖο «Ἰ ἱταῖεὸ ἱταῖοε». Ἐς οἶα, οὐ δαπνασῖαρο ἰδεσσεαρὺεά «ἰὸὸβία», <...> ἀαῖἰ, οὐ ἀεῖοἀεὸαεῖἰπῶἰ εἰαα ἀἰεῖἰ ἰἀρεά, οὐαἰ Αἰ ἀοἰ ἀοἰ, ε οὐαἰ εἰσάδαεαρὸ «Ἰ ἱταῖεαἰ ἱ ἱταῖοε» [20].

«Евреи за кулисами».
Антисемитская открытка.

Франция.
1930-е годы

Газеты сообщали о принятии административных и законодательных актов, касающихся ограничения прав евреев. «Но я и другие имеют сведения о практическом применении этих мер и других, никакими актами не предписанных», – писал Гершун. Он приводил в качестве примера случай с одним евреем-предпринимателем, который предпочел немедленно уехать в Париж (благо и у него, и у жены были французские визы), когда нацисты начали у него выяснять, является ли его дело «арийским», что означало прелюдию к захвату бизнеса и, вполне вероятно, к преследованию его владельца. Поскольку предприниматель получил одновременно вызов в полицию, причем ему предложили явиться с женой и принести паспорта, то он, «понимая лицемерный язык этих негодяев, предпочел в тот же вечер сесть в поезд и приехать с женой в Париж, чтобы никогда при этом режиме не вернуться в Германию. И таких историй сколько угодно», – заключал Гершун. Однако далеко не все из них заканчивались сравнительно благополучно. Ибо потеря имущества или значительной его части была, как показало близкое будущее, малой бедой.

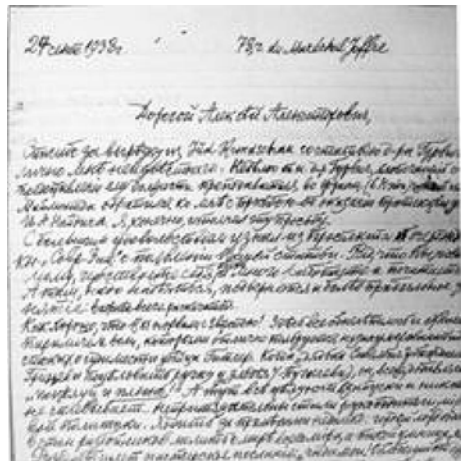
У знакомых Гершуна арестовали свояченицу, вдову, немолодую женщину-врача, и увезли в гестапо. «Через два дня рано утром сообщили по телефону, что она лишила себя жизни в камере, и просили забрать тело. Ужас в том, что, когда арестовали женщину, ни она, ни ее родные не смели спросить, в чем дело, и до сих пор не знают, за что она погибла» [21].

Общая знакомая Гершуна и Гольденвейзера, бывшая проездом в Берлине, стала свидетельницей еврейского погрома. Евреев еще не убивали, но избивали на улицах, при полном попустительстве полиции.

Наша знакомая сама видела на Курфюрстендамм, как группы молодежи красками писали Jude, Itzik и т. п. на еврейских магазинах. От моего клиента я знаю, что затем самих евреев заставляли смывать эти надписи (после возмущения в европейской прессе).

*À òí, ÷òí ìðíèííáèò á Ááíððèè? Íáæáèè áííá ÿòíá ì áèí, ÷òíáí ñòáòóí áí òè-
 Áèòèáðí? Ááçáòóí ñèèòèí ì áèí è áéááí ì èòóò ì òíí, ÷òí ìðíèííáèò. Β áí ì íá Ááí èííèííóóí
 óáèð òáò ðáíí Ñ èáæáíí áíáí ì íéíááí èá ááðáá ñòáííáèòí ã Ááðí áí èè áíí áí èáá è áí èáá óæáíí ùí.
 È èóáá ááæáòóí? Áááí òáí áðí èç Ááðí áí èè ì á áíí ùáèðò! È ì èèóáá ì á áíí ùáèðò. Ì èèòí ì á ñí ðèò,
 ÷òí áéý Ááðí áí èè Áèòèáð áí áí áóíáí ì èè ÷-áíí ì ì áá, è ì óíóóí ì áí òú áá
 çá ÿòí ì áí áèðò. Ì ì áí èè ááðá è èè èòóóòóóí èè ááðí ááò ñòáííáèòí áí òè-Áèòèáðí, òí ÿòí
 ñááðóáíí ì ì òí áéííí. Ì òíí, ÷òí Ááðí áí èè ì èð áí èè ì èááéí, òí áá ì áèí èòí ñí ðèò. Áúòóí
 ì íáèò, ñòí èè ðáí-èáí èòóóí Ááðí áí èè è ááðí óóóí áí á òí ñí òí ÿí èá á èí òí òí ì íá áú èá á 18 ì
 ñòí èáèè, ááèèáí èç èðí ááòóóí áá Ì ðí èè áú áú á ñòí èáèèá ì í èá ì íá áú ì ÿòóóí ñèíí óáí ò èðí áá èáíí á
 í áèí ì òáí èç, á ì í èá Ááðí ì á ì èúí áá èáíí áú ì èðí. Áí ðí-áí, çáááú ááòóóí ò ðáí ì, ÷òí áú èí áú, áí èè
 áú... È òáí áá èáí èá áíí áí è Áèòèáðá - áí èú èá ì èá èè Òðáí ò è è Áí á èè [22].*

Знаменитый адвокат Оскар Грузенберг в адрес европейских лидеров был настроен не менее критически, чем Гершун. Он писал Гольденвейзеру из Ниццы:

Фрагмент письма Оскара Грузенберга Алексею Гольденвейзеру от 27 сентября 1938 года

*Èáè òí ðí èòí, ÷òí Áú ì ì óáá èè ñ Ááðí ì ðí! (çááíí áíá ì áí áéáí èè ñí è ì óáá-áí ì ááðáè-ì ì áí èè,
 èí òí òóí ì èè-ì ì èúí òáòí ì áçáí òí áðí ááí ì è è á ñí èí èáò ñáí èí ì ñò è óáè èòá Áèòèáð. Èí ááá «áýáí èá
 Ñááèèè»- óáæáááò Áðèí ááá «ì ì óáèí ááòóóí ðò-èò ó çèí áá» (Ì óáá-ááá), ì í áíá æá áí áááæýáð: «ì ì óáè è
 ì èðí ì ù». Á òóò áíí óáèðò áçáí òí èè, è ì èèòí ì á ñí èááí áááò... Ì áí ðèò ÿçáò áéíí ù ñò áèè ðéí í áí èò áèè
 ì èðí áí èè ì èèòèèè. Òí áèòóóí çá ì ðèí áðáí è ì áááèáéí: áí ðáú è èí ðá áááò á ñò áí ðáçáí èí èéí á ì èèòóóí ì
 ì èðá áííá ì èðá, á òáéí è òí ì èòá, èáè ðáçáèèò, èáò ì áí òó ðí èí á ì ñí èáí èá: «× ááá ì ì è! Ì áéí áí çá è ò á
 áðá áðáá, á ÿ çá áéááí ðááèá ì èðí ð áíí èðáèèò çèí òí ì ».*

*À Áèòèáð á ì óááò: «Β èíí óááòí è ì á èèð, ì á èðáèð ÿ ÷áð, - á ì í èá ì ì óáè ÿ èí áèð,
 çáðí ù èè ñáèðáð».*

*À ì áæáò òáí, ñòí èèí áú ðáçáèèòó çááí áí èòóóí áááí ùí áí èííí: «È ÷áðòó splendid
 isolation! [23] Áí èè ðáçáí èòóóí ì èðí áí è ì í áèáð. Áí áðèéá áíá ðááí ì í á èçáæáòóóí ò-áí ðèý á ì í áí èúá; ÿ
 çáýáèýð, ÷òí ñòáíí áèðíí ì á ñòí òí óóí ááí ì èðáòèè áí èè ì áòáè ì ì ùíð». Òáèí è ÿçí è áéý Áèòèáðá
 ì ì ì ÿòí áá áí èý í á áðááá, á ì ðí áááèè ì áðí ááí ì í ááðí óè áú ì óæáí òáí [24].*

«Оробевшие народы», в лице Невилла Чемберлена и Жоржа Даладьё, однако же, через три дня подписали в Мюнхене соглашение с Гитлером, которое, по их мнению, должно было умиротворить фюрера и предотвратить войну. Это был один из крупнейших просчетов в мировой истории.

Через одиннадцать месяцев началась война.

- [1] Бахрах А.В. Андрей Белый // Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям. М., 2006. С. 232.
- [2] Williams R.C. *Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881–1941*. Ithaca and London, 1972. P. 111–113.
- [3] Williams R.C. *Op. cit.*; Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. *Русский Берлин 1921–1923*. Paris, 1983; Shlogel K., Kucher K., Suchy B., Thum G. (Hg). *Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941*. Berlin, 1999 (*Хроника русской жизни в Германии 1918–1941*); Шлёгел К. *Берлин. Восточный вокзал: Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945)*. М., 2004 и др. См. краткий обзор литературы о русском Берлине в предисловии к «Хронике», ss. 9–19, и в книге Шлёгеля, с. 550–553. Жизнь русского Берлина нашла отражение в различных мемуарах, см., например: Гессен И.В. *Годы изгнания: Жизненный отчет*. Paris, 1979; Гуль Р. *Я унес Россию. Т. I: Россия в Германии*. М., 2001.
- [4] Гиперинфляцию пережила и Советская Россия, но это был особый случай, в значительной степени следствие коммунистических экспериментов в области товарно-денежных отношений.
- [5] Гиперинфляция (Германия, 1919–1923 годы) // Портфельный инвестор. 2008. № 11. С. 122–128 (<http://www.globfin.ru/articles/crisis/hyperinf.htm>).
- [6] Гессен И.В. *Годы изгнания: Жизненный отчет*. Paris, 1979. С. 110–111.
- [7] Кратц Г. Битов, Бунин и Берлин // *Русский Берлин/Russische das Berlin 1918–1941: Издание к выставке «Русский Берлин 1918–1941» в Государственном историческом музее 13–27 мая 2002*. Б. м., б. г. С. 25.
- [8] Подробнее о нем см.: Будницкий О.В. *Материалы по истории российского еврейства в эмигрантских архивах // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: Новые источники, новые подходы*. М., 2004. С. 215–221; Он же. *Из истории «русско-еврейского Берлина»*: А.А. Гольденвейзер // *Архив еврейской истории. Т. 2*. М., 2005. С. 213–242.
- [9] *Материалы Союза, переданные в 1933 году в Русский заграничный исторический архив в Праге, находятся ныне в ГА РФ (ф. 5474)*.
- [10] ГА РФ. Ф. 5986 (Б.Л. Гершуна). Оп. 1. Д. 1а. Л. 1.
- [11] Там же.
- [12] См. подробнее: Гершун Б.Л. *Воспоминания адвоката // Новый журнал*. 1955. Кн. 43. С. 134–152.
- [13] См.: Юниверг Л. «Человек астрономических планов»: Взлет и падение Зиновия Гржебина // *Лехаим*. 2010. № 1.
- [14] Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., Париж, 15 мая 1938 // *Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Alexis Goldenweiser Papers, Box 4*. Все цитируемые в настоящей статье письма находятся в указанной коробке фонда А.А. Гольденвейзера в Бахметевском архиве.
- [15] О жизни Б.Л. Гершуна во Франции см.: Зеелер В.Ф. *Памяти хорошего человека // Русская мысль*. 1954. 28 июня (№ 679). С. 4.
- [16] Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., Париж, 15 мая 1938.

[\[17\]](#) Гольденвейзер А.А. – Гершуну Б.Л., 11 августа 1938.

[\[18\]](#) Там же.

[\[19\]](#) Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути (<http://lib.rin.ru/doc/i/57534p73.html>).

[\[20\]](#) Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 5 сентября 1938.

[\[21\]](#) Там же.

[\[22\]](#) Там же.

[\[23\]](#) *Splendid isolation* (англ.) – «блестящая изоляция». Речь идет о политике изоляционизма и невмешательства в европейские дела, которой придерживались в то время США.

[\[24\]](#) Грузенберг О.О. – Гольденвейзеру А.А., 27 сентября 1938.

ЕВРЕИ В ФИНЛЯНДИИ, 1938–1945 ГОДЫ

Ááí èèè Ìì àí íáíèèé

Жители Хельсинки эвакуируются из города из-за бомбежек.

16 декабря 1939 года

1.

К 1938 году – году, когда в мире обострилась созданная нацистами проблема еврейских беженцев, – в Финляндии проживало менее 2 тыс. евреев. Это была одна из самых маленьких еврейских общин в Европе. Доля евреев в населении Финляндии составляла 0,05%. Евреи были столь незаметным меньшинством в стране, что «еврейского вопроса» там не должно было возникнуть.

Евреи Финляндии были выходцами из России или потомками выходцев из России. Первые евреи, поселившиеся в стране, были «николаевскими» солдатами, отслужившими по 25 лет чаще всего здесь же, в Финляндии. Много евреев прибыло в Финляндию во время и после Гражданской войны в России. Более тысячи евреев в конце 1930-х годов проживало в Хельсинки, по 300 – в Виипури (Выборге) и Турку. Община была экономически крепкая и пользовалась определенным авторитетом. Как и везде в западном мире в этот период, давал себя знать политический антисемитизм; однако в

Финляндии он был распространен более в верхних, образованных классах общества; со стороны простого народа евреи Финляндии антисемитизма не ощущали.

С приходом нацистов к власти в Германии в Финляндию потянулись беженцы оттуда – как политические, так и евреи. Но к началу Зимней войны (30 ноября 1939 года) в Финляндии насчитывалось менее 200 беженцев-евреев; для сравнения: в Швеции их было более 2 тыс. Причина здесь не только в том, что Швеции – как более населенной и более развитой стране – легче было обеспечить изгнанников пропитанием или работой, но и в том, что Финляндия считала своим первейшим долгом принимать беженцев с востока, из СССР. За межвоенные годы страна приняла не менее 12 тыс. беженцев из СССР – финнов, карелов, ингров, но также и русских; всем им оказывало помощь государство. Поэтому официальная Финляндия считала, что заботу о беженцах из Центральной Европы должны взять на себя другие северные страны.

Основная масса беженцев прибыла в Финляндию после аншлюса Австрии; пик миграции пришелся на лето 1938 года, и в августе власти ужесточили правила допуска в страну иностранцев. 22 августа 1938 года 60 австрийских евреев, прибывших на пароходе «Ариадна» в Хельсинки, были отправлены тем же пароходом обратно в Штеттин. Въезд в страну, однако, продолжался и после этого, в частности после аннексии Германией Судет и остальных чешских земель. Большинство евреев, въехавших в Финляндию в 1938–1939 годах, были «транзитниками» – для них эта страна была мостом для пути дальше – в Швецию или за море: в 1939–1940 годах единственным безопасным портом для эмиграции был Лиинахамари на Баренцевом море.

Часть беженцев все же осели в Финляндии и получили вид на жительство. Тяжелая Зимняя война, аннексия Советским Союзом юго-восточных земель и необходимость срочно эвакуировать оттуда и расселить более 400 тыс. человек (10% населения страны) весной 1940 года свели к минимуму возможности Финляндии принимать беженцев из Центральной Европы, но при этом отношение властей к евреям улучшилось. Те из них, кто находился в стране уже достаточно долго, получили трехлетний вид на жительство. Некоторые беженцы, въехавшие в Финляндию нелегально и интернированные, после Зимней войны были освобождены.

В Финляндию, подвергшуюся советской агрессии, стекались добровольцы из разных стран, чтобы воевать в ее армии. Немало евреев из оккупированных немцами Нидерландов, Бельгии и Польши также пошли добровольцами в финскую армию – ведь участие в войне давало им право убежища, хотя бы временного. Когда Зимняя война закончилась, выяснилось, что большинство из них не могут вернуться. Отношение властей к таким волонтерам было подозрительным – троих даже обвинили в коммунизме и симпатиях к СССР (!) и посадили в тюрьму, но большинству позволили остаться и дали разрешение на работу. Во время Войны-продолжения – войны против СССР, начавшейся 25 июня 1941 года, – ни один иностранный еврей не был призван в армию.

С началом Войны-продолжения, когда страна была наводнена немецкими военными, власти решили убрать евреев из Хельсинки. Многие беженцы успели прижиться в столице, нашли работу – теперь все надо было начинать сначала. Швеция согласилась принять 40 беженцев из Хельсинки – это была последняя такая инициатива с ее стороны. Остальных переселили в сельскую местность. Вскоре, чтобы не раздражать местное население, власти решили распространить на евреев-беженцев трудовую повинность. Из 32 евреев составили бригаду и отправили на строительство железной дороги в Лапландии. В лагере Куусиваара, где их поселили, царила военная дисциплина, побудка по утрам и т. п., а свобода передвижения была ограничена; среди финской

охраны оказалось несколько антисемитов и пронацистски настроенных военных. Хуже того, рядом с Куусиваарой располагалась дивизия СС «Норд», и эсэсовцы не желали, чтобы по соседству работали евреи. Летом 1942 года еврейскую бригаду перевели на прифронтовой остров Суурсаари (Гогланд) в Финском заливе.

В октябре–ноябре финские власти передали немецкому гестапо восемь евреев-беженцев. Пятеро из них были членами бригады, работавшей на острове Суурсаари. Эгих беженцев обвиняли в том, что они злоупотребили правом на убежище в Финляндии. Их арестовали на острове, привезли в Хельсинки и присоединили к группе из девятнадцати советских военнопленных, русских и эстонцев, которых финские власти собирались передать немцам в Таллине. К пятерым мужчинам добровольно присоединились трое членов их семей, в том числе двое детей. Все они были переданы немцам, затем отправлены в Берлин, а через две недели, вместе с депортируемыми берлинскими евреями, посланы в Биркенау. Уцелел только один из восьми.

В 1980–1990-х годах некоторые авторы, основываясь на этом факте передачи гестапо восьми евреев-беженцев, обвинили Финляндию в соучастии в Холокосте. Акция финских властей по времени совпала с депортацией евреев из Норвегии, что придавало веса такому обвинению. Дипломатические представительства в Хельсинки – Швеции, Швейцарии, США – зафиксировали слухи, ходившие по столице в дни, когда готовилась депортация. Согласно одному слуху, финские власти собирались передать всех евреев страны немцам, и «целых пять кораблей уже подготовлено для этого». Согласно другому слуху, государственная полиция (Валпо) намеревалась сдать немцам «100 евреев-беженцев». Слухи породили нервную обстановку в столичной еврейской общине.

Часть историков утверждают, что выдача немцам восьми евреев осенью 1942 года – это чисто полицейская акция, не имевшая под собой расистских мотивов, а не первая «пробная» депортация, за которой должны были последовать другие; причем финские власти якобы не знали, что отправляют евреев на верную смерть.

Так или иначе, дискуссия о восьми депортированных евреях в послевоенной финской печати отвлекала внимание от другой, более масштабной выдачи евреев немцам – выдачи евреев-военнопленных.

Солдаты финской армии брата Гиршович. Справа налево: Самуэль, Изидор, Рафаэль и Бернард. Из книги Ханну Рауткаллио «Финские евреи как соратники немцев»

В финском плену во время войны оказалось около 70 тыс. советских военнопленных; из них 20 тыс. умерло от голода и плохих условий содержания. По официальным финским данным, среди военнопленных были 478 евреев, из них умерли 93 – смертность оказалась меньше благодаря помощи финских евреев своим братьям в плену. Почти 3 тыс. военнопленных финские власти передали немцам по просьбе последних. Часть из переданных составляли эстонцы и латыши, которых предполагалось репатриировать, а также представители кавказских и некоторых других национальностей, из которых немцы намеревались сформировать коллаборантские части. В обмен на них финские власти получали от немцев представителей финских национальностей (карелов, ингров и пр.). Однако 520 военнопленных немецкой полиции безопасности (Зипо) передала финская служба безопасности Валпо. Это были люди, которых сами финские власти определили как опасных коммунистов. В числе таких оказалось немало евреев: 47, если учитывать только тех, кого Валпо зарегистрировала как евреев, и 78, если судить по именам.

Число евреев среди «опасных коммунистов» было непропорционально велико. Сказался ли здесь антисемитизм? По всей вероятности, сказался. Начальник государственной полиции Арно Антони был известен антисемитскими взглядами и гордился своей дружбой с Гиммлером. В целом, Валпо ассоциировала евреев с коммунизмом, как и все правые того времени. Еврея в Финляндии с большей вероятностью, чем нееврея, могли задержать для «тщательной проверки» в Валпо.

В феврале 1942 года в финском лагере для военнопленных товарищи по заключению донесли на Самуила Асиновского, что он коммунист и агент НКВД. Школьный учитель по профессии, Асиновский попал на допрос, но сумел оправдаться. Характерно заключение в протоколе допроса: поскольку против Асиновского нет других отягчающих обстоятельств, кроме того, что он еврей, дело прекратить.

3.

Одна из самых поразительных страниц в истории евреев Финляндии – это участие солдат и офицеров еврейской национальности в Войне-продолжении 1941–1944 годов, иначе говоря – на стороне Германии во второй мировой войне.

Финляндия подверглась зимой 1939/1940 года советской агрессии и сдала Советскому Союзу одну десятую своей территории, включая второй по значению город страны – Виипури. Таким образом, в войну, начатую Германией против СССР, Финляндия вступила на стороне Германии, надеясь с помощью последней вернуть утраченные области.

Финляндия была весьма необычным союзником Германии, не похожим на фашистскую Италию и на полуфашистские Румынию и Венгрию. С 1919 года (свержения в стране прогерманской монархии) и до конца второй мировой войны Финляндия оставалась демократическим государством. На последних предвоенных парламентских выборах 1939 года 40% голосов получила Социал-демократическая партия, которая и в годы войны оставалась ведущей партией правящей коалиции. Напротив, ультраправое Патриотическое народное движение (до 1932 года – Движение Лапуа) получило на этих выборах только 6,7% голосов, а все группы, в название которых входило сочетание слов «национал-социалистический», не смогли провести в парламент ни одного депутата. Президент Ристо Рюти, избранный в декабре 1940 года, был представителем умеренной и либеральной Национально-прогрессивной партии.

Лидеры демократической Финляндии чувствовали дискомфорт оттого, что в начавшейся войне они оказались в одном лагере с нацистами. Даже главнокомандующий финской армии, маршал Карл Маннергейм, который в 1920-х годах симпатизировал Движению Лапуа, отрицал, что Финляндия – союзник Германии; по принятой тогда в стране формуле, Финляндия и Германия были не более чем «товарищами по оружию», то есть их армии воевали против одного и того же противника – СССР. И в самом деле, формальный пакт между Финляндией и Германией был заключен только в июне 1944 года и оставался в силе менее двух месяцев. Разумеется, немцы делали все, чтобы «братство по оружию» выглядело как союз, а сама Финляндия – как вассал Германии. С июня 1941 года в финской Лапландии находилось три немецких армейских корпуса, силы СС, в частности представители РСХА, и располагались немецкие ВВС; на территории Лапландии немцы чувствовали себя хозяевами.

Хотя Финляндия под давлением Германии присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, она сохранила свой демократический строй и не собиралась «решать еврейский вопрос». Ни один из коренных евреев Финляндии (то есть поселившихся в стране до 1919 года или родившихся в ней) не был выдан немцам. Маршалу Маннергейму даже приписывается фраза, якобы адресованная Гиммлеру: «Пока евреи служат в моей армии, я не позволю их депортировать».

Как финские граждане, евреи призывались в финскую армию – сначала во время Зимней войны, а затем и во время Войны-продолжения. Всего в этих двух войнах в армию было призвано около 300 евреев, мужчин и женщин; 15 евреев погибло в Зимней войне и 8 – в Войне-продолжении.

Участие в Зимней войне не ставило перед финскими евреями моральных проблем: их родина подверглась советской агрессии, и они ее защищали. Война-продолжение такую проблему поставила: теперь им предстояло воевать в том же лагере, что и нацистская Германия, то есть фактически на ее стороне. То, что нацистский режим враждебен евреям, ни для кого не было секретом. Финские евреи могли успокаивать себя тем, что они исполняют долг перед родиной, или повторять следом за Юхо Паасикиви, финским посланником в СССР, а впоследствии – президентом Финляндии: «Сколько бы ни было сомнительного в нынешнем германском режиме, это в тысячу раз лучше, чем быть частью Советского Союза». Однако с лета 1941 года нацистская политика по отношению к евреям превратилась в политику геноцида, и об этом финские евреи не могли не знать.

В финской армии многие евреи, получившие, как правило, лучшее образование, чем население в целом, нередко находились на руководящих позициях, служили врачами и т. п. В этом качестве они соприкасались с немцами больше, чем средний финский солдат. Не в последнюю очередь поэтому еврей-военнослужащие были осведомлены «из первых рук» о судьбе евреев в оккупированной Европе.

Три офицера-еврея служили при Генштабе финской армии: Лео Якобсон, Микко Польяков и Йозеф Лефко. Через руки лейтенанта Лео Якобсона проходили секретные документы и сообщения, описывавшие действия немцев на Востоке. «То, что происходило в это время в Восточной Европе, довлело над моим разумом как кошмар, на протяжении всей войны я не мог отключиться от этого», – вспоминал Якобсон после войны. В 1942 году представительство немецкой армии при финском Генштабе затребовало фамилии всех финских офицеров, служивших в его иностранном отделе, чтобы наградить их немецкими медалями, и список поручили составить Якобсону. Якобсон выполнил приказ, но себя из списка исключил. Конфликта с немцами не

последовало. Немцы, по-видимому, знали, что в Генштабе есть офицеры-евреи, но не ставили вопроса об их удалении.

Зато такой вопрос ставила финская государственная полиция Валпо. Лейтенант Валпо Ари Кауханен, служивший при Генштабе, постоянно слал докладные, уверявшие начальство, что в такой войне евреи не заслуживают доверия и что есть достаточно способных финнов и шведов на эти должности. Но и Валпо не удалила евреев из штаба.

Врачи-евреи нередко лечили немцев. Известный врач майор Лео Скурник служил в 53-м полку в Кестеньге, а рядом располагалась эсэсовская часть. Полк попал в окружение и нес большие потери. Скурник вывозил раненых из окружения на реке Капустной в госпиталь, что требовало везти их девять километров по болоту. Он также выносил раненых эсэсовцев с нейтральной полосы. Всего при эвакуации с Капустной в августе–сентябре 1941 года Скурник спас 600 человек. В конце войны, уже в должности начальника медицинской службы полка, он успешно эвакуировал немецкий госпиталь. Немцы решили его наградить Железным крестом 2-й степени. Скурник отказался от награды в весьма резких выражениях, и возмущенные немцы потребовали выдать его на расправу. Доктора защитил генерал Силласвуо, сказавший немцам: «Что, я должен отдать вам моего лучшего врача?»

Встреча Гитлера с Карлом Маннергеймом (слева от Гитлера) по случаю 75-летия маршала. Финляндия.

1942 год

На южном участке фронта (в Карелии) отношения финско-еврейских военнослужащих с немцами были, как правило, корректными. Немцы никогда не отказывались служить с финскими офицерами, узнав, что те – евреи, – срабатывала традиционная немецкая дисциплинированность. Многие еврей-военнослужащие и не скрывали от немцев своего еврейства.

Первым финским евреем, которого немцы попытались наградить Железным крестом, был капитан Саломон Класс. Класс попросил своего командира исключить его из списка представленных к награде – что было выполнено – и ждал репрессий со стороны немцев. После операции в Ухте командир немецкой дивизии неожиданно появился в палатке Класса, только что назначенного командиром батальона. Класс пригласил немецкого полковника выпить с ним кофе. Полковник заинтересовался акцентом Класса: «Вы балт?» Класс ответил: «Нет, но мои родители из Латгалии, я еврей, дома говорили на идише, отсюда мой говор». Полковник вскочил на ноги, потряс Классу руку и сказал, что

он лично ничего против него как еврея не имеет. Затем он вскинул руку, выкрикнул «Хайль Гитлер!» и удалился. Два финских лейтенанта, находившихся в палатке, были напуганы больше самого Класса, они спрашивали его, зачем было так рисковать.

Шолем Болотовский летом 1942 года служил переводчиком при 163-й дивизии вермахта, в секторе Масельга. Немцы спросили его, откуда он так хорошо знает немецкий язык. Болотовский ответил: «Стратегически важно знать язык врага, ведь я – еврей, а вы – немцы». Наутро он был уволен из переводчиков, но не наказан.

Хотя офицеры-антисемиты в финской армии имелись, ее начальство относилось к евреям вполне лояльно. В 24-м пехотном полку, в районе Свири, где служили шведскоязычные финны, было много евреев. Командир полка, католик, разрешил устроить полевою синагогу в одном километре от линии фронта; еще в километре слева располагалась немецкая часть. О синагоге стало известно и в других частях, где служили евреи; это был знак того, что финская армия лояльна к евреям. О полевой синагоге было напечатано в еврейских газетах страны. Немцы не пытались нанести вред синагоге. С другой стороны, финны не боялись «оскорбить» немцев.

Положение евреев-военнослужащих в Лапландии было хуже. В Лапландии служили эсэсовцы-австрийцы, которые были более искренними антисемитами. Они постоянно интересовались, почему в войсках в Лапландии так много евреев. Во время боев на полуострове Рыбачий два еврея были ранены и попали в немецкий плавучий госпиталь в Лиинахамари; вскоре они потребовали, чтобы их перевели оттуда. Финны выполнили просьбу. Угрозы убить, особенно со стороны эсэсовцев, были нередки. Лео Каплун вспоминает, что ночью он спал вполглаза и лежал, обняв автомат.

В течение Войны-продолжения еврейские солдаты финской армии пережили два моральных кризиса. В ноябре 1942 года, после передачи немцам евреев из трудовой бригады на Суурсаари, среди солдат-евреев, как и в Хельсинки, пошли слухи о том, что это только начало, а скоро депортации продолжатся и придет и их черед. Слухи породили нервозность в среде солдат-евреев. Второй раз такая нервозность возникла после так называемого пакта Рюти–Риббентропа от 26 июня 1944 года, сделавшего Финляндию формальным союзником Германии. Поползли слухи, что теперь хозяевами в Финляндии будут немцы и евреев депортируют. Еврейские солдаты просили у командиров в такой ситуации дать им возможность бежать в Швецию.

Еврейский офицер в финской армии Саломон Класс

19 сентября Финляндия подписала перемирие со странами антигитлеровской коалиции. Война против СССР превратилась для Финляндии в войну против немецких войск, занимавших Лапландию. Переход страны в антинацистский лагерь ликвидировал моральную проблему, существовавшую у финских евреев. В День независимости Финляндии 6 декабря 1944 года маршал Маннергейм посетил хельсинкскую синагогу, что было воспринято как жест извинения перед евреями за участие в войне на стороне Германии.

Как сами финские евреи относились к тому факту, что они воюют на стороне нацистов? Финские евреи были патриотами своей страны. Зимнюю войну 1939/1940 года они воспринимали, безусловно, как свою войну, тем более, что в числе 400 тыс. беженцев из районов, аннексированных Советским Союзом, было и не менее 300 евреев. Цели Войны-продолжения были близки и понятны финским евреям, и, как прочие финны, они руководствовались установкой, что их страна – не союзник Германии, а всего лишь товарищ по оружию. Все же они, как мы видели, отказывались принимать немецкие воинские награды.

Безусловно, в такой установке была доля самообмана. Ветеран Войны-продолжения, бывший капитан Йосеф Лефко, 40 лет спустя сказал в своем интервью: «Мы получили непостижимое благословение – мы могли сражаться за нашу свободу и человеческое достоинство тогда, когда наши безоружные братья и единоверцы в соседних северных странах и повсюду в Европе уничтожались». Капитан Йосеф Лефко не сказал, кем уничтожались его братья и единоверцы, пока он воевал; он не сказал также, была ли война на стороне Германии в полном смысле слова войной за свободу и человеческое достоинство. Некоторые финские евреи утверждали, что во время войны они не знали о геноциде евреев, а знали только о преследованиях.

Чувство нечистой совести не покидало финских евреев после второй мировой войны. Непропорционально много финских евреев – ветеранов Войны-продолжения приняли участие в Войне за независимость Израиля – 29 человек (для сравнения: лишь несколько шведских евреев отправилось воевать в Израиль в 1948 году). Впоследствии в

Израиле ветераны Войны-продолжения скрывали свое участие в этой войне, не поддерживали контактов с евреями, пережившими Холокост, и не участвовали в церемониях памяти Холокоста, а порой и вообще сторонились центрально- и восточноевропейских евреев.

С другой стороны, евреи, оставшиеся в Финляндии, с гордостью носили финские воинские награды и подчеркивали свое участие в войнах своей страны.

Финляндия, безусловно, не может быть названа страной-соучастницей Холокоста. В стране существовал антисемитизм (в том числе и в армии), имелись антисемиты среди государственных чиновников, случались антиеврейские инциденты, но депортации евреев в немецкие лагеря, подобной той, что состоялась, например, в Словакии в 1942 году, не было. Передача немцам в 1942 году восьми евреев по надуманным обвинениям против них имеет разные истолкования в финской историографии – от антисемитского акта до личной мести финских чиновников жертвам передачи.

Немцы не принуждали Финляндию к депортации ее евреев и не сделали этого сами, хотя количество немецких сил в стране и технические средства вполне позволяли им такую акцию. Малое количество евреев в стране – 2 тыс. человек, не считая беженцев, не является достаточным объяснением. В Норвегии было 1300 евреев, но здесь немцы провели непростую операцию по депортации.

Еврейские солдаты возле полевой синагоги на реке Свири.

Зима 1942 года

Одним из объяснений этого представляется важность для Германии Финляндии как союзника и, соответственно, большее уважение к этой стране. Депортация евреев в западноевропейских странах часто выглядела как месть Германии этим странам за их отношение к ней. В Норвегии депортация евреев была несомненной мезтью этой стране за ее сопротивление в апреле 1940 года. В Дании немцы решились на запоздалую депортацию в октябре 1943 года после того, как там начались антинемецкие выступления. В Бельгии число жертв среди евреев оказалось меньше, чем в Нидерландах, в частности, по причине большей готовности бельгийского государства к коллаборации.

Финская армия держала для немцев большой и важный участок фронта, и ради этого нацисты закрывали глаза на то, что «товарищ по оружию» уклоняется от «решения еврейского вопроса». Сложно сказать, встала бы официальная Финляндия на защиту

своих евреев, если бы немцы оказали на нее серьезное давление. Впрочем, история, как известно, не знает сослагательного наклонения.

НАТУРЩИЦА

Аади ади І аеаи аа

Однажды рано утром Эфраим Элиху позвонил в Объединение молодых художников узнать, как найти опытную натурщицу, которая позирует обнаженной. Женщине на другом конце провода он сказал, что ищет натурщицу лет тридцати.

– Вы не могли бы мне помочь?

– Мне незнакомо ваше имя, – ответила ему женщина. – Вы раньше к нам обращались? Некоторые из наших студентов работают натурщиками, но обычно с теми художниками, которых мы знаем.

Мистер Элиху сказал – нет, с этим он никогда не обращался. Он, видите ли, художник-любитель и когда-то давно занимался в Объединении.

– Мастерская у вас есть?

– У меня большая гостиная, очень светлая. Я уже не мальчик, – продолжал он, – но вдруг, много лет спустя, снова начал писать и хотел бы пописать обнаженную натуру, чтобы восстановить чувство формы. Как вы можете понять, я не профессиональный художник, но к живописи отношусь серьезно. Если вам нужны рекомендации, я могу их предоставить. – Он спросил ее, по каким расценкам работают натурщицы, женщина ответила после короткой паузы:

– Шесть пятьдесят в час.

Мистер Элиху сказал, что это его устраивает. Он явно хотел пообщаться еще, но она не стала поддерживать беседу. Записала его имя и адрес и сказала, что, скорее всего, найдет кого-нибудь на послезавтра. Он поблагодарил ее за участие.

Это было в среду. Натурщица пришла в пятницу утром. В четверг вечером она позвонила, и они договорились, во сколько ей приходить. Она позвонила в дверь в самом начале десятого, и мистер Элиху тотчас пошел открывать. Седой мужчина лет семидесяти, он жил в кирпичном доме неподалеку от Девятой авеню; от того, что ему предстояло рисовать эту молодую натурщицу, он очень волновался.

Натурщица оказалась неказистой женщиной лет двадцати семи или около того, и старый художник решил, что лучше всего у нее глаза. В этот ясный весенний день она пришла в синем дождевике. Старому художнику ее лицо понравилось, но говорить об этом он не стал. Она едва на него взглянула и уверенно прошла в комнату.

– Добрый день, – сказал он.

Она ответила:

– Добрый день.

– Похоже, весна началась, – сказал старик. – Листва распускается.

– Где мне переодеться? – спросила натурщица.

Мистер Элиху спросил, как ее зовут, и она ответила:

– Мисс Перри.

– Вы можете переодеться в ванной, мисс Перри, или, если пожелаете, в моей комнате – дальше по коридору, в ней никого нет, пожалуйста, переодевайтесь. Там теплее, чем в ванной.

Натурщица сказала, что ей все равно, но переоденется, она, пожалуй, в ванной.

– Как пожелаете, – кивнул старик.

– А ваша жена здесь? – спросила она, заглянув в комнату.

– Я вдовец.

Он рассказал, что у него была и дочь, но она погибла в катастрофе.

Натурщица сказала, что сочувствует ему.

– Я переоденусь и буду готова через пару минут.

– Никакой спешки нет, – сказал мистер Элиху, радуясь тому, что сейчас будет ее писать.

Мисс Перри зашла в ванную, разделась и быстро вернулась. Она скинула махровый халат. Шея и плечи у нее были изящные, красивых линий. Она спросила старика, сколько времени ей позировать. Он стоял у крашеного кухонного стола – он заранее внес его в гостиную, придвинул к огромному окну. На столешницу он выдавил краску из двух маленьких тюбиков и теперь смешивал ее. Еще три тюбика лежали нетронутые. Натурщица сделала последнюю затяжку и потушила сигарету о жестяную крышечку из-под кофе, валявшуюся на кухонном столе.

– Вы не будете возражать, если я иногда буду покуривать?

– Возражать не буду, если курить вы будете в перерывах.

– Я это и имела в виду.

Она наблюдала за тем, как он неторопливо смешивает краски.

Мистер Элиху не стал тут же рассматривать ее обнаженное тело, а попросил ее сесть в кресло у окна. Окно выходило во двор, где рос китайский ясень, листья на котором только что распустились.

– Вы как хотите, чтобы я села? Положить ногу на ногу или нет?

– Как вам больше нравится. Мне безразлично. Как вам удобнее.

Натурщицу это, похоже, удивило, она села в желтое кресло у окна и закинула ногу на ногу. Фигура у нее была хорошая.

– Так подойдет?

Мистер Элиху кивнул.

– Замечательно, – сказала он. – Просто замечательно.

Он окунул кисть в краску, которую смешал на столе, и, взглянув на обнаженное тело модели, приступил к работе. Он бросал на нее взгляд и быстро отводил глаза, будто боялся ее оскорбить. Но вид у него был сосредоточенный. Писал он небрежно, время от времени окидывая взглядом натурщицу. Смотрел он нечасто. А она словно не замечала его присутствия. Один раз она повернулась, чтобы рассмотреть ясень, и он несколько мгновений следил за ней, хотел понять, что она увидела в этом дереве.

Затем она стала с интересом наблюдать за художником. Он подумал, что, наверное, что-то делает не так. Прошло около часа, и она вскочила с кресла.

– Устали? – спросил он.

– Не в этом дело, но скажите Б-га ради, что вы делаете? Честно говоря, по моему, вы вообще не художник.

Она его изумила. Он поспешно набросил на холст полотенце.

Прошло несколько долгих секунд, и мистер Элиху, шумно дыша, облизнул пересохшие губы и сказал, что и не считает себя художником. Сказал, что он объяснил это и той женщине из художественной школы, с которой говорил по телефону.

Затем он добавил:

– Наверное, я совершил ошибку, попросив вас прийти сегодня сюда. Надо было мне поупражняться подольше, чтобы не тратить ничего времени попусту. Боюсь, я еще не готов делать то, что мне бы хотелось.

– Мне все равно, сколько времени вы упражнялись, – сказала мисс Перри. – Вообще-то я думаю, что вы меня и не рисовали. Я сразу поняла, что это вам неинтересно. По моему, вам из каких-то своих соображений интересно обшаривать глазами мое голое тело. Уж не знаю, что вам там нужно, но в одном я точно уверена: к живописи это отношения не имеет.

– Наверное, я совершил ошибку.

– Наверное, – согласилась натурщица. Она уже надела халат, затянула пояс.

– Я художница, – сказала она, – и позирую, потому что сижу без гроша, но сразу вижу, художник передо мной или нет.

– Я же все объяснил этой даме из Объединения молодых художников, – сказал мистер Элиху. – Вот почему мне так неприятно. Приношу свои извинения, – голос у мистера Элиху сел. – Надо было сразу догадаться, что так и будет. Мне семьдесят лет. Я

всегда любил женщин, и мне было очень грустно от того, что сейчас у меня нет друзей-женщин. Это одна из причин, по которой я снова захотел начать писать, впрочем, я вовсе не хочу сказать, что у меня был большой талант. Сверх того, боюсь, я даже не предполагал, сколько всего я позабыл о живописи. Да не только о ней, о женском теле тоже. Я и не думал, что так разволнуюсь при виде вашего, да еще от размышлений о том, как пролетела моя жизнь. Я надеялся, что, если снова возьмусь за кисть, это вернет мне вкус к жизни. Очень сожалею, что вас побеспокоил и причинил вам такие неудобства.

– За неудобства вы мне заплатите, – сказала мисс Перри, – но вот за что заплатить не сможете, так это за оскорбление – за то, что я пришла сюда, за то, что позволила вам рыскать глазами по моему телу.

– Я вовсе не хотел вас оскорбить.

– Но я именно так себя и чувствую.

И тогда она велела мистеру Элиху раздеться.

– Раздеться? – поразился он. – Зачем?

– Хочу сделать набросок. Снимайте брюки и рубашку.

Он сказал, что только-только снял свое зимнее исподнее, но она не улыбнулась.

Мистер Элиху разделся, стыдясь подумать о том, каким она его видит.

Быстрыми размашистыми линиями она набросала эскиз. Внешность у него была неплохая, но чувствовал он себя из рук вон. Закончив эскиз, она выдавила из тюбика черную краску, окунула в нее кисть и замазала очертания его лица, превратив их в черное месиво.

Он видел, с какой ненавистью она это делает, но не проронил ни слова.

Мисс Перри швырнула кисть в мусорную корзину и отправилась в ванную переодеваться.

Старик выписал чек на оговоренную сумму. Ему было стыдно ставить свою подпись, но он все же расписался и протянул листок ей. Мисс Перри сунула чек в сумку и ушла.

По-своему она недурна, подумал он, только нет в ней милосердия. А потом спросил себя: «Неужели это и есть теперь моя жизнь? Неужели больше ничего не осталось?»

«Да», похоже, было ответом на оба эти вопроса, и он расплакался – от того, как быстро наступила старость.

Потом он снял с холста полотенце и хотел дописать ее лицо, но уже успел его забыть.

Ї ааааа п а і ааааааа Аааа Ї аа ааааа

рану не залечить, – пишет Примо Леви в “Канувших и спасенных”, – время ее не врачует, и фурии, в существование которых мы вынуждены верить <...> делают работу мучителей бессрочной, отказывая мученикам в покое».

Например, Тадеуш Боровский[6], автор рассказа «Пожалуйста в газовую камеру»[7], избежал в 1943–1945 годах газовых камер в Аушвице и Дахау; в Варшаве, в 1951 году, когда ему еще не было тридцати, за три дня до рождения дочери он включил у себя дома газ. Самоубийство. Поэт Пауль Целан[8] – самоубийство. Еще один самоубийца – родившийся в Австрии философ Ганс Майер, ставший впоследствии Жаном Амери (это французская анаграмма его имени), – был в Аушвице одновременно с Примо Леви, однако они так и не встретились. Прежде чем его схватили и депортировали, Амери был в бельгийском Сопротивлении, его мучили в гестапо. После войны Амери и Леви обсуждали пережитое в письмах. Леви ценил Амери, по-видимому, понимал его, но, очевидно, его не любил – поскольку, говорил он, Амери был из тех, кто отвечает ударом на удар. «Здоровенный поляк-уголовник, – рассказывает Леви, – бьет [Амери] за какой-то пустяк по морде; и он – это не животная реакция, а осозанный протест против извращенного лагерного мира – как может дать сдачи». «“На мне не осталось живого места, но я был доволен собой”», – цитирует Леви Амери, но, говоря о себе, Леви признает:

*«Γὸ ἀνὰ τοῦ ἀσπιδίου τὰ ἀσπιδίου» – ὁ ἀεὶ ὕ, ἰατρικὴ ἐπιπέτῃ ἢ καὶ ἰνὶ ἰβ, ἰὰ ἰνὸν οἰαεῖ
ἰεεῖ τὰ; ἰὰ ἰ τὰ ἰεατοῦ; ÷ οἱ ἰεατοῦ ἰὰ τὸν <...> ἐαεῖ ἰ ἰαεῖ ἰαεὶ ἰὰ ἰεα
ἀδαιε, ἀεῖτ ἐ ἀνοῦ ἀνοῦ ἰ ἰαῖ ἰἰεῖ ἀεῖ. Β ἀἰετοῦ ἀἰετοῦ ἰεῖ, ἰ ἰεαεῖ
ἰοῖ ἀετοῦ; ÷ οἱ ἰοῖ ἰετοῦ, εἰοῖ ἰεῖ ἰ ἰεαεῖ ἀεῖτ ἐ ἰεα Ἀδαιε, ἰεαεῖ
[Ἀἰ ἀε] ἰαετοῦ ἰεαεῖ ἐ ἰαεῖ ἰἰεῖ, ÷ οἱ ἰ ἰεα ἰὰ ἰ ἰαεὶ ἰεαεῖ
ἀαῖτ ἐ ἀ αεῖτ, ἀ ἰεῖ ἰ ἰεαεῖ ἰεαεῖ ἀεῖτ. Οἱ, ἐοῖ ἰοῖ ἀνοῦ ἀνοῦ ἰ εδο
ἀσπιδίου ἰὰ ἀσπιδίου, ἰαετοῦ ἀνοῦ ἀνοῦ, ἰ ἰεατοῦ ἰεαεῖ ἰεαεῖ ἀεῖτ
ἰ ἰοῖ ἰ ÷ οἱ ἰ ἰεαεῖτ ἐ ἰ εαετοῦ*

Примечательно, к какому выводу приходит Леви: «Самоубийство Амери – он совершил его в 1978 году в Зальцбурге [то есть за девять лет до того, как Леви бросился в лестничный пролет], – как и прочие самоубийства, порождает целый сонм объяснений, но, если оглянуться, становится понятно, что эпизод драки с поляком предлагает одну-единственную трактовку».

Это замечание – о том, что гневный отпор каким-то образом ведет к саморазрушению, – в свете самоубийства Леви, довольно загадочно, над ним стоит поразмышлять. Пока что будет излишним обратить внимание на то, что Леви – точнее, суровый, величественный голос, звучащий со страниц его книг, – был совершенно лишен злобы, негодования, неистовства – всего, что предполагает ответ ударом на удар. Это был голос, исполненный истинного здравомыслия и проницательности. Леви не хотел выступать ни в роли проповедника, ни в роли жалобщика. Он избегал полемики, менее всего хотел, чтобы его воспринимали как миссионера: «К ним – пророкам, сказителям, прорицателям – я отношусь с недоверием. И таковым не являюсь». Взамен он выбрал роль особого свидетеля – особого, поскольку ему была «дарована привилегия» выжить, исполняя роль лабораторного раба – немцам было выгоднее, по крайней мере на тот момент, использовать его как химика, а не уничтожить незамедлительно как еврея; и, с нашей точки зрения, он был таковым, поскольку умел ясно и беспристрастно излагать свои мысли. Без беспристрастности невозможно отринуть потоки эмоций, отказаться от проповеди, от достигаемого через гнев катарсиса – все это так и рвется наружу, когда описываешь беспрецедентную гнусность преступников и их преступлений. Леви не обвинял, не негодовал, не требовал, не поносил, не сетовал, не рыдал. Он только описывал

– подробно, аналитически, четко. Он был Дарвином лагерей смерти – не Вергилием немецкого ада, а его научным исследователем.

Леви и сам признавал, что намеренно соблюдал эту отстраненность.

Çàlèi àyññ ñàtèi òàì àñtì, – ññàùàò ïí á «Èáíóàèõ è ññàññíóò», – ý ïðèíáðñè ïðèàñ:éú èíòíðñ ï íæíí ïóáíèàòó ïí-ðàçíí ó ï íæíí ñ:áñóó ÷àéíà:áñtè è íá:áéíà:áñtè, – ïðèàñ:éú íèèíà à íñòàààòóñý ààðàçè:íúì è òàì èíàèèàòó àì, ñ èíòíðàì è ññàèò ï àíý ññàññà. Àññ ïtè íá òíèùtì èðàè, ïí è «íáðàçóó» á çàíá:àòáííó èííààòáð, è èò íáñí ïíðññàèèòó ïðàíàèèçèðíàòó, àçáñòóú Àðàèò ïðàññààèè ïíá áíàòðñ, ðàçííáðàçíð è íáíáñ:íðñ èíèèèèèèèè ïáðàçóíá ññàè èíòíðñ àíèè àðàçý, èðàè íáèòðàèèííá è àðàè, ïí á èðáñí ñèò:àà ýòí àíèà íèùà àçý ï íáè ïóðèèàtè ïáòòòú, èíòíðñ ïáéíòíðà – èàè òíàà, òàè è ñtè:áñ – ññ:èè ïòñòðáíáííè... Æ ïññè àð, ÷òí ýòí ïòíñèáíèá «áñòáñòáíèññ ïóàòàçý» áíçíèèàò ïá òíèùtì èèè ïáì òàì áííí àñtèàñòàèà çàíýòèè òèì èàè. ïí àì íáì ñèò:àà ýòí àíèt èì áííí òàè.

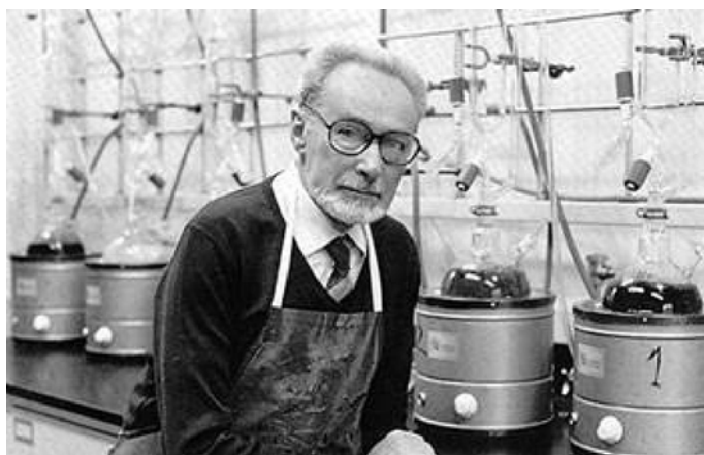
Примо Леви со своим другом и сотрудником Альберто Сальмони.

1947 год

Что бы ни лежало в основе этого «естественнонаучного» подхода – в химии или, как полагали некоторые, в просветленной и гуманной сдержанности, он поражал и привлекал внимание читателей и критиков. Ирвинг Хоу[9] говорит о «тихом достоинстве» и «чистоте духа» Леви, Джеймс Этлас[10] – о его «непоколебимом самообладании». Рита Леви-Монтальчини, лауреат Нобелевской премии по медицине 1986 года, тоже жительница Турина, в заключении к своей книге воспоминаний «Хвала несовершенству»[11] пишет об «отстраненности и отсутствии ненависти» у Леви. «Ты, – обращается она к Леви, – пройдя жесточайшие испытания, остался человеком с гордо поднятой головой и чистой душой».

Как человек настолько ясный, настолько незамутненный, не склонный к полемике (точнее говоря, антиполемичный) – как чистая вода – он дал вместе с тем послабление, отсрочку тем, кто надеется избежать обвинений в хрониках Леви. Писательница Джоанна Каплан[12] так это описывает: «Неужели об этом? Неужели опять об этом? <...> Потому что теперь, после стольких мощных, исполненных муки романов <...> после всех документальных свидетельств, от которых стынет кровь в жилах, строгих, западающих в память исторических работ, мучительно тяжелых кинофильмов – ужасающих кадров кинохроники <...> после всех необходимых кошмарных списков тех, кто не своей волей стал мучеником, теперь наш отклик на беспрецедентные зверства нашего времени стал хоть чуточку более ответственным». Желание отодвинуть от себя все это свойственно всем нам, и все же мы – некоторые из нас – пробираемся по этим трясинам: документы, фильмы, фотографии, разговоры, рассказы, конференции – год за

годом мы впитываем в себя все это, возможно, потому, что считаем это своим долгом, возможно, потому, что нас обуревают гнев, но, вероятнее всего, потому, что мы испытываем сострадание и не можем позволить, чтобы страдание стало достоянием прошлого, то есть времени, за которое мы не отвечаем. Мы упорно продолжаем душераздирающую работу – вживаемся в картины зверств, потому что в приступе уже беспомощной, запоздалой жажды справедливости хотим нести ответственность за убитых. Одним словом, это чувство вины: нас в той или иной форме терзает совесть. Либо, будучи евреями, мы не были с теми, кто стал жертвами вместо нас, либо, будучи христианами, мы были как раз там – получили одно воспитание с преступниками, у нас с ними общее религиозное наследие. Виновны в отсутствии, виновны в присутствии. Вина еврейская, вина христианская, английская. Французская, итальянская, хорватская, украинская, американская вина. Вина немцев, чей патриотизм породил преступников. Вина ирландцев и шведов, спрятавшихся за нейтралитетом. Вина за рвение, вина за бездействие.

Примо Леви в химической лаборатории. Фото Бернарда Готфрида.

1985 год

Все это Леви как естествоиспытатель обходит стороной. Он словно бы не имеет к этому никакого отношения. Он не приветствует обобщенного страдания. Его целью было в принципе поставить барьер перед любым проявлением понимаемого как долг фанатизма – с любой стороны. В книге за книгой он избегал страстных обвинений. Прежде всего Леви старается не стирать грани между жертвой и мучителем. Он настороженно относится к тем, кто склонен расчувствоваться, любоваться собой, строить гипотезы: «Не знаю, – пишет он, – да мне и не особенно интересно знать, где в глубинах моей души притаился убийца, но я знаю, что был невинной жертвой, а не убийцей <...> путать [убийц] с их жертвами – свидетельство либо нравственной неполноценности, либо эстетской претенциозности, либо зловещее свидетельство соучастия». Он тщательно, почти дотошно описывает и систематизирует: у преступлений и преступников есть среда, есть названия. Возможно, по этой – не единственной – причине можно читать Леви с душевной болью (да и можно ли иначе?), но без чувства вины. Дело не в том, что Леви прощает вину – он скорее обходит стороной вопрос о прощении, вопрос, который всегда был важнейшим для таких решительно противоположных людей, как, скажем, Эли Визель[13] и Рауль Хильберг[14]. В частности, исследования Хильберга, строго построенные на фактах, доказали, что «сторонних наблюдателей» в нацистской Германии не было. Леви посвятил себя не столько исследованиям социальной истории и психологической мотивации, сколько изучал под микроскопом четко очерченное поле обзора. Он не изучает общество как организм, как это делает Хильберг, и в то же время

для него страдание – не метафора, как для Визеля с его символическими скорбящими безумцами.

Для многих читателей преимущество Леви – смею ли я выразиться так – в удивительном миролюбии, которое было следствием его знаменитой «отстраненности». Леви вовсе не миролюбивый свидетель, но поскольку он не донимал, не разглагольствовал, не драматизировал, не поэтизировал, не грозил, не вопил, не политизировал (последнее – разве что самую малость), поскольку он ограничился тем, что наблюдал, описывал, при этом сдерживаясь, возникает опасность воспринимать его ошибочно. Хоть его однажды высказанный призыв «Прошу читателя не искать здесь никакого послания» ни к чему не привел, тем не менее озадачивает, что из всех разнообразных уроков, какие можно было извлечь из прозрений Леви, усваивают чаще всего наиболее приблизительное и обманчивое, а именно – ощущение духовного подъема. Такое поверхностное высказывание, как на обложке «Канувших и спасенных»: «поразительное празднование жизни <...> доказательство непреклонности человеческого духа и способности человека победить смерть через целенаправленный труд, нравственность и искусство», редко встретишь. Презренное славословие, унижающее каждый абзац текста, который оно якобы призывает прочесть; и если это написано как протест против всех: «Неужели об этом? Неужели опять об этом?», это тем более ничтожно. Празднование жизни? Победа над смертью? Целенаправленный труд? Нравственность? Искусство? Какое бесчувствие, как можно быть столь бесчувственными и малодушными, когда поднята такая тема? В лагерном мире, снова и снова повторяет нам Леви, «труд» был бессмысленным, и это делалось целенаправленно, чтобы усилить муки; нравственность сводилась к тому, чтобы как можно дольше оставаться в живых – любимыми средствами, что же до искусства – его вообще не существовало. Применительно к месту, где убийство было ежедневным делом, «празднование жизни» может быть лишь насмешкой или – если эта фраза имеет в виду то, что Леви выступает свидетелем, – насмешкой вдвойне: поскольку его намерение – чтобы мы сами увидели природу, масштаб и бездонность преступлений немцев.

Однако «празднование жизни», это псевдоутешение, вполне типично для обманчивой – до самообмана – пылкости чувств (или – в лучшем случае – отсутствия негативных чувств), которую обычно вызывает имя Леви. Из всех летописцев Холокоста Леви кажется тем, кто меньше всех тревожит, меньше всех ранит, меньше всех заставляет читателя сопереживать. Научное или объективное отношение, разумеется, предполагает подачу информации, но никак не бурное проявление чувств. Соответственно, в Леви мы получили психологический оксюморон – проводника по аду с безупречными манерами, благопристойно рассказывающего о смертном ужасе. «Амери называл меня “всепрощающим”, – замечает Леви. – Я не вижу в этом ни оскорбления, ни похвалы, но вижу неточность. Я не склонен прощать, я не простил наших врагов того времени <...> потому что понимаю – никакой человеческий поступок не смает преступления; я требую справедливости, но лично я не способен, – здесь он снова настойчиво отказывается, – ответить ударом на удар». Но все равно (Леви счел бы это утверждение несостоятельным) Леви воспринимается многими, может быть, и не вполне «всепрощающим», но выжившим, чьи книги, учитывая их тематику, воспринимать легче других; создается впечатление (что видно и из текстов самого Леви), что в Германии его читают с большей охотой, чем прочих. В его книгах, как отметила одна его соотечественница, «отсутствует ненависть».

До сих пор так и казалось. «Канувшие и спасенные» открывают нечто иное. Это как извержение вулкана – настолько это неожиданно. Однако «извержение», во всяком случае с точки зрения Леви, неверное слово: сотрясение – штука внезапная. В «Канувших

и спасенных» перемена тона поначалу приглушенная, едва заметная. Постепенно рокот набирает силу и звучит во всю мощь – слышно, как шипит раскаленный фитиль, к последней главе напор становится столь мощным, гнев столь безмерным, что уже нет никакой «отстраненности» – есть конвульсии. То, чему так долго не давали воли, взрывается на этих страницах. «Канувшие и спасенные» написаны человеком, который отвечает на удары со всей яростной мощью, отлично понимая, что перо могущественнее кулака. Конвульсии гнева меняют природу прозы и, если судить об этом по самоубийству Леви, – самого человека. Примечательно, что никто не сказал про последнее свидетельство Леви, что оно пропитано смертоносной злобой, – так, словно сорвать с него покров духовной чистоты было бы слишком жестоко. Может, и жестоко, но Леви своей рукой срывает покров и поджигает фитиль.

Фитиль он поджигает почти сразу – в предисловии. «Никто никогда не сможет с точностью сказать, сколько человек в нацистском аппарате не могли не знать о том, какие зверства происходят, сколько знали, но их положение позволяло им делать вид, что они не знают, и, наконец, сколько знали, но из предусмотрительности закрывали глаза и уши (а прежде всего рты). Это – предвестие, обвинение последует: Леви осуждает немецкий народ, чем, видимо, и объясняется то, что он не избегает употреблять прилагательное «немецкий», хотя сейчас принято говорить «нацистский», поскольку это более узкое понятие. В предисловии есть и одна самая страшная фраза из всех высказанных о том, что называется «возмещением ущерба», «изменением отношений», «новым поколением» и так далее: «Печи крематориев были спроектированы, изготовлены, собраны и испытаны немецкой компанией “Топф оф Висбаден” (в 1975 году она все еще действовала, строила крематории для нужд населения и не считала нужным сменить название)». И не считала нужным сменить название – то же самое можно сказать о компании «Крупп», печально известной и тем, что использовала рабский труд заключенных, и о ее самом знаменитом детище, о «народном автомобиле» Гитлера, вездесущем «фольксвагене», за руль которого уселась, не мудрствуя, половина планеты. (Кстати, немудреная ирония есть и в том, что Леви или его замечательный переводчик должны были применить слова «для нужд населения» – имея в виду, вероятно, нечто противоположное официальной политике государства – то есть обычные похороны путем кремации. Но разве не «население» уничтожали в лагерях?)

Когда Леви начинает говорить о стыде, он тем не менее подразумевает не отсутствие стыда у немцев, хотя и обвиняет «большинство немцев» в «соучастии и попустительстве» перед тем и после того, как гитлеризм набрал силу, речь скорее о том, что утратили стыд узники лагерей, лишённые остатков цивилизованности, доведенные до скотского состояния. В лагерном «anus mundi»^[15], где «от рассвета до заката царили голод, усталость, холод и страх», в «клоаке немецкого мироздания» не было места взаимодействию: каждый должен был выживать, полагаясь только на себя, заботиться лишь о себе самом. Стыд вернулся, когда вернули свободу, тогда и оглянулись на прошлое. В «серой зоне» лагерного гнета жертвы сотрудничали с мучителями – те заражали их своим садизмом. Приезд в Аушвиц означал «тычки и удары с самого начала, часто по лицу; шквал приказов – отдаваемых криком, с неподдельной или напускной злобой; полная нагота – всю одежду срывают; сбрасывают все волосы на теле; одевают в лохмотья», и некоторые из этих процедур проводили такие же заключенные, к этому приставленные. Снова и снова Леви подчеркивает, что все человеческие черты стираются: стыдливость узников поругана, они вынуждены испражняться на людях, их мучают с дьявольской жестокостью, они дезориентированы, подавлены. Он описывает, как непререкаема была власть «мелких сатрапов» – обычных преступников, ставших капо^[16], мерзких Bettnahzieher^[17], единственной задачей которых было проверять, ровно ли лежат на нарах соломенные тюфяки, – они имели право «прилюдно и жестоко» наказывать

провинившихся; надсмотрщики, надзиравшие за заключенными, выполнявшими ненужную работу; «спецкоманды», обслуживавшие крематории, – туда шли, чтобы прожить на несколько недель дольше, потом на смену им приходили новые, а предыдущих отправляли в печь. Эти спецкоманды, объясняет Леви, «в основном состояли из евреев. В этом в некотором смысле нет ничего удивительного, поскольку основной задачей лагеря было уничтожение евреев, а начиная с 1943 года 90–95 процентов заключенных Аушвица были евреями». (Здесь я отвлекусь, чтобы напомнить читателю о выборе Уильяма Стайрона[18] в «Выборе Софи», где нам представлена в качестве символа политики геноцида в лагерях жертва, еврейкой не являющаяся[19]). «С другой стороны, – продолжает Леви, – ошеломляет такой сплав вероломства и ненависти: евреев в печи должны отправлять евреи; нужно показать, что евреи – недораса, недочеловеки, они терпят любое унижение – даже уничтожают таких же, как они». Леви признает: по той простой причине, что он остался жив, он никогда не мог «постичь тайну [лагеря] во всей ее глубине». Другие, «канувшие», считает он, те, кто прошел муки до конца, до уничтожения, – только они познали всю полноту этого вероломства и ненависти.

Размышления Леви оказываются достаточно глубоки. В «Канувших и спасенных» не столько описывается то, чему он был свидетелем, сколько анализируются самые подлые уголки сознания преступников – научный ум неминуемо стремится добраться до сути и последствий нравственной деградации и жестокости. Леви не первым отметил, что «там, где насилию подвергается человек, насилию подвергается и язык», хотя он, возможно, был одним из первых, кто сообщил нам о решающей – от жизни к смерти – роли языка в лагере. Попросту не понимать немецкого означало умереть тут же: полицейскую дубинку называли *der Dolmetscher*[20], «толмач», – она заставляла всех себя понимать. Леви немного изучал немецкий в университете, когда учился на химика. В Аушвице он учил его дальше – гротескно искаженные варваризмы, которыми он нарочно пользовался годы спустя, «по той же причине, по какой я не свел татуировку с левой руки». Что же до самой татуировки – «автохтонное изобретение Аушвица», «оскорбление в чистом виде, без какой-либо причины», «возвращение к варварству» – Леви, не будучи религиозным евреем, не упускает случая отметить, что в книге «Левит», глава 19, стих 28[21], нанесение татуировок запрещено «именно для того, чтобы отличать евреев от варваров». По прибытии в Аушвиц, отмечает он, татуировки делали даже новорожденным.

Все эти и далеко не только эти факты Леви собрал под леденящим кровью заголовком «Бессмысленное насилие», он определяет его как «умышленное мучительство, как самоцель». Зачем было останавливать вагон с евреями на австрийской станции, где под гогот охранников «пассажиры-немцы, не скрывая отвращения», глядели, как «мужчины и женщины усаживались на корточки где попало – на платформах, на путях»? Зачем было забирать стариков на пороге смерти из домов престарелых и отправлять в Аушвиц, в газовые камеры? Или заставлять взрослых людей по-собачьи лакать суп из мисок, потому что ложек (которых в Аушвице были десятки тысяч) им не давали? Или посыпать пеплом из крематориев дорожки к поселку эсэсовцев, управлявших лагерем? Или продавать человеческие волосы немецким текстильным фабрикам – на набивку матрацев? Или запирали людей в кессонных камерах, «чтобы определить, на какой высоте над уровнем моря кровь начинает закипать: эти данные можно получить в любой лаборатории с минимальными затратами и без жертв или же просто взять из таблиц»?

Это всего несколько примеров из размышлений Леви о зверствах немцев – некоторые хорошо известны, некоторые – нет. Недавние теологические рассуждения кардинала Джона О'Коннора[22], приведшие его к выводу, что мучения в Аушвице – это дар евреям миру, бесспорны как католическая доктрина об искупительной природе

страдания; однако пусть это соображение и подразумевало, что жертвам дарована благодать, мне кажется совершенно невозможным для истинного христианина, даже для Ангела Г-сподня, говорить одновременно об искуплении и об Аушвице. Даже если в этом есть искупление, это не может быть Аушвиц, а если это Аушвиц, то это прежде всего место нечестивое, вот в чем нас с удивительной силой убеждает Леви. Надо правильно понимать Примо Леви. Если, чтобы сохранить гордость и чистоту духа, нужно во имя той или иной высокой идеи сдерживать гнев – в том числе и отказываться от ненависти к тем, кто строил крематории, – тогда Примо Леви запятнал себя, равно как и любой, кто не желает ради высшей идеи отказываться от нравственных принципов.

Железная дорога, ведущая к главным воротам Освенцима

На самом деле он не отказывался от нравственных принципов. Он не «прощающий» (только человек с нечистой душой позволит себе такое – перед лицом погибших), и он не призывает отказываться, как считают многие, от ненависти к тем, кто замыслил эти зверства, и к их последователям. Он, по его утверждению, ученый и логик: нигде в текстах Леви вы не найдете призывов «ненавидеть грех, а не грешников». Он не приверженец абсурда и сюрреализма – они ему чужды. Напротив, для него важнейшая тема – тема ответственности: «Настоящее преступление, коллективное, главное преступление чуть не всех немцев в том, что у них не хватило смелости говорить о том, что происходит». Вот почему и думаешь о тех бесчувственных немцах, которые с отвращением зажимали нос, когда из товарных вагонов, проехавших многие километры по безлюдью, на станции выгоняли потерявших человеческий облик узников и с цинизмом и издевкой заставляли их «облегчаться». В последней главе под названием «Письма от немцев» Леви цитирует человека, умолявшего его «помнить тех бесчисленных немцев, которые страдали и умирали в борьбе со злом». Это письмо, как и многие другие, взбесило Леви. Он презирает желающих простить, лжецов, «якобы кающихся». Он вспоминает, какие чувства испытал, когда узнал, что «Выживших в Аушвице» издадут в Германии:

Àà, ý íàíèñàé èíèáñ íà èðàèýííèè è àèý èðàèýííòáá, àèý í íèð ààðàé, àèý òáá, èòí íà çíàé, àèý òáá, èòí íà òíðàé çíàòü, àèý òáá, èòí òíáñà àóà íà òíàéèñý, àèý òáá, èòí íí ñàíáé àíèá èèè í òíðàé àíèè ààé ñàáàñíá íà èçíààðàèýííòáá; íí íà ñàí íí ààéà í íý èíèññ íàááááà, íàòàéáà, èàé í èíòíèáò, íà íèð, íà íàí òáá. È í èíòíèáò ý çàðýàéé... В òíðàé çàññ àóü èð á àññ, ññýçàòü è ííòáàèòü í àááá çàðàèñí ... Íà èó-èó àññ èñííòáàéá í òó í ðàíòòííèèá, à èð, íàñ-ííò èðááé, òáá, èíá àèááé àíèòáá òáá, èç èíá í àèðàéè í òðýàñ ÑÑ, è àðàáò - òáá, èòí ííàððé, èòí íà ííàððé, íí í íè-àé, ò èíá íà òáá èèí òðààòííò è ààéà í íñ í òðàòü íàí á àáçà, èèíòü èññ è òèáá, òáí í òóü-àéíá-àíèá ñèíá.

Он цитирует «Майн Кампф», напоминает своим «вежливым и воспитанным собеседникам, представителям того народа, который уничтожил мой народ», о свободных выборах, которые привели Гитлера к власти, о Kristallnacht^[23], он напоминает, что «в СС

записывались добровольно», что главы немецких семейств имели право, подав прошение, получать со складов Аушвица детскую и взрослую одежду и обувь. «Почему никто из них не задался вопросом, откуда столько детской обуви?» Заканчивает Леви j'accuse[24] в адрес «подавляющего большинства немцев, которые привели его к власти – по душевной лени, недалёковидности, глупости, из национальной гордости, поверив “красивым словам” ефрейтора Гитлера».

«Канувшие и спасенные» – книга, в которой Примо Леви наверстывает упущенное за десятилетия воздержания. Эта книга, в которой на удары отвечает горящее перо. В этих пылающих главах автор наконец дает волю гневу, но это не лишает их точности – он смотрит на все сквозь научную призму правды, но голос Леви в его последней законченной книге совсем другой, он позволяет себе то, от чего его предшественники воздерживались, – библейское надрывное «голос крови брата твоего вопиет [ко Мне] от земли»[25]. Нет, Леви не привел эту фразу, но он наконец выпустил наружу пронизывавшую ее ярость.

А как же все предшествующие книги? Как же их светлое спокойствие, отсутствие ненависти, непререкаемое дружелюбие, невозмутимая отстраненность? Читатели истолковывали манеру Леви верно, по крайней мере до сих пор. От «Канувших и спасенных» остается впечатление, что Леви сорок лет сдерживался, упорно следуя возвышенной *idée fixe*[26], вплоть до самообмана: он исходил из представления о том, как должен вести себя цивилизованный человек, подготовивший отчет о зверствах. В результате весь мир решил: человек победил в себе стремление ответить ударом на удар. Этот человек не даст сдачи. Светлый, чистый дух. Сосуд с чистой водой.

Я уже говорила о тлеющем запале, приглушенности, нарастании непереносимого давления. «Фурии <...> делают работу мучителей бессрочной, отказывая мученикам в покое». Но все это было глубоко скрыто. Затем он покончил с собой. Теперь посмотрите, какая получается картина. В сосуд с чистой – спокойной, неотравленной – водой бросают непривычный элемент – крошку калия, скажем, щелочной металл, который вступает с водой в такую бурную реакцию, что выделяющийся при этом водород тут же взрывается. Только что был кувшин с прозрачной, незамутненной жидкостью. И вдруг – катаклизм, саморазрушение.

Непривычным элементом для Леви оказался гнев. «Самоубийство, – размышляет он в “Канувших и спасенных”, книге, которую можно назвать самой горькой из предсмертных записок, – поступок человека, а не животного. Это продуманный поступок, выбор не по инстинкту, вопреки природе». В лагерях, где людей заставляли становиться животными, почти не случалось самоубийств. Амери, Боровский, Целан и, наконец, Леви покончили с собой только спустя какое-то время после того, как их освободили. Леви ждал более сорока лет: он стал самоубийцей только после того, как дал волю страсти и ответил ударом на удар. Если он был прав, говоря, что ключ к пониманию самоубийства Амери в том, что тот хотел отвечать ударом на удар, то, следовательно, он объяснил нам и свое самоубийство.

Теперь мы знаем то, чего не знали до «Канувших и спасенных»: в глубине души Леви не мог поверить в то, что он сосуд с чистой водой, что он может невозмутимо стоять в стороне. Это было не отстраненностью. Это в нем дремало, выжидало и до времени бездействовало. Он всегда осознавал, что калий – вот он, под рукой. Меня глубоко печалит, что он приравнял гнев – гнев, взывающий к милосердию, – к саморазрушению. Эта формула неверна. Мне кажется, не было бы ни ошибки, ни неверных толкований, если

бы все книги Леви о немецком аде были бы столь же яростными и разящими, как последняя, самая замечательная из них.

[\[1\]](#) *Комплекс немецких концлагерей Аушвиц-Биркенау находился в 1940–1945 годах около польского города Освенцим. В советских и российских справочных изданиях и СМИ преимущественно используется польское название (Освенцим), но употребительно и более точное немецкое (Аушвиц).*

[\[2\]](#) *Итальянское название – «Lilit e altri racconti» (1978).*

[\[3\]](#) *П. Леви, «Канувшие и спасенные». Пер. с итал. Е.Б. Дмитриевой.*

[\[4\]](#) *Сэмюэль Т. Кольридж, «Сказание о старом мореходе», пер. В. Левика.*

[\[5\]](#) *Итальянское название – «Se questo e` un uoto».*

[\[6\]](#) *Тадеуш Боровский (1922–1951) – польский писатель.*

[\[7\]](#) *Рассказ входит в сборник «Прощание с Марией».*

[\[8\]](#) *Пауль Целан (1920–1970) – поэт и переводчик.*

[\[9\]](#) *Ирвинг Хоу (1920–1993) – американский критик.*

[\[10\]](#) *Джеймс Этлас (р. 1949) – американский критик, редактор, издатель.*

[\[11\]](#) *Книга Риты Леви-Монтальчини (р. 1909) «Elogio dell'imperfezione» («Хвала несовершенству») вышла в 1987 году.*

[\[12\]](#) *Джоанна Каплан (р. 1942) – американская писательница.*

[\[13\]](#) *Эли Визель (р. 1928) – писатель и журналист. Был узником Аушвица, в настоящее время живет в США.*

[\[14\]](#) *Рауль Хильберг (1926–2007) – американский историк, историограф Холокоста.*

[\[15\]](#) *Apus mundi – задница мира (лат.) Выражение впервые употребил Гейнц Тило, врач аушвицкого гарнизона СС.*

[\[16\]](#) *Капо – привилегированный заключенный в концлагерях Третьего рейха, работавший на администрацию.*

[\[17\]](#) *Bettnahmezieher – дословно: заправляющий кровать (нем.). Так называли лиц из числа заключенных, следивших по распоряжению администрации лагеря за порядком в бараках.*

[\[18\]](#) *Уильям Стайрон (1925–2006) – американский писатель.*

[\[19\]](#) *Не истолкуйте это замечание превратно. Дело не в том, что евреи страдали в лагерях больше, чем все прочие, и не в том, что жертв-евреев было больше; в оценке страданий иерархии нет места. И было бы чудовищно предлагать такой подход. Все жертвы Аушвица страдали в абсолютно равной степени, и страдания одной группы жертв или одного индивидуума ничуть не страшнее, чем страдания какой-то другой группы или индивидуума. Но обратите внимание: например, католическая Польша (язык, культура, страна) продолжает существовать, а европейская общность евреев (язык, культура, общественные институты) была уничтожена, и для истории евреев в этом – другое и еще более ужасное главное значение Аушвица. Это, по сути, и есть то, что отличает Холокост от множества других крупномасштабных карательных операций нацистского периода. – Прим. автора.*

[\[20\]](#) *Dolmetscher – переводчик, толмач (нем.).*

[\[21\]](#) *«Ради умершего не делайте нарезов на теле вашем и не накалывайте на себе письмен».*

[\[22\]](#) *Джон О'Коннор (1920–2000) был архиепископом римско-католической епархии Нью-Йорка.*

[\[23\]](#) *Kristallnacht – Хрустальная ночь (нем.). Ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, во время которой по всей Германии прошли еврейские погромы.*

[\[24\]](#) *J'accuse – я обвиняю (фр.). Так Эмиль Золя назвал свое письмо (1898) президенту Французской Республики в защиту Дрейфуса, где возмущался развернутой против него антисемитской кампанией.*

[\[25\]](#) *Берешит, 4:10.*

[\[26\]](#) *Idée fixe – навязчивая идея (фр.).*

ABEUNEEE

*Atēuōph -aŋōū1980-ō - à èi aīīī ōīāā i aīy īā-āēē «īā-āō-āōū» - y īōīāīēāēē n-ēō-āōū
īāy dūīēēē ēēō-āō-ōīōī. Īāū īōōy īā dāīāīēē, ā ēīōīōū, ēāē īāē-āī īīīēī āp, m dāāāēēāī
īōē-aŋōīīnōū īīy ē īāōīāō nōāāēāī īīā īīīāīēā Ē ōīēūēī ēīāā īīē āōōā īīyō Āāāīēē
Āēāēāāīēēē, īīīōīēē īōēīāōū nōēōē āēy āīōīēīāē «Ē ōūīy-āēāōēp ēōāīāīēy Dūīē», īīyāēēēīī ō
ī aīy mī īāīēy ā ōī āŋōīīnōē īōēīnōīnōāēy ā ōāēīī īāāāīyēā çāī ā-āō-āēūīī ēçāīēē, ā çāīāī ē ā
dūīēēē ēēō-āō-ōōā ā ōāēīī.*

*Çāīāī īōīāēāī ō īāī īīīdāāēāīēy ōāēīīī dāēōōū ōīēūēī ā Ēāōīāēēī ā Nēāōpūēī
īāōāçīī : ēçāēēūīēāy ēēō-āō-ōōā īā dūīēēī yçīēā*

*Īāāāpīī, īōāāō-āāyāī ūā ōāēīōū, ā ōīī -ēīēā ē īāīēīāīīūā āī īōēāçāā ā Yōāō-Ēīnāyēū
īā nēēūī ōīōī ēēōīāēā yōīē īōīōēāīdā-āō.*

Речумамус

*Nēāīçīāāī āīā, īōīīō dāīīōāā ē īōē-ēōāīēy
ī ū āōāāī, m āāāāyīīī āīōīāē īāī īē ē ōēī āāī ē
ē m ōūāy ōēī āāī ē yōēī ē īōēāīōīāī ūā āāāēū,
īōīāāēyīīī ōīōī-ēō īāōīāīāīōīōī-āīōāī ē īīnōāīē-āīōāīī.*

*Īīnōāīēēē īōē īāī āīāō ē īōē īāī āīāō,
ōīōāīōū īāīōūīūī ē āōāēēāī ē ē āūōēāī ē īāīāū-īīē ōīōī ū,
āāā-āāō-āēē āīy-āīēēō - īī çā-āī -ōī ē īāēçā-ēī ūō - āīēāçīāē,
-āīōīēpāēāīā ē -āēīāēīēpāēāīā ēīçūū īōīōūāīūy.*

*Nīōōāīy y īō īīēāçā īōōēīōēā ā ōōāīōīī āōēēīīnōē ōōāī ū
ē ōōī ēōy īīāīā - dēāāīā ē ōōī ūā
īōēī ēōy āīāōī m çēīī ē īāī dāāō n ēīōēīīē,
dāīāīēyāī çāēāōīūā āōīī ū, īī āīēāī - īāīē āōē.*

*Nīāāō-ēēē īōē ōāōāīīāō, ēāīāōyō, āīāāōī āōīōāō ē ōāēēōāō,
māāō-ēēē īōē ōīāāīūōāō, ēēīēīēūī āō, m āōōāēāō ē ēāīēīūō,
ēī īōāīāōēī ē ī āīāāēāāū īī īāāīōīōīīū āāōōēāā,
ī ū mīōāāī ā ēīīnōōāō, ēīōīōūāīāī ē dāçāīāēī.*

*Āā.. Ōāēēāī ū dāēēīīāōū ē āōāī āōōōā,
īāāīā-ēēē n-ōāēō yçūēīā īā -ōāēā
ī-āāēāōū ē m dāōīēēē ī-āōāīīīā īāīāçīāāī īā āīāā
Ē āēāçā ōīāāīōy-ē īā ōūīy-ē ēāō āīāāī*

1982

Nīīāō

Pōēp Āēīāāōōāō

Ēīīīāōōēāīūē ōūēāō.
Ēāōāēū Çāēāēā Āāçīāīōāī ōū...
Āīō āāī, çāōōāōīēāyī ēāāīōū,
āōēçīīōū nēāōpūēēō ēāō.

Īōīēpōīy āāī īīēēōīōīāāō,
ēōēūōīōīā ē īōī-ēā ōāēāīōū.
Yōī āāī ēōāī ēāīēēā ēōāīōū
īōāēāpō īēāī āīīūē īōēāāō.

*Āāā īīē, Āāāāī, Ēīīē ē Bēīā
ī āīāōōāēē-īāāīāēīīēāīī ōīā?
Īāōōōēē. Ēāē īā āūēī m āāīī.
Īō Īāāīī-ī āī ū āī Ōāēēāī ōīā
ēçī āīāō āēāīī āīīīēēō çīāēīā -*

òíēūēī áóéāà «E» è áóéāà «I».

* * *

B òðàì íá íò ùñéäē. Í ñò ðíþ áñì.
Òðàì ññííáññì ìí ēñì íá òá ðñò ðíþ.
È éóóíþ - ÷ òíáú çà íáí èì ñò íēñì
ì íáē ñé ò èññì éíñá-í é áóáññì áññì ò ðíá

× òíá ññííáññì, ðñò áá íò ì áá ò ù,
ñò ùáá è ì ðí:áá ò óáá-íá ðá ò íí,
áññááē è íá çí áēñì ùá ÷ á ðò ù
íá á çá ðé áēñì, à áññáññì á ðá ò íá á ðá ò á

× òíá, íò ðá ò áññì íò ñēñí ðáē ì è ðí áñé,
íá áññááññé ì áññí áññì ðáē í áē.
B íáááēþ è ð íá ù áþ ò ðááñé
è éáē áññá - íò ááēññì íþ í ðá ò í áē.

Í ðñéáē, è í ùì áñ èì áññáññì
è á ðáññì ò áá, è èññí ðáē í á ò ù,
íñé ì é ù áá ò ì í áá ò í èì í áááññì
Í á ðí è, Ó çááēññò áí à è È áí ááññì.

È ÷ áññì ðé áá ò, è éáē áññé è ç ò ðí è ð
í:íá ò ññì è è ì í é í áē áí í ñì ó ññí é ó
áññì ññí í ááē è áññááē ññí è ð
ì ñò áá ò ì í ááñé áññì í áññí ááē áé ó

Í ñò ðí è ò ññì, íá ò ì ñò ááññì ùé ì áññì
é ðáññì í é ùññì ùé è ñññò á ð ðé ò ì ðé áé ùññì ùé,
à ðí áññí áñé ì í ñé ò áé ùññì ò ðí ññì
è áññé ùññì è áññì áññé áññí é á áóé ááé ùññì ùé.

* * *

Ñò ì í ðááññááññé ð
í áññí ðñé ð
ññé ò áþ ùé ðññì ì í é í é áí è é,
íá áññí ðññì í áññ: è ò áí ù ó ò ù ù á ð áññì í ù í á á ò í áē ñññì,

ì íá çááññááē è íá:áé ùññì íá ó ðá:áññì ù ó é ó ù á ð
è áá ðí ááé è áññááé ùññì ðáññì ò è ì á ðññì.

Áñ ò ì í é é ðáé,
áññí ðññì è é,
à áññí ðááññí è è ááé áññí ðññì è é,
íáññé ááþ ùé è áññé áá ññì, ÷ áññì ì ðé ðí áá ññì í áí è é,
áá ðññì è é ááé áññí í á ñññì í áññò áþ ùé è é,
ì ðé ññì è í áþ ùé è í ðáé í é á ÷ è ñò ùá áá ðññì.

* * *

Ñññì áññì ó Á ðé í áá ðáá

1.

Í í ì í áé ññì è è áááé áññì áññé ò è áññí ó è ò ó áé á çáññì è þ?
Ááé áññí áá ò í ááññì í óþ, í ááññì áññì í óþ ðáññì ðáññì ?

À áúσá í ðí æ è à ðò í í è σá í ã,
í í è σá í ã í è... È í ñò ðá í á ò Á è è,
ñ á è í ð Ì ò CNN è ò à æ á Õá í à..
Í ð í: á ñ í á ÿ ã ð í á à è ñò ðá í ù,
í à è á ð í á è è í ñ è è è á ð í á à è
(á ù í í ÿ è è, ÷ ò í ð á: ù í ò á ñ ò è á è á)
í í à í ð è á í ç è ò á ñ ÿ: á ñ è è Ò È à Ñ è à è.
È à è æ à è ù ÷ ò í á ù è ò ò í æ á í á à è ù à è è.
À ÿ ò Ì ò í è ð ù í í ð í ç í á í è ñ ò á í á..
Í í ÿ ñ è á ç ò ù í á ñ æ ð è á ñ ÿ, è ð í á
ò í á, ÷ ò í á ÿ ò í è ñ è í á: í í è ñò ðá í á
ÿ ò í æ á á ñ ç è è í á í ò á à è ù ù í ù á ù í á
...í à è è è ò Ò á ð í í. À ñ á ù Ò á ð í í,
á á È ð í á í á ñ ò ð æ è á è á ñ í á í è ò ù
è í ð á í ò ò á í á à à è í í í á ñ à è è
í ò á í á ù á í - ò í í á ç í è í ò ù ò á ð á í á,
í ò ñ ð á á á è è è í ù á ò ð á ò ñ ð í è á,
í á ò ð è á á ò è. À ñ ò í è ò è è í í è è ò ù ñ ÿ
ñ ÿ ò ù í ÿ ù í á í í á í á è á í í æ è -
á ù í ð ñ í ò á à è ù ù ù è; í ð í ò è ù á á è á
á á í á ð á ç ñ æ è è è, á á è ÿ ò Ì ò,
ò æ á í ð í ò á à è è, á à è í á ð á ç ñ ÿ ñ è è.
× ò í í è á á ð è - ò í ñ á è, í ò á à è ù ù ù è í á ò í á

...í à è è è ò Ò á ð í í. È è è, á è è á à è ù ù á è,
í á è è è ò Ò á ð í í á í ò á ð í í á ò á ð í í
á æ á á á: á ð í è è í í è í í ò í á í á à à è ù ù è è
è á ð ò í ò è è í ð è è ù í è ò ù è í á è á ð í í,
à ñ á ù ð ÿ á ù á è ñ í á à à è ù ù á è,
è í ð í: è ò á ù. Á á ñ ÿ ò è á á á ñ ò ò í á í á è,
ñ á ð í è è í á í á ð á ò í á - è ñ í í á á í è ç.
Ò ñ í ò í á ç á á, è ð á è á á ç ù í ù è í è á í í è è,
ÿ í ð í: è ò á è: «Í á ò á á í á è ð í á á á í á á».
Ò á í á ð ÿ ò ò í: í ÿ ð: «È ð í á “á è ç”».
Á í ÷ ð á á í ð è á í ð í æ í í á í ð í á í á á ù,
Á á á í í è è è è í ÿ ò ñ ÿ á á ð á í è ð á á,
è ð á à è ò í í è è á ð ò í: è á è í í è í ð á à è -
ñ è í á í ù è, í á ð í: í ù è, ñ ù ð í è í í: á í ù è.
Á á ç è, ò á è á è á, á ù í, ÷ ò í ò æ ÿ á à è
ð á í á ò ð è á í ò à ð á ç ù á ç ù í ò á í í ù è.
Ò á ð í è ñò ðá í á, æ è á ò ñ á ÿ á è ð á à è ò.
Ñ á í á í á á ù á á á í ç ù á ò, í ð è ð í á á
È í á è ç í á ñ í á í á ð á á á à è ò
Á í á ù ÷ á æ á á í á í í á í ò í á á?
À á í ð í: á í, í í ò æ á á æ á í á à è ù ù ù è.
Í í í í á è è í á ò ð á ç á í ð í ò á à è ù ù ù è.

...í à è è è ò Ò á ð í í. Í í ò í è í á è è í
í á ò à è ò æ è ñ è á í, è í á á á ñ è á á ò ù
í ð í ñ á ò ð è á ð ò ò á á á ò - ç á ð ò ù
è ñ ù è è ç á è á á ò á è ù ù ù ò ò í ò æ: è í
è ç á ð í á á Ò á á ð í á, á á á è í á á - ò í
è ñ á Á á à è á ñ ù ù ñ í í è í á è í í è è á ò,
í í á ç á í í è è, í í ò á è æ á è í í ÿ ò,
á ò á ñ á ù è ò: è è è á ð á á è è è ñ ò è í è ÿ í,
ñ á ð í ð í á ð í ò è: ò í æ á è è á è á -
ò ð í ù ò è í ð í: è ò á á ç ò í è è ò á ð ÿ: è ò,
ñ è á í ù ò è, ÷ ò í á ù í á í í á á í í, ç ñ ÿ: è ò
è ð á è è í á è, í è ÿ ñ à è è á í á à è,
í í è è ò á á ñ á - ò à è è í á í ñ í á à è
ñ ò í è è ò ò í í á ñ í è ð í á á Ò á á ð í á
Á í á è æ è á è ÿ í í: ò è í á í ð è í ò æ á á í í í
ñ ò á ò í í ð, è á è í á í ð á à è á ñ í ñ ÿ ç ù í è á í á í

á áðóá, íá áíáíðý áæá í éaðòá

*...Í íò íé ì àøéí íá ò àé áæ è ñèéáí,
íñááí íí ááííé, òí-íáá, á ì áðòá
éíáá ì í-ò è áíáí úá ñéááò ú,
ñéáéí-éè íááò ú è íáóò ú,
ðáñýáóòíý ñóò ðà íá íñò áí íáéáð
í ðè àì óíéðéýð è í ðè áéí ò íáéáð
ááò íááíí úá ñò í ðíáé è ò ú ì áðøðóò ú
áæá íáóò ðí í íñéá í íóí ðí.
Í í ááò, ñéí ðáé, íá óò íéáí úý ì áíðé,
à ò è òí áðááýò áíéáííóí úí «Éí ò í» -
í óíéáé íá íýò ú óí ò ý á íáéí ì èéúíí...
É áí ò, ñí áíéé ñáí áé ñò ðáí í ð áí áíðá
ý áí ò í áé ó íá óé è óó ò ááðíí.*

Πейзаж. Анна Тихо. Фонд Габриэля Шеровера.

Иерусалим

* * *

*Íí-ííñ Áèóèááí à ñò ðáæ.
À æææè ñèàçòüññáè è
ñéíááí è, íá áí áááý á ðáæ
á í áááññí Èáðññèè á*

*ý ñò í ðíæ áðáò ó ññáí á
Íí óíæá í ðááí óé Ááðááí à
Íí - è Ááðð. Íí óíí ó
è áèèòñý ÿò à í æéíáðáí à*

Ñáí áí ó Áðèí ááðð

*Í íeà íá çàì èðèèèñí ù,
íá ðáíí á àèààò ùññ' ííðàæá
Í í Èóáàèñéá òíèí ù,
íí è àéý íáñíáí è òáæá*

*È ýòà íí:ù è ýòà áññí
áéáéáéñéáý - íí è áñéí ù.
Í áñæèò ùññ' è íá ðáçíéò èññí
È íá íáðáí áí è òí èáðò èí ù.*

*Áíò ý. Á áñçíðí íé ì áàòá
áíòáæááð ù è èðááí è.
Áíò íí. Á íñòðíæí íé òáí ííòá
ñí'áø è ò è ñáíáé áðááñé íé ì áí á*

*È ì ù áñòðá:ááí ññ'. Í íé áðáò,
ííñéíéúéó áññéí ì íæáò ñò àò ùññ',
ì áíý ì ðéáò ñò ááíò. Í íé, ðáá
ì ðéáò ñò áí ááò ù è óéñí ááò ùññ'.
Í íñéíéúéó ý áí òðæáí
è, çáíáí, íáñíò òðæáí,
òí íí íá èáçáò íá ðíæíí
è ííæ íá áñíò ááò èç ííæáí.*

*Í ðéáò ñò ááíò. Ááí èáðò,
ííæáéóé, ì íáñ ííæáæá
«Í ðéýòí íé ñò ðáæ è!» - áí áí ðéò,
æáéáý ì íá í ðéýòí íé ñò ðáæ è.
1993*

* * *

*Í áðé Í áçáàèñé ì ñò è. Óáé áðááðé
Í áðí áí íá áñéýí è á áðááá
È èññíé íáí è è áí ðíáàò ù è èé áðé
Ñò ðéýò áñíò òðá íáýáí áè ò ù ò ñí ðááá*

*Í íé íáçáàèñé ì ù é íáðíá íáíýò
Ááçáéíáéñí íé ðááí ñò ùð áí íýò,
È èé, ñéí ðáá ááæá áí ì áéóóáé.
È íáø è :óñí-áñéíáí èáñé,
È áé ýò è íááñáí ùá ì íéí ò èé.
Óááðí áí íá áñáóí àò ù è áðòæáé*

*È áé áíéáí íá ñò è ðááò è þáí òíá,
È òí ðíáíáí íá ðáçý' ááæá
È íéøáò ì íé íáðíá íáíáí ðíò,
À íéýøáò, è òí áñ ííéí áò, èúá æá*

*...Í á òí áúé áí:áð, à óæá ñóò ðá
Í áøéí ù ì ííáñò ùññ' íá ì ðéðíáí
Ááá ì íáí óéþáéí ì ò íáðíáò
Í íðá ì áí áñéú áñíáò ù íá-áñ ðá,
ðáñíéáéò ùññ' è çáéñéò ù íí òíáá*

*Í á òí íá áñíááðíò ááí í ù ò óéáæéíá
Áí òááò á èáò çáíá:áò èááò «Èíááé»
Ááí ù íáçáàèñé ì ñò è øáøéñéíá
Í ò ì ðáááíáí í ù ò ñáíáíé*

Ī īnēāāīīā

...ōēūāāyīīīāīāēī āyēīē ē īōīēēēīāē
 ē āīāēē ē āīp yōō ēēēēō çāī ēō-çāī ēō
 ē īāōāē ēē ē īāēīīēī āēā:-ēē æōōīāē
 ē īāōīīēēē ī āō āōāēāōīīīūē nōōēē yōēō
 ðāçēē:-āy nēīāā īāçīāāy āīēīō āīēīē
 īōāāīōāāçy :-ōī «Nēāā» īāīāō ā :-ōī Ī Ōō «Ēīōīāō»
 yōī yōāē īīīāçāīōīīē īāīāē nōōāīīē
 īāāīēāīōp īāō ā ēāēīē-īēāōūūĒīōāōīāō

yōī yīā ēāīīīīāāē āīōīāē īā Āōō-Ēāōēō
 yōī yīā āīōāē āĀī īīāīōīōēā ēīīy
 ē çāīēāēē āāōō īōīçōāā ā īāāy īōīīōēā
 ē ðāīāōīyōā ēōīāīīā ī īāīāī ī īāī āīy

2006

Ōāīōēā 5766

ĒīīāĀēīyōīēīē

īā īīī īōīōīēā ē īāīōīōīē īī āēæōē āīāīōp
 ē yōīī ōōāōīōāōōōīāēō īōīē ē yōīī ōāēāāōp
 āīā īāāī īā āēāōōūēīīōā īāāū īēīāīīīīyō īī
 æāēōāpō ēēīōūy ē ōāāīōāā nōōāīīāēōīy āīā ðāāīī
 āīōāāō īī īāāīōāāōāōō ōēāā ðēāāāāō çāēāōīūē āēēē
 ē āæāōō ðāīīēē ōāēāōāē :-āōīāāō ðāāīī āāçēēē
 ē āæāāī āāīāy īāēāī ā āā:-āōīēō īīēīā ðāīāē

īī yāā īīī īp ē āōāī āīā :-ōī āūēē āīā ðāāīāē
 ā ēōāp āāāæē yīāōāē āāāīī īāīāēī ēōāæēēī āāī
 ā āæçāō ōāī īāēī īī āīā ðāāīī īā īīōāīīāēēī īāāō
 ē ðūīīēēē īāīāīūē nōēō āāōāīī āīy īō āīāā ðāāīā
 ē āūīēū āīōīāē ē īīīāāē āūēā ī īā īīāīāā īāīā
 īā pāīā pā-pā-āīōīē īī ē çāīāāō īō īāāī ē
 ē āāāēū ī āīy ōīīīēē īīōīē ē Ā-āīāāōyē ēpāū ē

īāīyōūē īīūīp ē çēī īē ē ēāōā īāōāē ēāāēē
 īī yāāī çēīy āīī īē āīī īē āīā īāāōyōīy īāīūēē
 īā pāī-pāī-āīōīē āōīēī ū :-ōī ē īāāō āçīēē āōōīī
 ē çāāīōāāōāāō ēōīī āōīīē ōūū ū īī īāāōēōīy īō:-ēē āīī
 īīē āīī ēōāāy īōēāē īōōā ē āōāōā ē īīīīāē
 ē :-ōī āāāōūī ēīīōā āāīōāā īōāāē īī :-ōōīē ēāāē
 ēāēāy ðāçīēōā īīāīē āīā ī ēīōāēōō nōīēāōēē ōyā
 ēīāāā īō āāēā īā æāōō īīāīāīē īāēūū ā īē āēīīāāā
 ē āīēī āōāāīē āæēō īāçāā īēōāīōīīīōē āāīēy
 ē īāēy ēīōī:-āāō yā ē īēā:-āō īīy çāī ēy
 ōā:-āō ē īāāī ē īīēīēī ē :-āī ōīēūēī īāōā:-āō
 īī yōī īī ūāōāīy āī:-ēīī īīī āīā ðāāīī īāā īī:-āō
 ēāē īāāā ē īōyī āē āāēē ē īāāā ēāē āīīōāēē
 ē ōāōīōāā īī āōōīū ē āæāāōē īī īāāōyōīy īāīūēē
 ē āīī çāāīōāī ē īāāāēēī āī īāī ūō ēīōīāē ē ēōīī
 çāōīē āīōīp āōīāēēī çāyōēī ōīēī īī ōāāīī
 ē īāāō āīā īā ōīōāē āīōāōūā āēāēōūē ē āīāīōē
 ē īāāī āīā īīāāēōōōūūāōūīōāōīē ōīōy āūōōē

Īōāēēēāōēp īīāāōīāēē Āīāō Yīīāēū

Agden Eeet

Скандал вокруг учебника истории Вдовина–Барсенкова, затеянный телеведущим Николаем Сванидзе и примкнувшими к нему еврейскими лидерами и чеченскими правозащитниками, был бы смешон, как старый мультфильм, герои которого – кукольные зверюшки – ополчились на козленка за то, что он, практикуясь в арифметике, и «их посчитал». Но все это не смешно, а грустно.

«Непонятно, почему в общем курсе истории России XX века такое большое внимание уделяется подсчетам пропорционального присутствия евреев в различных властных, научных и культурных структурах и институтах, а также разбору сюжетов, связанных с еврейской тематикой. Кроме того, данные подсчеты не соответствуют действительности», – заявил глава Федерации еврейских общин России Александр Борода.

Что касается внимания к подсчетам присутствия евреев в различных властных и культурных структурах, то мне понятно, почему им уделяется место в общем курсе истории России XX века. Они обусловлены ролью евреев в истории России XX века. И прежде всего, ролью евреев в революции 1917 года и приходе к власти в стране партии большевиков, в которой евреи до определенного момента занимали видное положение. Но при этом следует объяснять – такова задача историка, – почему евреи оказались столь страстными революционерами. Тому ведь были причины. Если абсолютное большинство населения страны испытывало гнет экономический, сословный, классовый, то евреи – еще и религиозно-национальный. Государственный антисемитизм толкал евреев на путь борьбы с властью, что и приводило их на командные высоты подпольных организаций, а после захвата власти – в советском правительстве, армии и спецслужбах. Я вполне допускаю, что если бы в Российской империи столь же жестоко обращались бы с представителями иной нации, скажем с марсианами, то среди чекистов была бы велика доля марсиан. Но сложилось так, как сложилось. Гражданская война окончательно лишила евреев какого-либо выбора. Антисемитизм в частях Белой гвардии был настолько силен, что когда делегация евреев – георгиевских кавалеров обратилась к генералу Деникину с просьбой дать им возможность биться с большевиками, командующий ответил: все, что я могу для вас сделать, – это дать надежный конвой, который проводит вас до границы. Использовать евреев для борьбы с коммунистами на фронте генерал не мог, их поубивали бы собственные однополчане. Деникин был порядочным человеком и поступил единственно возможным для порядочного человека способом: дал конвой.

Конечно, деяния большевиков столь ужасны, а последствия для страны столь катастрофичны, что самим евреям крайне неприятно, когда кто-то начинает считать их количество в органах власти и спецслужбах, которые несут ответственность за кровавые преступления. Именно этим, на мой взгляд, диктуется «непонятливость» главы ФЕОР. Несколько лет назад, касаясь участия евреев в русской революции, я задал главному раввину России Берлу Лазару вопрос: «Позор еврейского народа существует?» И получил ответ: «Существует. Такой еврей, как Троцкий, который не исповедовал религию, но получил еврейское воспитание и пошел против него, – это позор. Троцкий, Каменев, Зиновьев, Урицкий и другие, им подобные, – это пример того, до чего может дойти еврей, лишенный веры в Б-га». Однако вернемся к учебнику и его так «возмутившим» часть общества цифрам: «На неоккупированной территории “еврейский вопрос” обострялся из-за явного несоответствия представленности этой национальности в руководящей и

культурной элите, среди эвакуированных и на фронте, на чем особенно успешно играли гитлеровцы. Согласно переписи 1939 года, евреи составляли 1,8% населения СССР, к началу войны их доля увеличилась до 2,5%. По данным на начало декабря 1941 года, евреи составляли 26,9% от всех эвакуированных из районов, которым грозила оккупация гитлеровскими войсками. Среди мобилизованных на фронт евреи составляли 1,4%». Именно эти цифры Николай Сванидзе и его коллеги по Общественной палате расценили «не иначе как провокационные». Но ведь в учебнике есть и другие цифры. Например, на с. 365 приводятся данные о Героях Советского Союза в годы Великой Отечественной войны: всего свыше 11,6 тыс. человек, в том числе 8160 – русских, 2069 – украинцев, 309 – белорусов, 161 татарин, 108 евреев и 96 казахов. Их никто не опровергает, никто ими не возмущается. В учебнике вообще много статистических данных. Есть сведения и о предателях, вступивших в различные формирования, созданные гитлеровцами. Почему не спешите защитить русских и украинцев от нападок профессоров-историков? Почему такие предпочтения исключительно евреям и чеченцам? Кстати, о чеченцах. Они вместе со Сванидзе ополчились на авторов учебника всего за одну фразу: «63% чеченских мужчин, призванных в армию в начале войны, нарушили присягу и стали дезертирами; мобилизацию на территории Чечни пришлось прекратить. Созданные в горах мятежные отряды чеченцев при приближении немецких войск установили с ними связь и вели крупные бои в тылу Красной Армии». Чеченские правозащитники усмотрели тут экстремизм. Но, господа, воевать с профессорами МГУ – это же мелко. Я подскажу вам более крупную «дичь». А попробуйте засудить за экстремизм и ксенофобию официальный сайт ФСБ! Там приводятся гораздо более интересные и красочные истории о роли чеченцев в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны. Там же рассказывается, как главы поселений доказывали агентам Абвера, что никакие они не коммунисты и готовы выполнить любое задание. Цитирую по сайту ФСБ: «Выброшенные на территорию Чечни абвер-группы вошли в контакт с руководителями повстанцев Х. Исраиловым и М. Шериповым, рядом других полевых командиров и приступили к выполнению своей основной задачи – организации восстаний».

И вот такая интересная штука у нас получается. Считать Героев Советского Союза по национальному признаку можно, а предателей нельзя. Впрочем, не всех предателей нельзя считать. Вот говорить о предательстве со стороны русских и украинцев можно. О РОА, об УПА, о Бандере и «бандеровцах» и Власове и «власовцах» – не возбраняется. А вот о кавказцах никак нельзя. Это уже «ксенофобия»...

И уж тем более никак нельзя считать евреев среди деятелей культуры и науки. Нет, считать можно, конечно, когда речь идет о количестве нобелевских лауреатов. Барсенков и Вдовин пишут: «Евреи, как исторически сложившаяся диаспора Европы, издревле занимали прочные позиции в области интеллектуального труда». Нет ли в этих словах антисемитизма? Кажется, нет. А дальше авторы свой тезис подкрепляют данными: «среди ведущих сотрудников Совинформбюро евреев насчитывалось 48%, русских – 39,6%. В 1953 году из 1102 членов московской организации Союза писателей русских было 662 человека (60%), евреев – 329 (29,8%)... аналогичная ситуация была в 1953 году в ленинградской организации и в Союзе писателей Украины». И тут опять возмутительный подсчет пропорционального представительства. Есть некая логическая неувязка в том, что утверждение о прочных позициях в сфере интеллектуального труда раздражения не вызывает, а вот то же самое, но переведенное на язык статистики, как-то коробит и вызывает подозрение в антисемитизме. Авторы учебника говорят вовсе не о нарушениях пропорционального представительства, а о том, что «в такой ситуации любые идеологические баталии и давление на “интеллигентов” со стороны власти представляли как явления, затрагивающие еврейскую национальность». Учебник Вдовина–Барсенкова, конечно, более чем необычный. Традиционно считается, что учебник должен содержать

лишь общепринятые в научной среде и в общественном мнении постулаты. Помню, как на историческом факультете Московского пединститута один из самых ярких наших преподавателей, профессор Кобрин, сетовал на неизбывную скуку исторических монографий и тем более учебников. И в результате все эти тома премногие пылью покрываются в библиотеках, а историю свою люди знают плохо. А не знающие истории обречены переживать ее вновь. Не бывает хорошей или плохой истории. История – не лопата, а наука. И не надо превращать ее в «спутник агитатора», в орудие пропаганды. Тем более утопичных идей «общегражданской нации», каковую пытаются навязать обществу в Общественной палате. Нет, не было и нигде пока не существует таких искусственно созданных наций. Попытки их создать проваливаются неизменно. Национальность – это то, что нельзя выбрать, как нельзя выбрать маму и папу. От этого никуда не деться. И живя в одной стране, большой стране, с разнообразным населением, весьма полезно знать о своих соседях как можно больше. И не бывает плохих вопросов. Бывают плохие ответы. Самый плохой ответ – это попытка повесить на исследователя политические ярлыки: «ксенофоб», «экстремист», «антисемит». А уж попытки решать научные споры политико-административными методами, призывая власти разделаться с оппонентами, напоминают не самые приятные моменты в истории Отечества. Я уже не раз писал, в том числе и на страницах «Лехаима», о том, что наши общественные деятели, рвущиеся бороться с ксенофобией, почему-то уверены, что именно они будут решать, какие книги можно читать, а какие следует запрещать. Но ведь делать это будут не они, а совсем другие ребята. Российские либералы и правозащитники не способны выучить даже новейшую историю последних 15 лет. А может, они страдают провалами в памяти и уже забыли, как совсем недавно, в 1993 году, призывали разгонять оппозиционные красные митинги? Теперь у нас нет ни красных митингов, ни зеленых, даже в защиту лесов и озер. Так вот с книжками и учебниками будет то же самое. Выдавлив зубную пасту из тюбика, снова ее туда не засунешь, и фарш обратно не провернешь. С учебниками и книгами ситуация может повториться. И однажды мы получим учебник не от профессоров МГУ, а просто какой-нибудь «Краткий курс» с фельдфебелем, данным нам в Вольтеры.

Если цифры Вдовина и Барсенкова ошибочны, опровергните их, если вольно или невольно перевраны – приведите доказательства, со ссылкой на документы, на архивы. Разоблачите их, но только в порядке научной полемики, а не уголовных дел и судебных прений. Уважайте историю, уважайте свободу, в том числе и свободу слова. Она далась очень дорогой ценой.

ГЕНИЙ НАШЕГО МЕСТА

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Восемнадцать лет пребывания Юрия Лужкова на посту мэра Москвы – серьезный повод для размышлений, как изменилась наша столица. А изменилась она существенно. Вспоминаю Москву начала перестройки – разруха, грязь, обветшалость... Советское умирало, гигантскому городу, население которого никогда не становилось меньше 9 млн человек, необходимо было новое дыхание. Девять миллионов – это несколько европейских государств, пусть и небольших. Но в Москве к 9 млн собственных жителей всегда прибавлялось 3–4 млн приезжих. А в начале перестройки количество приезжих вообще зашкаливало: тотальный дефицит порождал массовые марш-броски жителей Московской области в стремительно пустеющие столичные магазины. Дефицитным становилось буквально все, включая самую жизнь: я вспоминаю, как мои коллеги по работе приходили с фиолетовыми самодельными печатями-татуировками на запястье – так отмечали стоящих в очереди, чтобы ты не купил сигареты два раза.

Юрий Лужков на Манежной площади во время празднования Хануки. 13 декабря 2009 года

Давайте представим себе огромный город, стремительно теряющий управление, переживающий революцию и наполненный озлобленными гражданами.

Не хочу называть Лужкова «спасителем Москвы», но его появление в качестве мэра было не случайным. В книге Петра Вайля «Гений места» утверждается нехитрая, но точная мысль: любому талантливому человеку необходимо найти свое место, чтобы талант его именно на этом месте проявился полностью. Причем к встрече с этим местом ты можешь готовиться всю жизнь, даже не зная об этом. Но, лишь попав туда, все, что ты делал ранее, соединяется в целое и не просто умножается, а возводится в степень.

Если сжать всю биографию Лужкова до тезисов, то перед нами окажется типичный управленец.

Родился в семье рабочего-плотника. Окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина в 1958 году. Далее: младший научный сотрудник НИИ пластмасс, гендиректор НПО «Нефтехимавтоматики», потом работа в Министерстве химической промышленности.

Там же происходит его первая встреча с Борисом Ельциным, правда ничего особого не предвещающая, если не считать предложения стать первым зампрезидентом Мосгорисполкома. Но дальше все развивалось стремительно: в 1990-м новый председатель Моссовета Гавриил Попов, по рекомендации того же Ельцина, берет Лужкова вначале председателем Мосгорисполкома, а затем, баллотируясь в качестве мэра, приглашает его в команду вице-мэром.

Именно то, что произошло дальше, можно смело назвать определяющим событием, которое и сотворило из Лужкова «гения места».

В июне 1992 года Ельцин берет на вооружение реформы Гайдара и Гавриил Попов понимает, что дальнейшая работа в качестве мэра ему не по силам. Один из активных авторов перестройки, Аркадий Мурашов, который в те годы руководил ГУВД, вспоминает: «У Гавриила Харитоновича была идея, что разгневанный народ будет вешать начальство на столбах».

Итак, Попов уходит, на его место Ельцин назначает Лужкова.

Далее подробно описывать биографию нашего героя нет смысла: все ее этапы проходили на наших глазах и отпечатались в нынешнем облике Москвы.

Хороша или плоха лужковская Москва? Однозначного ответа нет, ибо один житель Москвы ценит трогательные московские дворики, а другой – стеклянные многоэтажные бизнес-центры. И так во всем. И вряд ли найдется в мире хотя бы один мэр, которым довольны все граждане.

Однако, так или иначе, нынешнюю Москву можно смело назвать лужковской. И это определение касается не только внешнего облика, но и тех тонких, тщательно выстроенных отношений, которые принято называть межнациональными.

В России живут граждане более 120 национальностей, и практически все они представлены в Москве.

Полагаю, если кто-то из москвичей может попенять Лужкову за пробки, высотки и памятники Церетели, то за реализацию межнациональной политики мэру уверенно можно ставить пятерку. Я бы сказал, символ этой политики – Поклонная гора. Можно было бы поставить там один общий памятник, посвященный Великой Отечественной войне, но Юрий Лужков идет другим путем – он ставит мечеть, церковь, синагогу.

Мысль и образ понятны: перед нами символы наиболее многочисленных конфессий России. И то, что Поклонная гора стала любимым местом отдыха москвичей, неудивительно: там особая атмосфера – и уму и сердцу.

Перед Юрием Лужковым стояла непростая задача одарить вниманием каждую из конфессий. Конечно, внимание мэра было уделено всем, и еврейская община не была исключением.

У Лужкова оказался хороший «экскурсовод» в еврейском мире – Иосиф Кобзон, но ничего бы не случилось, если бы Лужков сам не был сторонником гармоничного конфессионального и общинного развития.

Внимание к еврейской общине у Лужкова было неброским, но продуктивным. Уместно вспомнить хотя бы пунктирно вехи его участия в еврейской жизни Москвы.

Юрий Лужков регулярно поздравлял общину с еврейскими праздниками.

Он многократно приезжал на Манежную площадь на зажигание ханукальной меноры, добившись через Федеральную службу охраны возможности проведения этой церемонии именно в этом месте.

В 2003 году он поддержал идею главного раввина России Берла Лазара о создании в Москве Еврейского музея.

При Лужкове свою вторую жизнь и великолепие обрела Московская хоральная синагога в Большом Спасоглинищевском переулке, он регулярно встречался с еврейскими лидерами и обсуждал проблемы общины на фоне существующих проявлений фашизма и ксенофобии.

Важным проявлением внимания со стороны города было награждение орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени президента Федерации еврейских общин России Александра Бороды в 2008 году.

Но есть еще один пункт, и он наиболее важен, хотя звучит весьма скромно: «Юрий Лужков на протяжении всех лет работы на посту мэра активно участвовал в жизни еврейской общины». Думаю, все понимают, что именно скрывается за этой фразой: практически в ежедневном режиме решать текущие вопросы, с которыми к нему обращались и большая часть которых требовала незамедлительного решения. Именно на таких вопросах и проверяется мэр. Его телефон должен быть всегда доступен, а решение вопроса должно быть обязательно найдено. Справился ли Лужков с этой задачей? Думаю, ответ очевиден: эти 18 лет для российских конфессий, представленных в Москве, были образцово спокойными для мегаполиса.

Каков же итог?

Что касается Юрия Лужкова, то он, видимо, продолжит свой путь в политике либо в экономике страны – другого не может быть, пенсия не для этого человека.

Что же касается еврейской общины... то она будет надеяться на лучшее. Думается, опыт Лужкова должен быть тщательно изучен его последователями. Межконфессиональная жизнь Москвы слишком сложна и специфична, чтобы мечтать о ее саморегуляции. В межконфессиональных отношениях всегда нужен арбитр, и Юрий Лужков всегда был таким арбитром, а это особое мастерство. Вести в будущее многоконфессиональную столицу – это не только умение поздравлять каждую общину с праздником. Это умение и желание лично, подчеркиваю, лично вникать в проблемы общины для скорейшего их решения.

Лужкова можно любить или ненавидеть, можно быть к нему равнодушным или отчаянно критиковать его деятельность, невозможно только не признать одно: этот город теперь неразрывно связан с его именем. С этим именем неразрывно связана и жизнь еврейской общины Москвы.

ДОБРО И ПРОЩЕНИЕ

אֱלֹהֵינוּ אֵד עֵשׂוֹ: אִתְּעֵב

16–27 января 1942 года в районе Судака в Крыму был высажен десант, задача которого состояла в отвлечении сил противника перед наступлением советских войск со стороны Керчи и Феодосии. Десант выходил из Новороссийска. Высадка осуществлялась с крейсера, двух эсминцев, канонерской лодки и шести катеров; две подводные лодки служили плавучими маяками. Первая группа была высажена с эсминца и сторожевого катера в ночь на 6 января 1942 года в поселке Новый Свет у мыса Чеканный. Однако на следующий день четверть группы попала в плен, и десантники вынуждены были скрываться в горах, поросших можжевельником. Через одиннадцать дней весь десант был уничтожен войсками Манштейна, которые, после того, как перешли в успешное контрнаступление у Феодосии, обрушились на противника, проникшего в их тыл. Погибло более 800 десантников, примерно столько же было захвачено в плен и расстреляно на мысе Алчак, замыкающем Судакскую бухту с востока.

Обручальные кольца казненных узников концентрационного лагеря Маутхаузен.

Австрия. 1945 год

Старушка, с которой я познакомился на автобусной остановке в Морском, помнила, как немцы уничтожали десант, оставленный командованием без подкрепления и связи. Она рассказала, что в те дни стояли сильные морозы и на море бушевал семибалльный шторм. И что потом еще долго в лесу находили трупы советских солдат.

За Новым Светом сейчас заповедник. В нем впервые в жизни я и встретил немцев. Это были два милых парня, аспиранты факультета лесного хозяйства. В заповеднике они проходили практику: егеря делились с ними опытом, как правильно ухаживать за реликтовым можжевельником; возраст некоторых деревьев превышал

тысячелетие. Общались мы с немцами на английском. Иногда кто-то из них затруднялся с каким-нибудь выражением и спрашивал другого на родном языке. В эти моменты, когда звучала немецкая речь, в моем сознании загорался тревожный маячок.

Одного парня – долговязого, носившего тельняшку, – звали Гансом, другого – коренастого, в красно-белой майке футбольного клуба «Бавария», – Ульрихом. Они провели для нас импровизированную экскурсию по заповеднику. Показали удобную тропу, ведущую в Царскую бухту. Рассказали о недавних находках подводных археологов, которые уже две недели стояли лагерем в бухте Разбойничьей. После чего мы спустились в поселок, купили мадеры и вышли на поселковый пляж. Здесь я им рассказал историю судакского десанта, и немцы – уже разгоряченные выпитым – скисли, стали серьезными.

Мне было тогда двадцать пять, и эмоции господствовали над разумом. Я еще ничего не знал об отношении современной Германии ко второй мировой войне. И не знал ничего о том, как советские войска действовали на ее территории в 1945 году. Но если бы и знал, то все равно не смог бы удержаться. Я спросил парней: «Как так получилось, что ваши деды уничтожили столько ни в чем не повинного народа?» Они потупились, и Ганс ответил: «Да, это чудовищное преступление». После этого разговор перешел на какую-то легкую тему.

Самое страшное, что я в своей жизни видел, – это одна фотография. Мальчики четырех-пяти лет на ней показывают фотографу свои руки. Одни еще засучивают рукав, другие уже просовывают руку через колючую проволоку, чтобы фотограф лучше рассмотрел то, что у них вытатуировано на запястьях.

Эта фотография – главный аргумент, на котором основывается мое убеждение, что апокалипсис уже произошел и имя этому эсхатологическому действию – XX век. Мне кажется, степень осмысления этого положения есть залог взрослости будущего.

Не так давно я узнал, что дочь моих близких друзей собирается выйти замуж за своего сокурсника по Калифорнийскому университету в Лос-Анджелесе. Я обрадовался и хотел уже поздравить ее родителей, однако узнал то, что заставило меня не торопиться с поздравлениями. Оказывается, родители невесты – заметим, люди совершенно светские – категорически против этого брака. Единственная причина – национальная принадлежность жениха. Он, видите ли, немец. «Какая чушь», – скажете вы. И я бы сказал то же самое, если бы не знал, что вся семья прабабки невесты сгинула в Бабьем Яру.

Как же быть в этом случае? С каким набором барьеров сталкивается сознание?

Все свое детство мы играли в «наших» и «немцев», благодаря чему на рефлексорном уровне и сейчас в первые секунды немецкая речь вызывает во мне тревогу. Довольно долго я отказывался поверить, что «Иосиф и его братья» и «Человек без свойств» написаны на немецком. И примерно с тем же упорством я не верил, что в Германии после войны среди детских игрушек нельзя встретить пистолеты-пулеметы.

Зато я понимаю, что в России сейчас неонацистов больше, чем в Германии.

Вопрос не в том, как поступить дочери моих друзей. Вопрос во мне. Как мне помыслить эту ситуацию?

Как и многие дома в СССР, дом, в котором я провел детство и в котором вырос мой отец, был построен пленными немцами. Такие дома на Апшеронском полуострове, как и повсеместно, отличались знаком качества. Немцы содержались в концлагере, откуда конвой выводил их на рассвете и приводил обратно на закате. Рядом с лагерем росло кладбище с безымянными могилами; кресты были сварены из дюймовых труб. В начале пятидесятых лагерь покинули военнопленные, но пустовал он недолго, поскольку скоро заполнился отечественными заключенными. Отец рассказывал, что они, мальчишки, на съестное выменивали у пленных открытки. Однажды они наполнили бутылку известью и выдали за молоко. После чего спрятались, чтобы подсмотреть, как фашист выпьет гашеную известь. Немец откупорил бутылку. И тут отец не выдержал – бросился к нему и выбил бутылку из рук.

Так есть ли силы испытывать сердце на милость к падшим, на великодушие к побежденным? А как следует относиться к итальянцам – потомкам римлян, которые разрушили Второй храм, подавили восстание Бар-Кохбы? Как грекам относиться к персам и наоборот, помня о событиях двадцатипятивековой давности? Как русским следует относиться к французам, помня о войне 1812 года? Насколько в тех или иных случаях применимы формулировки: «за давностью срока», «сын не отвечает за отца»?

Нет сомнения, что прощение есть добро и, прощая, мы исправляем мир. Однако мне кажется, что случай XX века – особенный. У меня нет ответа на вопрос о том, как и в какой мере потомки должны нести ответственность за совершенное их предками зло. Необходимо понимать, что, в принципе, существуют вопросы, на которые не может быть ответа. Каждый раз, когда этот вопрос возникает в отдельно взятом сознании, это сознание должно самостоятельно разбираться с проблемой.

Пока лично меня не коснулся этот вопрос, мне более или менее автоматически представлялось, что надо прощать. Но как только проблема коснулась меня лично, возникло сомнение, которое необходимо преодолеть, и сомнение это заставляет снова всерьез задуматься о том, с чем мы имели дело в XX веке.

Немецкий офицер на фоне Генуэзской крепости.

Период оккупации Судака.

1 ноября 1941 года – 13 апреля 1944 года

Впервые в истории человечество столкнулось с тем, что зло, порожденное homo sapiens, предстало в обезличенном виде. Если до сих пор, вплоть до XIX века, трагедия

предпочитала классические формы, отшлифованные еще Эсхилом и Софоклом, то в XX веке классическая трагедия уступила место романам Кафки и пьесам Беккета. В «Процессе» Йозеф К. испытывает на себе суд, правила которого не известны. Он обвиняется не бюрократией, а необходимостью, которая нашла свое безличное воплощение. Если раньше гибель существования могла послужить осмыслению этого существования, то теперь само существование становится абсурдным и, таким образом, лишенным возможности обрести смысл в своей гибели.

Так почему же зло обезличенное более злое, чем зло очеловеченное? Мне кажется, дело в том, что обезличенное зло имеет иную категорию inferнальности, чем зло персонализированное, – ибо подражает Всевышнему. Нечистота имеет особенную интенсивность и степень, когда ее ничто уже не сдерживает – ни образ, ни подобие.

**Немецкий солдат на фоне мыса Алчак. Период оккупации Судака.
1 ноября 1941 года – 13 апреля 1944 года**

Как же поступить в конкретном случае моим знакомым? Думаю, родителям невесты полагается ближе познакомиться с ее избранником. Понять его, оценить его человечность. И оставить выбор за своей дочерью. Вроде верный совет. Лишь с одной, может быть, поправкой. Я бы еще напоследок рассказал невесте следующую притчу.

Много лет назад я стал свидетелем обсуждения необыкновенного вопроса в одном из сетевых сообществ, посвященных иудаике. Как еврею, живущему за Полярным кругом, правильно соблюдать заповедь о субботе? Ведь заповедь эта связана с моментом, когда на небе появляется первая звезда. Однако во время полярного дня звезд нет совсем. А во время полярной ночи звезды на небе есть всегда. Я не стану воспроизводить все перипетии этой долгой и утомительной дискуссии. Приведу лишь итоговую формулировку. Оказалось, что религиозному еврею за Полярным кругом жить не стоит.

НОЙ И ЙОНА

Ī ēōāēē Āīōāēēē

*Ī ōīāīēēāīēēā āēāēīāī, īā:āōīāī ā ēīēēā «Dācāīāīōū ī dāāēēīīī Āāēīīī
Ōōāēīcāēīōāī ».*

– Вы считаете, что Ной был сильно огорчен?

– **А как иначе? Мир погиб.**

– Старый мир погиб. Но что это был за мир? Мир грешников. Грешники утонули – праведники (семья Ноя) спаслись. Торжество справедливости в незамутненном виде. Радость, а не слезы. Ной был простой человек без сомнений, без обессиливающей рефлексии. Всегда делал то, что надо делать, и никогда не делал того, что делать не надо. Мир полон такого рода праведников. Простой, честный, искренний. Всегда говорил правду в глаза. Готов был за это страдать. Такой суровый пуританский праведник. Грешников – ненавидел. Утонули – поделом! Лучшего не заслуживают. Хам – честный малый, трудяга. Его – в ковчег. Айседора Дункан – грешница. Очевидно, что грешница: вы только посмотрите, что она вытворяет, – вот пусть себе теперь и поплавает. Ной хотел жить в новом мире, без грешников.

– **Но не вполне преуспел.**

– Ной, как многие люди с большой идеей, не понимал, чем обернется проект и для всего мира, и для него лично. Но это уже другая история. Всевышний (еще до потопа) спросил Ноя: «Как тебе все это нравится?» Ной ответил: «Полное безобразие». Всевышний спросил: «Что будем делать?» Ной сказал: «Всех утопить!» Всевышний сказал: «Ладно, будет тебе потоп». Ной сказал: «Сколько можно терпеть?! Давно пора! Глаза б мои на них не смотрели!»

– **Погодите, а как быть с мидрашем, в котором Ной пытается спасти мир?**

– Мне такой мидраш неизвестен.

– Ну как же. Ной строит ковчег. К нему приходит народ. «Что это ты такое делаешь?» – «Да вот, ковчег строю. Всевышний пошлет потоп за прегрешения

ваши». То есть, выходит, предупреждал. Давал шанс раскаяться и начать новую жизнь. Я что-нибудь не так понял?

– С чего вы взяли, что он хотел спасти таким образом мир? Ной строит ковчег. Народ крутит пальцем у виска. Определенно сумасшедший. Приходят через год, через пять лет – он все строит. Они говорят: «Ну, и где твой потоп?» И так каждый день по многу раз. И так сто двадцать лет. Представляете, как они ему надоели? И какие чувства он испытывал?! Когда все началось, Ной сказал: «Ну наконец-то. Так кто был прав?! И кто из нас сумасшедший? То-то же! Поплавайте теперь напоследок». Он сказал: «Ты все пела – это дело. Так поди же, попляши!»

– Вы меня такого рода цитированием всякий раз изумляете. Хотя пора бы уже и привыкнуть.

– Почему бы мне не цитировать Крылова? Тем более что цитата эта как будто хрестоматийная.

– То есть наш общечеловеческий праотец совершенно грешников не жалел.

– Сами посудите, зачем праведнику жалеть грешников? Что в них такого хорошего, чтобы их жалеть? Они этого совершенно не заслуживают. Ноя естественно сравнить с Йоной. Кто-то назвал книгу Йоны сатирой на пророков. Для этого есть основания. Вспомните, как Йона огорчился, когда понял, что его предсказания о гибели грешников не будут реализованы. До того огорчился – даже жить не хотел.

–Все-таки там иная была ситуация: там грешники все же раскаялись.

– Мы же говорим не о них, а о Йоне – как это выглядело в его глазах. Безусловные грешники. Заслуживают безусловной гибели. Йона об этом публично оповещает. И что? А ничего. Ровным счетом ничего не происходит. Предсказание не осуществляется. Йона оказывается лжепророком. Репутация пропала. Йона унижен. Йона чувствует себя полным идиотом. Он был бы рад, если бы его пророчество осуществилось. Он даже выбрал удобное место на горе – посмотреть сверху, как этих грешников серой зальет.

– Я думаю, его привлекало не только удовлетворение нравственного чувства, но и зрелище само по себе: посмотреть, как огонь с неба сходит, – редкий случай, большая удача, мало кому повезло увидеть, украшение мемуаров.

– Смотрите, Всевышний предупредил: зрелище отменяется. Но Йона все равно до последней минуты надеется: а вдруг все-таки не отменяется?!

– Психологически это понятно. Как может Всевышний отменить то, что Сам же и назначил? Он же не человек, чтобы брать слово назад. Его слово непреложно. Как сказал, так и будет. Йоне естественно было решить, что он неправильно понял или плохо расслышал. Кроме того, Йона не мог не ориентироваться на историю с потопом. Всевышний обещал утопить – и утопил. Вот Йона до последнего момента надеялся, что и на сей раз будет то же самое.

– Очень вероятно. Неудивительно, что Йона расстроился. Теперь представьте себе, что эти допотопные люди, глядя, как Ной строит ковчег, и послушав, что он говорит,

взяли вдруг и раскаялись. Вы думаете, Ной бы обрадовался? Да он огорчился бы куда сильнее Ионы. Он был бы ужасно разочарован. У него были для этого основания.

Йона потратил на свою проповедь три дня. И вся-то работа его была – ходить и говорить. Кроме того, лично ему ниневитяне ничего дурного не сделали. Ниневитяне были бичом для всего окрестного человечества, но так уж вышло, что Йону они никак не обидели. Легко могли бы и обидеть: он ведь говорил им неприятные вещи. Но они отнеслись к нему с уважением, прислушались к его словам.

Ной не три дня строил ковчег – он жизнь на это положил. Народ все эти годы над Ноем насмехался. Вселенское посмешище. Конечно, Ной страдал. И был уверен, что это им так не пройдет. Что они за это ответят. И вот, на€ тебе, потоп отменяется. Раскаялись?! Выходит, он ковчег зря строил?! Да Ной был бы вне себя!

«А ИДИШЕ ДЕТЕКТИВ» В СССР

Ėāī ēā Nēīāēī

Слово «еврей» в годы оные почти исчезло со страниц периодических изданий, даже на памятниках, возводимых в местах массовых захоронений жертв фашизма, власть требовала камуфлировать национальность большинства погибших. Носить фамилии сомнительного звучания разрешалось откровенно отрицательным персонажам литературных произведений. Помню, как бывший редактор издательства «Молодая гвардия» милейший Александр Строев, ныне покойный, редактируя мою повесть, обратил внимание на фамилию главного героя – Намлегин. Наученный горьким опытом, он прочитал ее с конца. «Нигелман»! В появившейся книге герой носил новую фамилию – Налегин.

Если так обстояло дело в литературе, легко представить, с каким рвением соблюдались эти правила в произведениях о милиции, в так называемых детективах. Здесь, кроме обычной цензуры, надзор за изданиями осуществлял еще один дополнительный орган – пресс-центр МВД СССР, строго следивший за тем, чтобы образ советского милиционера не имел изъянов.

В свете изложенного при отсутствии еврейской темы в детективных произведениях любопытным парадоксом является бросающееся в глаза непропорционально большое число писателей-евреев, работавших в жанре детектива и полицейского романа. Лев Шейнин, Аркадий Адамов, Аркадий Ваксберг, Аркадий и Георгий Вайнеры, Юлиан Семенов, Юрий Кларов, Лариса Исарова, Израиль Меттер, Захар Абрамов, Минель Левин, Леонид Словин... Все, как говорили в то время, невыездные... Чем был вызван подобный перекося в «национальной по форме и социалистической по содержанию»? Какова его причина? Любопытное объяснение этому может быть дано в свете известного рассказа Зеэва Жаботинского «Три сына». Вынужденные, спасаясь от голода, бежать в Египет, братья библейского Йосефа, проданного ими когда-то в рабство и успевшего ко времени, о котором ведется повествование, стать видным чиновником в иерархии фараона, получают от него мудрый совет. Когда, мол, спросят их египтяне, кто они и чем будут заниматься в Египте, «скажите, что вы скотоводы». И прибавил фразу, в которой, по мнению Жаботинского, скрыта главная мудрость: «Ибо мерзость для египтян всякий пастух». Смысл понятен. Власти ничего не имеют против «гастарбайтеров». Жаботинский, как известно, распространял этот свой взгляд и на другие этапы еврейской истории, и, в частности, на другие занятия евреев в Средние века: торговлю, собиранье налогов, меновую службу. Короче, все, что вначале казалось коренным жителям Европы по каким-либо причинам «позорным» или не было освоено электоратом, становилось точкой приложения инициативы евреев.

Еще в 1935 году известный советский литературовед С. Динамов писал: «Детективный жанр по своему наполнению буржуазен целиком и полностью...» Партийное советское литературоведение объявило об отсутствии в СССР почвы для детектива как жанра «чисто буржуазного» в основе своей!

Неудивительно, что литературные чиновники и держащие нос по ветру доброхоты от Союза писателей СССР объявили беспрецедентную войну жанру. Детектив публично обличали как «литературу для толстосумов», «жанр, чуждый отечественному

менталитету», «не имеющий будущего, поскольку преступления в социалистическом обществе должны неминуемо исчезнуть в обозримом будущем...».

В 1980-х годах, когда в СССР выходило в течение года примерно двадцать – двадцать пять книг детективного жанра, считая и журнальные публикации, в газетах можно было найти гневные строки о «серых потоках детектива, захлестнувших книжные прилавки».

Ради объективности следует признать, что были допущены к пирогу и другие писатели, вспоминаются Евгений Долматовский, Арон Вергелис, Цезарь Солодарь и еще несколько, зарекомендовавшие себя как наиболее преданные советской власти. Правда, на этом поле соискателей благ поджидала жестокая конкуренция.

С распадом СССР среди прочего резко изменился и взгляд на детективную литературу. Уже в 1998 году журнал «Книжный бизнес» зафиксировал жанровые предпочтения покупателей книг – лидеров продаж в «Олимпийском» – следующим образом: среди изданий в твердом переплете лидируют детективные и приключенческие издания – 39% всех проданных книг. Детективный жанр превратился в наиболее массовый и читаемый, имеющий наибольший спрос у читателей и приносящий издателям огромные прибыли. Как грибы после дождя появились издательства, печатавшие детективные произведения отечественных авторов. Детективы начали издаваться тиражами в несколько сотен тысяч экземпляров и повсеместно становились лидерами продаж. Множились телевизионные сериалы, снятые по мотивам наиболее известных детективных произведений.

Одновременно, словно по мановению волшебной палочки, немедленно исчезла «монополия» на криминальный жанр писателей-евреев. Очень скоро представители титульной нации отвоевали свои позиции, исправили существующий перекос и всё расставили по своим местам. Вспомним классика еврейской литературы: «Очевидно, египтяне сами за это время привыкли к скотоводству. Сначала стеснялись и гнушались, а потом научились у евреев же, начали делать на первых порах робкие, единичные попытки, а потом приободрились, вошли во вкус занятия – и в один прекрасный день вдруг нашли, что теперь евреев слишком много и можно бы уже и без них смело обойтись...»

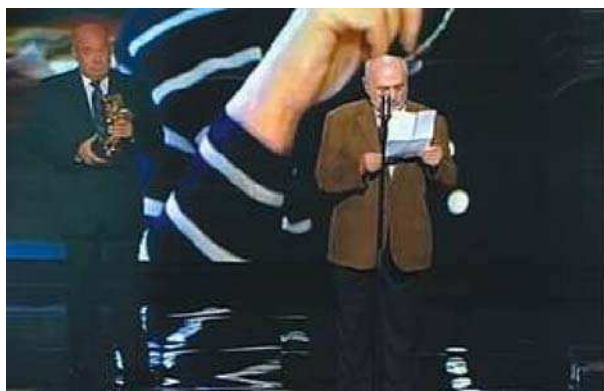
Еврейских фамилий среди авторов российских детективов сегодня не более, чем пальцев на руке. И почти сразу появились литературные герои детектива – евреи... Начальник уголовного розыска Игумнов («Бронированные жилеты»), «Когда в нас стреляют» Леонида Словина), Яков Штерн писателя Льва Гурского (популярный телевариант «Досье детектива Дубровского» Романа Арбитмана), Шамраев – персонаж романа Эдуарда Тополя «Журналист для Брежнева». И все стало на свое место.

Сравнение темных жителей Древнего Египта эпохи фараонов с представителями передовой супердержавы XX столетия на первый взгляд неправомерно. Однако легко заметить, что в данном случае исследуется всего лишь одна и та же не изменяющаяся с веками постоянная координата человеческого характера – его стремление во все века наилучшим и безопаснейшим образом добывать себе средства к существованию и соответствовать образу, общепринятому среди современников.

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПЕРЕМЕНЫ?

Ī ēōāēē Ÿāāēūōōāēī

Церемония вручения главной телевизионной премии «ТЭФИ» в этом году неожиданно закончилась скандалом. Точнее говоря – церемониями и скандалами. Потому что церемоний было две, а скандалов – три. И это только настоящих, полноформатных. Мелкие на таком роскошном фоне как-то и считать лень. Можно сказать, что «ТЭФИ» оказалась напичкана скандалами, как филипповская булка изюмом. По случаю все это великолепие разразилось в ту же неделю, что и отставка Лужкова, – так вот, по частоте упоминаний в СМИ события на «ТЭФИ» лишь чуть-чуть уступили изгнанию московского мэра.

Феликс Дектор зачитывает письмо Олега Дормана на церемонии вручения «ТЭФИ». Петербург. 25 сентября 2010 года

Итак, обо всем по порядку. Сначала 20 сентября телеакадемики собрались в Москве, чтобы вручить премии в категории «Профессии». И обнесли наградами режиссера сериала «Школа» Валерию Гай-Германику и автора документального фильма «Звoryкин-Муромец» Леонида Парфенова. После чего интеллигентный Парфенов промолчал, а буйная Германика, наоборот, дала матерное интервью «Комсомольской правде», где, среди прочего, заявила, что пенсионеры, засевающие в Академии, понятия не имеют о профессии и потому она уходит мыть полы в «Макдональдсе». Общественное мнение отреагировало на истерику быстро и жестко. Сочувствующих девушке, кажется, не нашлось, отклики различались не столько по содержанию, сколько по интонации – кто клеймил позором, кто просто стебался: «Валерию Гай-Германику обидели на “ТЭФИ”. Первый приз достался режиссеру Гей-Славяннике».

Хотя понять Германику вполне можно: «Школа», конечно, не шедевр, но, по крайней мере, вещь яркая и неординарная, тогда как продукт Андрея Кравчука, получившего приз за сериал «Адмиралъ», – просто помпезная псевдоисторическая лажа. Понятно и молчание Парфенова. Награда за лучший документальный фильм досталась проекту под названием «Массовка», который, согласно положению о премии, вообще не должен был участвовать в конкурсе, так как появился на экранах позже 31 мая 2010 года. Но автор сценария «Массовки» известный телевизионщик Марк Глейхенгауз тяжело болен, и Академия согласилась допустить его работу к конкурсу вне регламента. Какие уж тут споры о сравнительных профессиональных достоинствах проектов!

Но все это оказалось легкой разминкой перед вручением «ТЭФИ» в категории «Лица», прошедшим 25 сентября в Петербурге. Специальный приз Телеакадемии был присужден документальному сериалу «Подстрочник» (см. о нем: Лехаим. 2009. № 10). Однако вышедший на сцену продюсер сериала Феликс Дектор статуэтку не принял, а вместо этого зачитал письмо режиссера Олега Дормана:

Οάαε αάι úá éíεέάε,

έίάά Αέάάάι έý ίδάάέίάεέά ίάι άúñðάάέòú ðέέú «Í ίάñððί-ίέέ» άέý ó-άñðέý á ñðάάί ίάάί έέ, ί ú ίòέάçάέέñí Í ú ίά ðίòάέέ ίίέó-άòú ίðάι έρ «ΟΥΟΕ» έ ίά ðίòάέέ ίάúýñ ýòú ίí-άί ó ðάι ίά ί άάά ίðάι έý ίðέñáάάί á Β ίά ί ίά άά ίðέί ýòú έ άί ίάέάάί ίάúýñ έòú ίðέ-έίú ίάέέ-ίί. <...>

Ñðάέ :έάί ίά Αέάάάι έέ, άά άρðέ, ó-ðάάέòάέέ έ ðάέ άάέάά - έράέ, έççά έίòίðú ίάò ðέέú ίάέί ίάάóáòú έάò ίά ί ίά ίίάñðú έ çðέòάέýí. Έράέ, έίòίðúά ίðάçέðáρò ίάέέέóέ έίòίðúά ñάέάέέ ðάέάάέάάί έά άάάί úí ðάέòίðί ίðάάñðάάί ίίέ έ ίάúάñðάάί ίίέ έάòάñððίòú, ίðέçίσάάέ çά άáñýòú ίίñέάάί έó έάò. <...>

Í ίέó-έά ά ðέέ άάέ-άέσφ άέάñðú, έάέίέ, άάί, ίάέάάάò ó ίάñðάέάέάάί έά άά ðέέίάάέòάέέ, ðάάάέòίðú, ίðáρñðú, άóðίάέέñòú ίά ñ άρò άάάòú çðέòάέέέ óáέά Íίέ ίά έί άρò ίðάάά ðáçáðúάòú, ίðááðúάòú ίάñ á ñáðίά, á çέφ, άέ-ίφ, ίίέóφ ðίέίú Ο ίέó ίάò ίðάά άάάòú ίάάάάú «Í ίάñððί-ίέέ». Οñίáñ Έέέέάί ú çέί ίάάάί ú Έóίάέίέ έί ίά ίðέί άάέάέέò.

Когда письмо было дочитано до конца, зал встал и долго стоя аплодировал отсутствующему Дорману. И эта-то овация, разумеется, является самой интригующей частью всего происшедшего. Людей только что публично выпороли, а они встают и дружно благодарят экзекутора – как это понимать? Президент Академии российского телевидения и по совместительству ведущий церемонии Михаил Швыдкой предложил было рассматривать случившееся как «еще одно свидетельство того, что на телевидении работают умные, талантливые люди, которые своими аплодисментами оценили этот жест». Но спустя несколько дней все же не выдержал и в интервью «Известиям» расценил поведение коллег как мазохизм: «Олегу Вениаминовичу присутствующие устроили овацию, хотя он их обвинял в том, что они оболванивают народ и виноваты в его деградации».

Раздражение Швыдкого понятно: у него есть все основания считать, что слова Дормана относятся в первую очередь к нему (ну, или напополам с Константином Эрнстом). В марте он уже вручал режиссеру премию «Ника» и тогда выслушал от Дормана примерно следующее: «Если бы 11 лет бесчисленные продюсеры и чиновники, в том числе и Михаил Ефимович Швыдкой, не объясняли мне, что этот фильм никому не нужен, то эту премию могла бы получить Лилианна Зиновьевна Лунгина». Экс-министр культуры считает эти претензии нелепыми и не понимает, почему он оказался крайним: «Видит Б-г, если бы я знал, что они ему нужны, я бы эти деньги дал – я к тому же и с семьей Лунгиных хорошо знаком и с большой теплотой и уважением к ним отношусь». Впрочем, видимо, за время, прошедшее с раздачи статуэток, Швыдкого так допекли вопросами о Дормане, что он решил перейти в контрнаступление и несколько раз публично повторил: устраивать шоу из отказа от премии – «это не лучший способ утверждать себя в жизни», а в поведении Дормана присутствует «какая-то истеричная неинтеллигентность».

Но вернемся к тем самым аплодисментам. Феликс Дектор полагает, что особого значения овации предавать не стоит. «Эти люди просто соблюдают условности светской жизни. Говорит Швыдкой – они аплодируют. Зачитали телеграмму премьер-министра – аплодируют. Прозвучало письмо Дормана – опять аплодируют. То есть одни и те же люди аплодируют и туда и сюда». Сходное мнение сформулировал литературный критик и просто умный человек Александр Гаврилов: «В андерсеновской сказке факт того, что король голый шастает перед подданными, делал его меньше королем. А когда король говорит: “Назначаю этого юношу придворным говорителем правды. Правда нам нужна, попросту говоря, необходима для поднятия уровня морали в королевстве” – и все это время продолжая помахивать срамным удом перед изумленными горожанками – в этом есть какая-то ужасающая непробиваемость».

На мой, возможно, неоправданно оптимистичный и человеколюбивый взгляд, дело обстоит все же несколько по-иному. Суть происшедшего видится мне в том, что телевизионщики сами устали от своего конформизма и от своего продукта. И Дорман – может быть, неожиданно для себя – озвучил их коллективное бессознательное. Понятно же, что речь в его письме шла не о том, что кто-то кому-то не дал денег, а о том, что уважаемые члены высокого ареопага создали ситуацию, при которой все мало-мальски вменяемое отсекается на дальних подступах к экрану в качестве неформата. И вот эта-то ситуация всерьез утомила даже тех, кто ее долгие годы в поте лица отстраивал.

Усталость телевизионного сообщества от собственного убожества и лжи подчеркнул скандал, разразившийся на той же церемонии (вернее, сразу после нее) вокруг награждения Мананы Асламазян. Перед началом «ТЭФИ» присутствующим был роздан пресс-релиз, из которого следовало, что Асламазян получила премию в самой почетной номинации: «За личный вклад в развитие российского телевидения». Однако со сцены имя Асламазян не прозвучало, что и послужило непосредственной причиной бучи. Владимир Познер и Светлана Сорокина даже пригрозили выходом из состава Академии, если им не представят убедительных объяснений случившегося.

Разгадка столь бурной реакции проста. Асламазян полтора десятилетия руководила организацией «Интерньюс», занимавшейся гуманитарными проектами в области электронных СМИ, в первую очередь подготовкой кадров для регионального телевидения. В январе 2007 года ее задержали на шереметьевской таможне и через некоторое время предъявили обвинение в контрабанде валюты. Сомнения в политической подоплеке происходящего окончательно отпали через пару месяцев, когда в офисе «Интерньюс» был проведен обыск, сопровождавшийся изъятием документации и серверов. И хотя дело Асламазян вскоре дошло до Конституционного суда и было прекращено, сама она с тех пор живет во Франции, а ее проекты в России свернуты.

Отдуваться за умолчание вновь пришлось Швыдкому. Возмущение коллег и прессы он назвал «непонятым цирком», а ситуацию объяснил просто: награждение отсутствующего лауреата нетелегенично, «Пятому каналу» пришлось бы вырезать эти кадры, и, чтобы никто не мог обвинить телевизионщиков в цензуре, ведущий предпочел вызвать огонь на себя. В итоге правление Телеакадемии через три дня собралось на специальное заседание и признало поведение ведущего ошибочным. Швыдкой заявление правления подписал, но постфактум не отказал себе в удовольствии съязвить: «Я рад, что Академия российского телевидения <...> сумела исправить ошибку руководителя и хотя бы частично отмыться от упреков в Кремлеобязни. Я рад, что тем самым Академия подвела черту под событиями 2007 года, когда она не только не решилась проголосовать за вручение премии “ТЭФИ” Манане Асламазян, но и не поддержала ее в трудную минуту».

На самом деле все это ужасно напоминает год эдак 1989-й: телевизионщики фрондируют, начальство фронду в душе поддерживает, но на всякий случай на публике чего-то недоговаривает – скорее по привычке, чем по необходимости. Телевидение ведь, кроме всего прочего, большое и чуткое ухо, локатор, первым улавливающий разницу между «еще нельзя» и «уже можно». И случившееся на «ТЭФИ» – вполне типичный конфликт начального этапа оттепели, перестройки тож. Причем налицо даже некоторый прогресс: Швыдкой на порядок обаятельнее Кравченко, да и Медведев не Горбачев, при всем уважении к последнему.

А оттепель несет с собой не только либерализацию, но и интеллектуализацию. И если сам Дорман отказывается видеть в выходе его фильма на экраны тенденцию («это не тенденция, а ситуация, на телевидении ничего не меняется»), то для зрителя «Подстрочник» вместе, скажем, с недавним «Отделом» Александра Архангельского складываются во вполне очевидную линию. Другое дело, что процесс этот имеет естественные ограничители – телевидение вообще придумано не для нас, а для тех, кто выбирает между «Смехопанорамой» и «Comedy Club» (ну хорошо, хорошо, добавлю «Прожекторперисхилтон», чтобы никого не обидеть). По формулировке Александра Архангельского, ТВ – «машина, работающая 24 часа в сутки», и возможности индивидуального творчества на этом конвейере заведомо ограничены: начальство, озадаченное созданием поточного продукта, «не будет специально заказывать штучный товар». Однако, если нестандартный проект, как то было с «Подстрочником», все же пробивается самотеком к телевизионному начальству сквозь плотный слой по определению инертных менеджеров среднего звена, – он имеет все шансы выйти в эфир. Тем более что в последнее время, констатирует Архангельский, телевидение «на ощупь, как слепой, начинает искать возможность говорить чуть более содержательно, чуть более сложно, чем раньше. И предложение такого разговора пока гораздо ниже, чем спрос».

Так что кое-что интересное нам в ближайшие пару лет все же покажут.

«*NOUAB I DAÄÄÄ*» *I OÄÄIÄEÏÄ È ÄÄDNÄIÏEÏÄÄ*

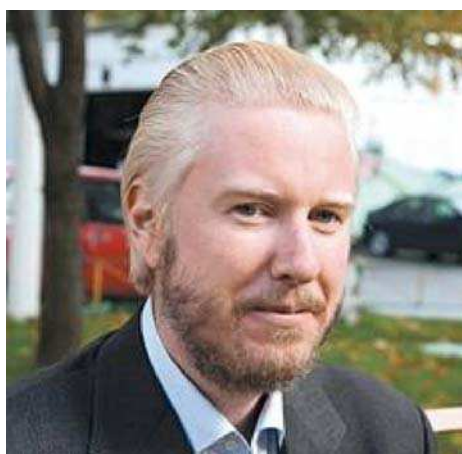
*I ä :äoüda äi äiäiä i oää:äpò: Ääñëëë Ääðëiä Äëäëñiä äd I iäiäiä
I èëiëëë Näüi èäçä Äëäiä x äðëäñiä*

Беседу ведет Афанасий Мамедов

Не успели стихнуть страсти по учебнику Филиппова–Данилина, как на смену им пришел новый «коммунальный захлест» – скандал, разразившийся вокруг «мертвой петли» А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина – учебного пособия «История России 1917–2009». По заключению Общественной палаты РФ, учебник, предназначенный для студентов вузов, «содержит тенденциозные взгляды и интерпретацию истории в духе радикального национализма». Сейчас самим пособием, а также вопросом о том, как оно получило гриф «Рекомендовано учебно-методическим советом», занимаются ректор МГУ В.А. Садовничий, недавно получивший возмущенное письмо от президента ФЕОР Александра Бороды, и спецкомиссия, тайная, назначенная ученым советом истфака. Пусть имена членов комиссии остаются за семью печатями: магическая сила понятия «корпоративная этика» известна, нас скорее интересуют тайны иного свойства. Почему именно против этого учебного пособия как один вспыхнули наши либералы-демократы? А раньше что молчали? Ведь эта книга – переиздание. Третье. Сколько лет должно пройти с момента свершения события, чтобы оно стало историей? Какие механизмы следует выработать, чтобы оградить общество от таких вот учебных пособий, не нарушив при этом прав человека?

OÄÄÄI Ä, IÄIÄNÄIÏÄB XXÄÄEÏI, IÏ-IÄÄEÏÄI O NÈEÏIÄ

Ääñëëë Ääðëiä èñò iðëë, iäëëëëñò

– Вы участвовали в дискуссиях еще по поводу учебника Александра Филиппова и Павла Данилина. Чем «вторая историческая» война отличается от «первой»?

– Притом что оба учебных издания имеют родственные содержательные и концептуальные корни, между ними есть существенная, на мой взгляд, разница. И не только в том, что еще год назад антисемитские заявления политолога Данилина в связи с делом Подрабиника вызвали официальный протест Федерации еврейских общин. Учебник

Филиппова писался по заказу властей – это никогда никем не скрывалось. Его авторами изначально были по преимуществу политологи и политические консультанты, довольно молодые люди, далекие от науки и школы. Речь шла о создании школьного учебника, единственного или одного из немногих, по которым можно было бы учить подрастающее поколение. Учебника с миллионными тиражами, учебника, который будет в каждой школе. Ругать учебник Филиппова небезопасно: не каждая редакция возьмет критическую рецензию. В случае же с Барсенковым и Вдовиным речь идет о рядовом малотиражном вузовском пособии, каких в стране сотни: каждая кафедра выпускает их, чтобы отчитаться о выполнении учебно-методической нагрузки. Если кто-то эту книгу видел и пробовал читать, в глаза сразу бросается довольно скучная манера изложения, не говоря уже о том, что на редакторах в таких изданиях обычно экономят. Авторы – пожилые советские профессора, так сказать, «из раньшего времени», и стиль у них соответствующий. Если бы не вся эта шумиха, устроенная в прессе и блогах, восьмисотстраничный кирпич так бы и пылился где-нибудь на полках, а теперь на него ажиотажный спрос при цене больше тысячи рублей. Спрашивается, кому авторы и издатели должны за это сказать спасибо? В содержании двух пособий тоже есть разница. Учебник Филиппова построен в основном на известных фактах, из которых делаются «нужные» выводы. Основная идея здесь: государство право всегда – будь-то египетский фараон, Николай II, Сталин, Брежнев или сегодняшняя власть. У профессоров Барсенкова и Вдовина никаких «вводных», только собственные думы, да и то столь завуалированные, что не всегда понятно, что конкретно авторы имели в виду. Те же пресловутые проценты еврейского представительства в высших эшелонах власти могут при желании рассматриваться и как положительный факт: советские евреи внесли весьма существенный вклад в развитие культуры, науки, техники своей страны. Да и «эффективный менеджмент» первых пятилеток, которым теперь так восхищаются наши почвенники и государственники, – разве это не вклад в том числе энергичных и самоотверженных выходцев из еврейской среды, заплативших за свое участие в большом советском проекте отказом от собственной национальной идентичности и рабством у «красного фараона»? В 1930-х годах один мой родственник, молодой советский инженер и комсомолец, всячески подчеркивал, что в его русско-еврейской семье говорят только по-русски. Люди гордились своим отрывом от корней! В среде нового индустриального города так делали почти все, вне зависимости от национальности. Но русские хотя бы не отказывались от своего языка. Хорошо, если бы авторы любого учебника по истории сегодня учитывали этот очевидный факт. Кто при этом пострадал больше, а кто меньше? Правильный ответ: все пострадали, и просто глупо считаться. И кстати, в пособии Барсенкова–Вдовина на этот счет нет никаких четких и окончательных директив. Есть много фактов, ранее неизвестных, вызывающих сомнение, требующих проверки, а выводов не так уж много. Факты можно интерпретировать, конечно, во вред межнациональному миру, а можно и не интерпретировать. Гораздо больше меня смущают некоторые априорные суждения. Например, что в СССР не было государственного антисемитизма. Для значительной части российских и зарубежных авторов, напротив, ясно, что государственный антисемитизм – политика ограничения религиозных прав евреев, а также таких элементарных прав, как свобода передвижения (запрет на репатриацию в Израиль), изучение родного языка (запрет иврита с 1920-х годов), выбор профессии (процентные нормы в вузах и учреждениях) и тому подобное – был неотъемлемой частью общей политики коммунистического режима, направленной на подавление национальной идентичности, с разной степенью жесткости осуществлявшейся по отношению ко всем народам в течение почти всего периода существования советской империи. Однако это уже пожелания для будущего текста.

– Читатели «Русского обозревателя» поведали на онлайн-конференции: профессору Вдовину угрожают чеченцы. На что сам он осторожно ответил: «Не могу

сказать, что именно так представлял суд за непроверенную цифру». Своими судилищами насколько далека Россия от цивилизованного мира?

– Мне не хотелось бы комментировать слухи и сплетни, распространяемые в Интернете, но сам факт их возникновения лишний раз свидетельствует об одном: наше общество пропитано страхом. Причем речь идет о физическом страхе, страхе насилия как результате безнаказанного правонарушения. Одни боятся чеченцев, другие – русских националистов, третьи еще кого-то. Этот страх всегда обостряется во время так называемых «острых общественных дискуссий» – хорошо это помню по себе, когда три года назад во время скандала вокруг филипповского пособия в Интернете был опубликован мой домашний адрес с угрозами расправы. А на истфаке МГУ, между прочим, вспоминают про случившееся несколько лет назад нападение на декана С.П. Карпова, когда его избili в собственном подъезде. Ведь до сих пор неизвестно, кто и почему это сделал. Чем современная Россия отличается от цивилизованного мира? В первую очередь тем, что в демократических странах Западной Европы и Северной Америки у человека нет такого страха насилия, как у нас. Монополия на насилие в этих странах принадлежит государству, а насилие государства регулируется законом. У нас тоже вроде бы есть законы, но мы категорически не доверяем нашему суду. Не считаем, что с помощью судебного разбирательства можно добиться соблюдения закона и справедливости. А между тем, если говорить о цивилизованных путях, то история с учебным пособием может быть разрешена двумя способами. Во-первых, в рамках обсуждения в профессиональном сообществе, когда специалисты, подчеркну это, ученые, непосредственно занимающиеся проблемами, связанными с содержанием данной конкретной книги, вырабатывают определенные конвенциональные рамки – о чем допустимо говорить, скажем, в обществе московских профессоров, а что является недопустимым и неприличным. Нарушители конвенции автоматически выпадают из сообщества – с ними просто перестают разговаривать всерьез. Хорошо, допустим, у нас плохо работают механизмы подобного регулирования – что правда, то правда. К тому же вопрос столь острый, что выходит за рамки сугубо научной дискуссии. Тогда – и это уже во-вторых – он должен рассматриваться в правовом поле. Если некий автор в современной Австрии напишет, что Холокоста не было, то он не только окажется вне определенного круга общения, но и сядет в тюрьму – потому что есть соответствующие законы и суд, который руководствуется этими законами. Но в России нет закона, по которому, скажем, сталинский режим признавался бы преступным, – неочевидно это, увы, и на уровне общества, как для историков, так и для всех остальных. Советское не только не изжито, мы в нем продолжаем существовать, сами того не замечая. Поэтому и вокруг пособия Барсенкова–Вдовина у нас происходит сплошное расширенное комсомольское собрание с навешиванием ярлыков и риторическими оборотами вроде «я книги не читал, но все люди доброй воли...». Одни призывают «исключить с занесением», другие в полном соответствии с законами жанра говорят, что «все осознали». Как и во времена дорогого Леонида Ильича...

– Следует ли дать устояться историческим фактам, чтобы избежать субъективизма, ксенофобии, антисемитизма?..

– Многое зависит от того, кто берется за изучение истории. Когда я выбирал тему собственной диссертации, то стремился как можно дальше уйти от политизированных тем новейшей истории. Не потому, что боялся оказаться необъективным (большой вопрос, возможна ли объективность у историка в принципе, – скорее нет, чем да), а потому, что ученый, в том числе историк, всегда стремится быть подальше от всего этого. Что, кстати, не исключает наличия политических взглядов, порой более крепких и выстраданных, нежели у самих политиков. Просто интерес и

взгляд ученого на самом деле гораздо шире. По словам Ключевского, для того, чтобы событие стало историей, с момента его совершения должно пройти сто лет. Это фактически значит, что должны уйти не только непосредственные участники события, но даже их дети. А внуки должны достигнуть такого уровня зрелости, чтобы быть готовыми исследовать прошедшее, по возможности максимально отрешившись от личных интересов и эмоций – хотя бы потому, что интересы и эмоции прошлого со временем имеют свойство терять силу. К тому же в архивах большинства стран, в том числе России, существуют довольно продолжительные сроки ограничения доступа к документам: историки не могут исследовать значительную часть источников, а строить рассуждения и выводы на одних непроверенных свидетельствах, слухах или, что еще хуже, официальной пропаганде тех лет – всегда опасно. Однако это не значит, что первые сто или пятьдесят лет по прошествии события историку совсем нечего делать. Архивы закрыты, зато живы непосредственные свидетели эпохи, их память, которую необходимо сохранять. Собирать свидетельства и интерпретации очевидцев, постепенно формировать корпус источников, разных по характеру и содержанию, не только можно, но и необходимо. Разумеется, собственные взгляды и ценности историка будут играть здесь не последнюю роль. И если уж автор, к примеру, антисемит, поверьте, это проявится и при изучении Древнего Рима, Киевской Руси – благо евреи всегда присутствовали в мировой истории. Другое дело, что современное научное сообщество, особенно в развитых демократических странах, более-менее научилось мягко исключать подобных людей из своего круга. Возвращаясь к проблеме изучения советского периода, нужно обратить внимание вот еще на что: мы имеем дело с крайне болезненной исторической памятью. Каждый раз, когда заходит спор о тех сложных и трагических для России временах, в обществе происходит острый конфликт, как будто речь идет не о прошлом, которого уже нет, а о настоящем и даже выборе будущего. Травма, нанесенная XX веком, по-прежнему сильна.

– Понимают ли авторы учебника, что синагоги и минареты будут стоять в Москве, если они хотят, чтобы Москва была одной из мировых столиц?

– Понимают, и в этом я не сомневаюсь. Я хорошо знаком с сыном профессора Вдовина, Иваном. Достаточно сказать, что мы время от времени сидим в нашем общем любимом месте – очень аутентичном московском ресторане кавказской кухни, где молодежь по пятницам танцует лезгинку. Однако гораздо большим, чем лезгинка, успехом у него пользуется еврейская музыка, особенно традиционная клезмерская. Я все не могу добраться до присланной им интернет-ссылки на стихи Ицика Мангера, а Иван многие из его стихов знает наизусть. Он с воодушевлением рассказывал мне, как во время путешествия по Украине останавливался в Меджибоже, где заходил и в синагогу, и к могиле Бааль-Шем-Това. Конечно, это интерес туриста, современного светски образованного человека, умеющего при этом тактично отделять свое от чужого. Но, по моему, совершенно очевидно, что в картине мира моего друга есть место и колокольням, и минаретам, и звезде Давида над синагогой. И вряд ли такое отношение к миру у сына сложилось совсем без участия отца. Между прочим, сам Александр Иванович Вдовин не без гордости считает себя учеником Владимира Зиновьевича Дробижева, весьма уважаемого ученого, известного исторического демографа, который в свое время был его научным руководителем. Все это я рассказываю не для того, чтобы выдать тайны семьи Вдовиных, а чтобы показать очевидное: мир не так прост и линеен, как нам порой кажется. При хорошо подобранной оптике многие детали могут перевернуть, казалось бы, так быстро и легко сложившуюся «простую» картину. Надеюсь, в итоге получится картина мира, а не очередной вражды.

«НАНАЙСКИЕ МАЛЬЧИКИ» И «КАК-БЫ-УЧЕБНИК»

Ἀεὶ ἐν τῷ ἴδιῳ ἄεθλῶ ἰθὺς οὐδὲ ἰσχυρῶς ἀλλὰ ἐν ἴσῳ ἔτι πρὸς ὅσα ἐπὶ τοῦ ἐσέειν ὄν

– В одном из постов вы писали: «Не люблю эту муть под названием “Святая Русь и Кощеево Царство”». А может, господа Вдовин и Барсенков хитрее, чем всем кажется. Видали они эту «Святую Русь»... Просто два таких медиума уловили флюид, то, чего очень бы желали наверху, но пока остерегаются давать отмашку? К примеру, Путин, выступая на совместной пресс-конференции после переговоров с Туском, высказал версию, что Иосиф Сталин из мести отдал приказ о расстреле польских военнослужащих в Катыни...

– Если мы посмотрим данные соцопросов последних лет, то в сравнении с 1990-ми неуклонно возрастает процент тех, кто ответил бы на вопросы о русских, о Сталине, о крушении СССР примерно так, как эти события трактуют Вдовин и Барсенков. При этом люди живут и в большинстве своем не руководствуются в повседневной жизни этими трактовками. Они живут своими текущими достижениями, своим будущим, их интересуют социальные права, безопасность в городах, качество образования, кто и что влияет на детей и так далее. Оценка прошлого не влечет за собой социально значимых действий. Проблема заключена в том, что в России есть довольно широкий круг интеллигенции с «комплексом пораженчества и реванша». Одних – таких, как Александр Любимов, Николай Сванидзе, – виктимно тянет к Сталину. И хотя они являются, несомненно, антисталинистами, их пораженчество тянет их к тому, чтобы делать Сталина гвоздем программ «Герой нации», «Суд идет» и зачем-то собирать гигантские проценты в поддержку Сталина. Другая – «реваншистская» – часть интеллигенции искренне тоскует по «империи», по «угрожающей мощи варшавского блока», ищет рациональную логику насилия в советском периоде и так далее. Все вместе они работают против будущего. Сильно влияют на молодежь. Молодежь легко индоктринируется. Схватка Сванидзе с Барсенковым – это борьба нанайских мальчиков. Все это только радикализует общественную ситуацию, работает на раскол российского общества. Безответственность гуманитарной интеллигенции дополняется нечеткой позицией властей – Кремля, администрации президента, сенаторов и думцев. Кремль столкнулся в нулевые годы с еще более острой проблемой «российской идентичности», чем даже Ельцин в 1990-х применительно к «СССР-идентичности». Россия слабо прошита социальными связями. Каждое прошлое десятилетие подвергнуто поруганию. Советский период действительно полусоздал новую «идентичность», но лишь наполовину. И эта новая половина быстро осыпалась в 1990-х в условиях рынка. В Кремле мучительно придумывают, что объединяет всех живущих на территории, ныне называемой Россией. И приходят к

выводу, что объединяет победа в ВОВ, полет Гагарина, русские конструкторы оружия и ракетной техники и так далее. За счет этого пытаются лепить базу для «новой идентичности». В результате возникает еще более тяжелая проблема: с такой идентичностью молодежь отваливается в радикальный национализм или национал-социализм, начинает считать, что власть в России «оккупационная»... Историческое положение России – тяжелое, хребет переломан в XX веке дважды. Требуется огромное усилие образованной части общества, чтобы преодолеть пораженческое и реваншистское сознание... Что касается приведенного примера. Это не «кремлевский флюид». Мировая политика до второй мировой войны, до Освенцима вообще была гораздо более эгоистичной. Нельзя забывать: это вообще была другая эпоха. В те времена детей пороли, у женщин не было избирательных прав, расистские представления были обычными для европейского общества. По итогам 1914–1920 годов не только Сталин был настроен «мстительно». Так были настроены и многие государства бывшей Австро-Венгерской империи. Я думаю, что Путин просто прав. Мотив мести у Сталина был. Такие мотивы мести были у румын, у хорватов и у сербов, у Италии в отношении Австрии и так далее и тому подобное. Они были почти у всех в Европе.

– Не так давно я брал интервью, посвященное контркультуре. Вспоминали Теодора фон Розака, задавались вопросом, какова роль этого явления у нас в России: казалось, мы и без контркультуры находимся в процессе культурного размежевания. Но не подумал бы, что учебник истории может играть столь важную роль в этом губительном процессе. Как защититься от подобного рода учебников?

– Думаю, это вопрос прежде всего к корпорации историков. Ведь правильно пишут профессиональные историки: учебное пособие Вдовина–Барсенкова – далеко не самое страшное из того, что выпускают вузы в России. В провинции выходят и гораздо более мутные, идеологизированные пособия. Ничем вдовинский учебник не выделяется на фоне других реваншистских или наивно-националистических книг. В книжных магазинах эта литература лежит целыми полками, она коммерчески выгодна. Издательства пекут ее, как блины. В этом смысле реакция на Вдовина, видимо, вызвана тем, что перед нами «как-бы-учебник», то есть нечто прямо влияющее на молодежь. Хотя тома Сергея Кара-Мурзы, например, оказывают на нее гораздо более сильное влияние... Если это реакция именно на «университетское пособие», то и ответ должен быть со стороны корпорации. А вовсе не со стороны правоохранительных органов. Ничего решительно подача в суд не изменит, на мой взгляд. Только ухудшит ситуацию.

– Вы согласны с мнением многих журналистов, что под учебное пособие в данном случае камуфлируется прямая национал-социалистическая агитка? Что утверждения авторов и их апологетов, будто учебник написан в расчете на некую научную дискуссию, неосновательны?

– Пособие не может быть рассчитано на дискуссию. На дискуссию может быть рассчитана статья историка, в которую, например, вводятся ранее неизвестные архивные материалы, которые могут изменить прежние трактовки. Если вы предъявите неизвестную ранее архивную справку о том, что Сталин был женщиной, то да, возможна публикация, которая открывает дискуссию. А пособие должно изложить фактическую сторону и релевантно дать представление студенту (в будущем – профессионалу-гуманитарию) об основных, наиболее влиятельных трактовках событий, созданных историками до авторов данного пособия.

– Суть развиваемой авторами концепции: у русского народа есть свой путь, особый «национальный интерес», постичь который «лица нерусской

национальности» не способны. Насколько востребованы сегодня подобные ксенофобские пособия, для кого они могут стать руководством к действию? Как далеко мы отстоим от Хрустальной ночи?

– В такой форме вы утверждаете, что учебное пособие Вдовина – прямо расистское. Это неверно. Думаю, более точно будет говорить о том, что оно «протофашистское». Типологически, так сказать. От «протофашизма» до политических практик нацизма все-таки пролегает достаточно большое расстояние. Не надо размывать четкую – «нюрнбергскую» – основу Холокоста и вообще нацистского насилия. Многие в период между двух войн романтически заблуждались относительно избранности своих наций, о Sonderweg. Но не все из заблуждавшихся совершили преступления против человечности. Многие из таких романтиков даже сопротивлялись им. Представители общества, власти, гуманитарных академических корпораций должны выступать с публичной оценкой таких текстов, как учебник Вдовина–Барсенкова. Надо последовательно и спокойно объяснять, что нация в европейской истории – это не этнический, а политический проект, что вся эта публичная риторика о «государствообразующем народе» оскорбительна в первую очередь для русских. Что университетские преподаватели должны отдавать себе отчет, к какой политике они имплицитно призывают, когда пишут о «русском» и «нерусском» в контексте этнических, расовых различий. Это большая проблема. История пишется с позиций политической нации, которая сформировала себя, ощущает себя на своем месте, легитимизирована для самой себя как основа собственного государства. Проблема в том, что постсоветскую Россию сильно «клинит». Не совсем понятно, состоялось ли тут вообще государство. И есть ли тут «политическая нация». Вдовин, предлагая так писать историю, просто не отдает себе отчета в том, что он пытается – романтически, в фантазиях – вырубить из современной России какой-то кусок, который мог бы быть другим государством. А не тем, которое установлено здесь Конституцией. Такая позиция возможна. Многие люди сегодня считают, что Россия должна отказаться от части территорий, например, на юге. Или вообще от «исламских территорий». Есть люди, которые считают, что надо поразить в правах некоторые народы, населяющие современную Россию. Возможно, так считают авторы пособия. Тогда они должны оставить университетское преподавание и перейти в пространство политики.

ТОЛЕРАНТНЫМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ИСТОРИК

Ἰ ἐὲν ἑαὲ Νῆαί ἐάçá, æóðí àèèñò, èñò ἰðèè

– Александр Вдовин на онлайн-конференции с читателями «Русского собеседника» определил, какой не должна быть история: «История не должна быть

толерантной». Согласны ли вы с Вдовиным, можете определить, какой история должна быть?

– Вероятно, господин Вдовин имеет в виду, что история должна быть фактической, а не идеологической, но он лукавит. Сам часто берет свою фактуру из публицистической литературы. К примеру, в этом учебном пособии Вдовин ссылается на академика Игоря Шафаревича, не историка – математика, известного своими националистическими взглядами. При этом Вдовин со своим коллегой Барсенковым, пишущие о периоде второй мировой войны, о пакте Молотова–Риббентропа, нигде не ссылаются на главную книгу по этому периоду нашей истории – «Канун трагедии» Александра Чубарьяна, директора Института всеобщей истории, академика РАН. Скажите, о какой такой «правде факта» тут идет речь? Можно ведь брать определенные факты, выдергивая их из исторического контекста, и умалчивать не менее важные, только лишь потому, что они не вписываются в задачу историка. Вот в чем лукавство Вдовина. Серьезное. Потому что с тем, что он говорит, не поспоришь, это неоспоримая вещь. Но изложивший эту максиму Вдовин сам ей не следует. Его учебное пособие свидетельствует о другой точке зрения. Да, многие документы до сих пор остаются засекреченными, да, процесс рассекречивания исторических документов, который шел последние годы, превратился в процесс нового засекречивания. Но с теми документами, которые уже открыты, к которым есть пока доступ, – а их много, – с ними же надо работать. Поэтому господину Вдовину я бы ответил так: история не должна быть толерантной, толерантным должен быть историк.

– Вы говорите, что процесс рассекречивания документов превратился в процесс обратного засекречивания, что ключ должен находиться у архивистов, а не у работников спецслужб. Что вы считаете «достоверными источниками», которые «спецы» норовят засекретить?

– Тут нет единого ответа. К примеру, есть такой «достоверный источник», как мемуарная литература, но стопроцентно «достоверной» она тоже быть не может по целому ряду причин. Есть даже такая поговорка: «Врет, как очевидец». Мы будем с вами присутствовать на одном и том же событии, и вы расскажете о нем иначе, чем я. Ведь люди разные. Каждый человек воспринимает события через призму своего индивидуального опыта, мировоззрения, психики... Поэтому тут, если хочешь что-то кому-то доказать, подходить к делу следует комплексно: рассказы нескольких свидетелей того или иного события, по-разному запечатленные, всегда дадут объемную картину. Эта объемная картина и есть «достоверный источник». Поэтому абсолютно полное засекречивание документов невозможно.

– Не кажется ли вам, что заканчивать историю России 2009 годом несколько некорректно: документы «достоверны», участники событий, «отрабатывая» свою карму, готовы повлиять на оценку событий. Приближение Большой истории к сегодняшнему маленькому дню влияет и на национальный вопрос. Вы же понимаете, что таких вопросов не избежать в многонациональной стране.

– Не вижу здесь проблем. История всегда доводится до максимально приближенного к сегодняшнему дню времени. Чем ближе к сегодняшнему дню, тем больше живых свидетелей. Да, они имеют возможность влиять на интерпретацию. И что? Вопрос не в том, до какого года довели свое учебное пособие авторы, а в том, как они это сделали. У меня претензии исключительно к содержанию учебника, к его качеству. Что касается «национальной» части вашего вопроса. В одном Дагестане у нас больше ста

национальностей. И что, теперь мы будем перечислять, представители какой из них где и когда какой пост занимали, сколько из них воевало, сколько погибло, сколько получило орденов Героев СССР? Почему именно столько? А всем ли национальностям в равной степени давали ордена на разных этапах войны? Чему учит это учебное пособие будущих историков? Вдовин и Барсенков, перечисляя дезертиров с фронтов ВОВ и останавливаясь на чеченцах, дают цифру, которой нет основания доверять. Первая же цифра, по которой у коллег авторов возник вопрос, оказалась непроверенной. Если так, нет доверия ни к одной цифре. Но даже если б оно и было, зачем об этом писать: для того, чтобы унижить, показать мнимое превосходство одних наций над другими? Если господа Вдовин и Барсенков задавались целью разжечь национальную рознь, то их учебное пособие этой цели достигает.

– В связи с выходом в свет учебного пособия «История России. 1917–2009» президент ФЕОР Александр Борода направил письмо на имя ректора МГУ Виктора Садовниченко. По этому поводу в еврейской среде разные настроения, есть и такие: к чему было злить оголтелых нацистов? Вот и в блогах уже откомментировали: «Кто такой Александр Борода, чтобы определять, какой должна быть Россия? Почему мы должны обращать внимание на жидовские “хотелки”? Бороде хочется указать путь на историческую родину»...

– Вы зачитали мнение мерзавца и фашиста. Такие люди есть, их достаточно много, но мнение их учитывать нельзя: все равно они в нашей огромной стране – маргиналы. Лично меня мнения подонков не интересуют. Александр Борода – гражданин России, следовательно, имеет право высказываться, как миллионы других граждан России всех национальностей. Меня всегда поражало, откуда у агрессивных националистов такая уверенность в чистоте своей крови. Может, за печкой у бабушки кто-то «нечистокровный» ночевал? Ведь «чистокровных», строго говоря, вообще нет. У нас ни один царь не был чистокровным русским. Если мы все время будем думать, как бы нам не разозлить юдофобов, это может привести к страшным последствиям, через которые человечество уже проходило. Тем более что разозлить их нетрудно. Они в принципе закомплексованные и злые люди. Нельзя свою позицию ставить в зависимость от позиции этих людей.

ДЛЯ ПРИСТРАСТИЙ — НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аёяя × аёёяяа çääяфйёёё îöäëîî îîëëòëëë ÈÄ «Èîî î äîäîî ò Û»

– Может ли история быть этичной или неэтичной?

– На мой взгляд, научная и учебная литература не место для выражения эмоций и пристрастий – для этого есть публицистика и научно-популярная литература. В учебном пособии должно приводиться максимально возможное количество статистики и неоспоримых фактов. Все остальное – трактовки. Задача авторов учебного пособия привести все существующие версии и объяснения или сослаться на соответствующую спецлитературу. Учебное время студентов должно тратиться на получение знаний и навыков сбора информации, а не на идеологические искания, которыми студенты вправе заниматься в свободное время. Если студент делает выбор на основании учебника, это плохой студент, которому лень проверять единожды прочитанное и самому искать информацию по интересующему его поводу.

– Если студент истфака изучает историю не по учебнику, то рано или поздно перед ним откроется деформация определенных событий. Как защититься от такого «деформированного прошлого»?

– Я окончил истфак МГУ и твердо убежден в том, что учебник – только одна из книг, которая должна быть прочитана при изучении определенного исторического периода. Чем больше литературы, тем лучше. Человек, взявшийся изучать историю, должен быть готов к знакомству с фактами. Это сродни профессии врача, который вместо того, чтобы любоваться человеческим телом, изучает его во всех подробностях. Тот, кто хочет романтики, может наслаждаться «Песней о Роланде», а историк обязан знать, как строилась империя Карла Великого на самом деле и кем были его паладины. Не думаю, что может быть какой-то иной подход и к историческим событиям более позднего периода. И уж точно не может быть фактов, закрытых для обсуждения, или фактов, которым изначально дается некая оценка, которая априори не может быть оспорена. Это даст куда больший негативный эффект, чем самое пристрастное обсуждение исторического события.

– При нынешнем состоянии исторического сообщества на том же истфаке МГУ любая сталинистская, да хоть и фашистская, стряпня может получить гриф «УМО»: нет достойной корпорации, которая сама следила бы за порядком, нет понятия репутации и общественного консенсуса. Ректору МГУ, видимо, пора проявить себя настоящим русским интеллигентом – принять решение, достойное компоновщиков исторических сюжетов...

– Не готов давать оценку учебному заведению, которое окончил пятнадцать лет назад и с которым не очень-то поддерживаю связь. Однако я знаю, что на факультете по-прежнему работает множество достойных ученых, которых я помню по временам учебы. У ректора МГУ есть только один шанс проявить себя настоящим русским интеллигентом – не предпринимать никаких административных шагов. Прецедент репрессий – слишком дорогая цена за победу над идеологическим противником.

– Николай Сванидзе высказался по поводу учебника: «Учебное пособие, о котором идет речь, сталинистско-ксенофобское. Его защищают люди, которые придерживаются тех же взглядов». Имеет ли историк право задавать направление общественной памяти или играть на настроениях определенной прослойки общества?

– Если историк представляет монографию или учебник, он обязан быть беспристрастным. Когда речь идет о публицистике или научно-популярной литературе, он имеет право на пристрастия, обращение к определенной части общества. Милуков был и историком, и политиком, но умел разделять два этих состояния. Историк ни в коем случае

не имеет права на вранье, сознательное передергивание фактов. В противном случае он должен быть готов к тому, что его коллеги выступят против него. Однако оговорюсь: со словом можно бороться только словом, статьям и книгам могут быть противопоставлены только статьи и книги. И принципиально важная задача: сделать так, чтобы у всех была возможность высказаться. Что касается откровенных околоисторических выдумок, то их просто нельзя классифицировать как научную или даже научно-популярную литературу. В силах историков сделать так, чтобы подобного рода книги проигрывали в глазах читателя качественной литературе. (К сожалению, научные дискуссии у нас слишком легко сваливаются на уровень общественно-политической истерики.) В настоящей истории много по-настоящему захватывающих сюжетов.

Придем ли мы когда-нибудь к верной трактовке исторических явлений, если будем игнорировать тот факт, что «при сплочении малых групп в целое они могут и не утрачивать своих отчетливых различий» (Хосе Ортега-и-Гассет). Судя по труду А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова, верное толкование истории нам пока что не грозит: историки не оставляют шансов представителям малых групп оставаться теми, кто они есть, следовательно, ни о каком державном сплочении речь тут не может идти, сии мужи ученые если и дошли до чего-то серьезного, то это все то же вековое/веховское «начало конца» русского интеллигента: однажды уже вострубившего «сущую правду» в преддверии смут и революций

עֵץ אֶזְרָאֵל יִבְאֲדוּנֵי עֵי יִיָּוֵה...

Ėpæ, āāū, ôèëü ...

Читая в газете «Еврейское слово» и в журнале «Лехаим» статьи Давида Маркиша, всегда вспоминаю эпизод далекого 1944 года.

На киностудии «Союздетфильм» шли съемки детского фильма «Слон и веревочка». (режиссер И. Фрез, оператор Г. Егиазаров, сценарий А. Барто). Я была помощником режиссера. Содержание фильма простое: во дворе все девочки прыгают через веревочку, а у маленькой Лидочки ничего не получается. Мальчик Юра любит все менять: дымовую шашку на каску, каску на рыбок, шапку на оленье рога и т. д. Во сне Лидочка попадает в зоопарк, где слониха говорит: «Чтобы все получалось, надо делать добрые дела». И как в сказке, все кончается хорошо. Роль Лидочки исполняла Наташа Защипина, а роль Юры – Давик Маркиш. Давик был сыном известного политического деятеля и поэта П. Маркиша.

Красивый и воспитанный ребенок, он быстро стал любимцем съемочной группы. И даже не потому, что Давик был обаятельным ребенком, – в нем была удивительная душевная теплота к взрослым людям, не особенно свойственная маленьким детям. Однажды, во время труднейших съемок с участием большого количества зверей, я настолько увлеклась, что забыла выйти из кадра и режиссер на меня накричал. Отойдя в сторонку, я заплакала от обиды на себя, на режиссера и на весь мир. И вдруг чувствую – чья-то ручонка сзади гладит меня. Это был Давик.

– Норочка, что ты обижаешься? Ты посмотри, как сам Фрез волнуется!

В сцене «Лифт» Давик остановил съемку, подбежал к режиссеру и тихо сказал Илье Абрамовичу:

– Вы забыли снять, как я зашел в лифт, а уже снимаете, как я в лифте.

Режиссер объяснил ему особенности кинопроизводства. Всех поразило, с какой недетской тактичностью, тихо, боясь обидеть режиссера, он это сделал.

Оператор картины Егиазаров научил Давика нескольким простым фокусам. Восторгу и радости ребенка не было предела. С тех пор Давик считал оператора своим лучшим другом, а я стала лучшей подружкой. Благодаря общению с Давиком я поняла, что ребенок четырех лет уже личность и с ним можно разговаривать и беседовать, а не сюсюкать. Давика огорчало, что он играл плохого мальчика. Однажды он сказал об этом режиссеру. Илья Абрамович серьезно и подробно объяснил ему характер и поступки его героя. После беседы режиссер уже не делал ему замечаний и Давик самостоятельно играл роль мальчика Юры. А в остальном Давик был как все дети: во время перерыва бегал, веселился, играл. Когда выдавался перерыв между съемками эпизодов, дети-актеры окружали оператора Гогу Егиазарова, который рассказывал им смешные истории и показывал фокусы. Однажды во время такого веселья Давик вдруг увидел костюмершу, несущую узлы с костюмами. Он подбежал к ней, донес узелок до места и снова побежал играть с детьми.

Нашего героя всегда сопровождала его мама, удивительно красивая женщина, которая умела вести беседу на любую тему. Каждому хотелось с ней пообщаться, и она с каждым, будь то директор или осветитель, находила общий язык.

С завершением съемок все разошлись «по своим квартирам», но поначалу перезванивались. Шло время, многое изменилось в семье Маркиша, тяжелейшие годы и трагедия не обошли эту семью.

Я стала художником по костюмам и как-то по делам картины поехала в Ялту. Было начало мая, море и небо были серыми, беспрестанно лил дождь. Но когда выдался первый хороший день, я сразу пошла в кафе на набережной. Не доходя до кафе, слышу:

– Норочка, Норочка! Да это же Норочка!

И ко мне идет красивый молодой мужчина. Обнимает меня:

– Да я же Давик, Норочка!

Следом подошла его мать, Эсфирь. Она осталась такой же красивой. Казалось, ничего в ней не изменилось, но глаза... Все, что она пережила, было в этих глазах.

Теперь каждый день после работы я поднималась в Дом творчества писателей и проводила вечера с милыми Маркишами. Когда настал день моего отъезда и они меня провожали, мы, конечно, пообещали друг другу встретиться в Москве. Но у меня было чувство, что мы видимся в последний раз.

В 1972 году Маркишам наконец разрешили уехать в Израиль.

Давид Маркиш несколько раз приезжал в Москву по издательским делам. В первый его приезд меня не было в Москве. А в следующий я вдруг подумала, что он помнит меня молодой, веселой и пусть я и останусь в его памяти такой же. Я тоже буду помнить его очаровательным ребенком и молодым красивым мужчиной.

Спасибо Давику: я научилась уважать в ребенке личность. Спасибо Эсфири: как она, я научилась разговаривать с любым человеком на любые темы.

Í îðà Áîëëîíàî à Ì óëëáð, Í îñëàí

Áû ÷èòáëë? Áîðëñ Ëëëí. Ëîðîòéàÿ îàì ÿòü // 2010, 1 7

Реакция. Неужели вы и вправду верите, что с помощью «общественных и религиозных организаций, еврейских в частности» можно оказывать давление на государство, которое не собирается ловить военных преступников? Во мне болит все то же самое – уничтожение шести миллионов ни в чем не повинных людей и культуры, ими созданной. Культуры, которую нам уже не поднять. «Были и вовсе необъяснимые ситуации. В Любавичах, где почти все евреи оказались истреблены, местные жители рассказывали мне, как после войны объявился в селе человек, в котором опознали карателя. Писали и в КГБ, и в ЦК КПСС, но его так и не тронули, дожил спокойно до глубокой старости». Боюсь, что разгадка до крайности проста: такое не раз уже случалось в истории человечества. Ни расчет, ни усилие воли не спасут и не выправят нашей судьбы. Но лишь вера и любовь к ближнему. Без веры ни один народ не устоит. Мне нравится статья Клины, хотя раньше, казалось, я была совершенно не способна смотреть

на мир с точки зрения национальной. Нравится еще и тем, что речь в ней идет, помимо исторического прошлого, и о сегодняшнем нашем существовании, а более всего – о будущем, в котором и урок, и наши корни.

Ἀὐτὰρ, εἰ ὀπίσσω

РАДОСТЬ

Àðåáàéé Èíáàéù àí

Òðááíæáíáí Ìáíáíáéí Ìíòù æåòù çáéíéááí Ìáíáí áðáí áíáí è èááù è, Ìáíáí ðááííòù è Ìáíáíéíóíé òíðíí Ìòðáííáí Ìé ðáððéòíðéé, è Ìðííðáííòáò Ðáéíéíáí Ìááà. Èíááà Ìçááé Á-Ìííáí Á-á-áéíáéá, Ìí ááíóéé áí ó á Ìíçáðé áíðáíéá æéçíé. «Ì á Ìòáééá áí-Ìííðé óæá éááíí / Ì Ìá áíðáíéá, Ì Ìá ðáíéí», - Ìéáçáé áéíááé «Çá ðááííòù ðéððá áíðáíéá è æéòù / Èíá, Ìéáæéòá, Ì Ìá áéááíáððéòíí» - Ìðííéé áéíááé. È áíá Ìðííé: «Ááí Ì Ìá ðáéí - ðíí Ì Ìá ááéáòù Ì Ìéí, / Ðáééí ááéííí è ðáééí Ì Ìéí?» È Ìáí æá Ìòááòéé: «ß è Ìáíáíéé, ÿ æá è ðááíóíé, / Á ðáí Ìéòá Ì éðá ÿ Ìá Ìáéííé».

Давид пляшет перед ковчегом.
Джеймс Тиссо.

1896–1900 годы

Удивительно! Райский сад вдруг превратился в темницу, а первый человек, садовник Адам, – в Йосефа, Осипа. Осип Мандельштам и библейский Йосеф в одном лице. Его бросил Потифар в темницу, но в темнице поэт не одинок, ведь написано, что «Г-сподь был с Йосефом» (Берешит, 39:21). И потому сказано в псалме: «И тьма не скроет меня от Тебя» (Теилим, 139:12). Но если человек сам и садовник, и цветок, то и в темнице он наедине с собой, сам себе составляет компанию. Сам себя он растит в Райском саду у истоков четырех рек. И нет другого Садовника.

А ведь в псалме сказано: «Насадивший ухо не услышит ли? Сотворивший глаз не увидит ли?» (Теилим, 94:9). Филон Александрийский в трактате «О земледелии Ноя» истолковал это так. Б-г, вспахав наше тело как тучную почву, насадил в нем растения полезнейшие: слух в ушах, зрение в глазах, нюх в ноздрях. И не только в Адаме насадил, но выращивает в каждом из нас. Саду же Он дал имя «Эден» – «Наслаждение». Это есть символ души, упоенной добродетелями, скачущей от избытка радости, пренебрегающей ложными благами. И о наслаждении этом царь Давид пел в псалме: «Наслаждайся Г-сподом» (Теилим, 37:4). Так писал Филон. А мы догадываемся, что за историю Филон имел в виду. Царь Давид скакал изо всей силы, когда несли ковчег в Иерусалим. Почти

голый он скакал перед ковчегом, в льняном переднике. Жена же царя Михаль, дочь Шауля, увидев эти прыжки, возмутилась и назвала мужа пустым человеком. Его поведение казалось ей неприличным. Ведь она ценила не истину, а видимость, искусство политики.

Видимость ценил и Йосеф Прекрасный, Йосеф Праведный, тонкий политик и любимец женщин. Потому и сказано, что отец его Яков подарил ему разноцветную одежду. По мнению Филона Александрийского, эта одежда – символ такой философии, которая считает высшими благами карьеру, богатство, здоровье и красоту. Братья же Йосефа, бросившие его в яму и продавшие его за двадцать серебреников, были, как считает Филон, привержены только добродетелям и только в добродетелях находили наслаждение. Ведь карьера, богатство и красота – вещи внешние, хрупкие и ненадежные. Какая же от них радость? Иное дело – блага души. Они зависят только от нас, они внутри нас. Когда Аарон видит брата своего Моше, он радуется в сердце своем (Шмот, 4:14). В самом себе радуется, добродетелью, праведностью наслаждается, а не внешними благами. Высшее же благо – познание Г-спода. Так в трактате Филона «О том, что худшее склонно нападать на лучшее».

По мнению Гегеля, отворачиваться от пестроты жизни, от разноцветья ее одежд – удел унылых стойков. Они и свободным считали любого, кто свободен внутренне, будь он хоть трижды раб и в оковах. У них «свобода самосознания равнодушна к любому наличному бытию». «...Стоицизм есть свобода, которая всегда исходит непосредственно из себя и уходит обратно в чистую всеобщность мысли и которая как форма мирового духа могла выступать только в эпоху всеобщего рабства, но и всеобщего образования...» Согласимся с классиком. Ведь и мы жили в эпоху всеобщего рабства и всеобщей образованности, писали статьи и читали толстые монографии, уходя в чистую всеобщность мысли. С переменой возраста и сменой эпох эту всеобщность мы утратили и разучились ценить, мы не хотим ее ценить. Нам подавай радость, как она есть, пусть даже придется занять у грядущих дней. Нам подавай не «темницу мира», а будущий мир, где Б-г устроит хоровод для праведников. Как сказано в конце трактата Таанит (31а): «В будущем Святой, благословен Он, устроит хоровод для праведников, сядет посреди них в Эденском саду, и все будут указывать на него пальцами, ибо сказано: “И скажет в тот день: вот Он, Б-г наш! Мы надеялись на Него, и Он спас нас! Это Г-сподь, мы надеялись на Него, будем радоваться, ведь Он спас нас!”» (Йешаяу, 25:9). В будущем весь мир станет Эденским садом. Вот только будущее не спешит наступить.

Утешимся же словами рава Нахмана бар Ицхака, которые завершают первую главу трактата Таанит (15а). Сказал рав Нахман бар Ицхак: «Не все – для света и не все – для радости. Праведники – для света, а прямые сердцем – для радости. Праведники – для света, ибо написано: “Свет посеян для праведников” (Теилим, 97, 1:1). Прямые же люди – для радости, ибо написано: “А для прямых сердцем – радость” (Теилим, 97, 1:1)». В этом мире праведники лишены радости – хватает им и света. А свет – это Тора, как сказано: «Ибо заповедь – светильник, а Тора – свет» (Мишлей, 6:23). Свет принадлежит ученикам мудрецов, которые учат Тору. Они и есть праведники.

Братья Ковельман (слева направо): Иосиф, Бенцион и Израиль.

1935 год

А кто же «прямые сердцем»? Это люди простые и неученые, такие, как тюремщик из Хузистана, что на юге Персии. Как-то раз рабби Брока гулял по рынку города Бей-Лефет в компании Элияу-пророка. Спросил он Элияу-пророка: «Есть ли на этом рынке люди, достойные войти в будущий мир?» Тут показался кто-то, одетый как язычник: в черных башмаках и без голубых нитей по краю одежды. «Вот человек, достойный войти в будущий мир», – сказал Элияу-пророк. Рабби подбежал к этому человеку и спросил: «Что за добрые дела ты делаешь?» Ответил тот: «Я тюремщик. В тюрьме я держу мужчин отдельно, а женщин – отдельно и свою кровать ставлю между ними, чтобы не было блуда. Если же замечаю, что иноверцы заглядываются на еврейку, то душу свою кладу, чтобы спасти ее». – «А почему ты носишь такую одежду?» – «Язычники не должны знать, что я еврей. Ведь я доношу мудрецам о жестоких указах язычников, а мудрецы просят о милости, и язычники отменяют свои указы». Тут Элияу-пророк показал еще двоих, кому суждено войти в будущий мир. Рабби Брока подбежал к ним и спросил: «Что за добрые дела вы делаете?» – «Мы шуты, шутками утешаем удрученных. Если же замечаем, что двое ссорятся, стараемся помирить их». Так в трактате Таанит, 22а.

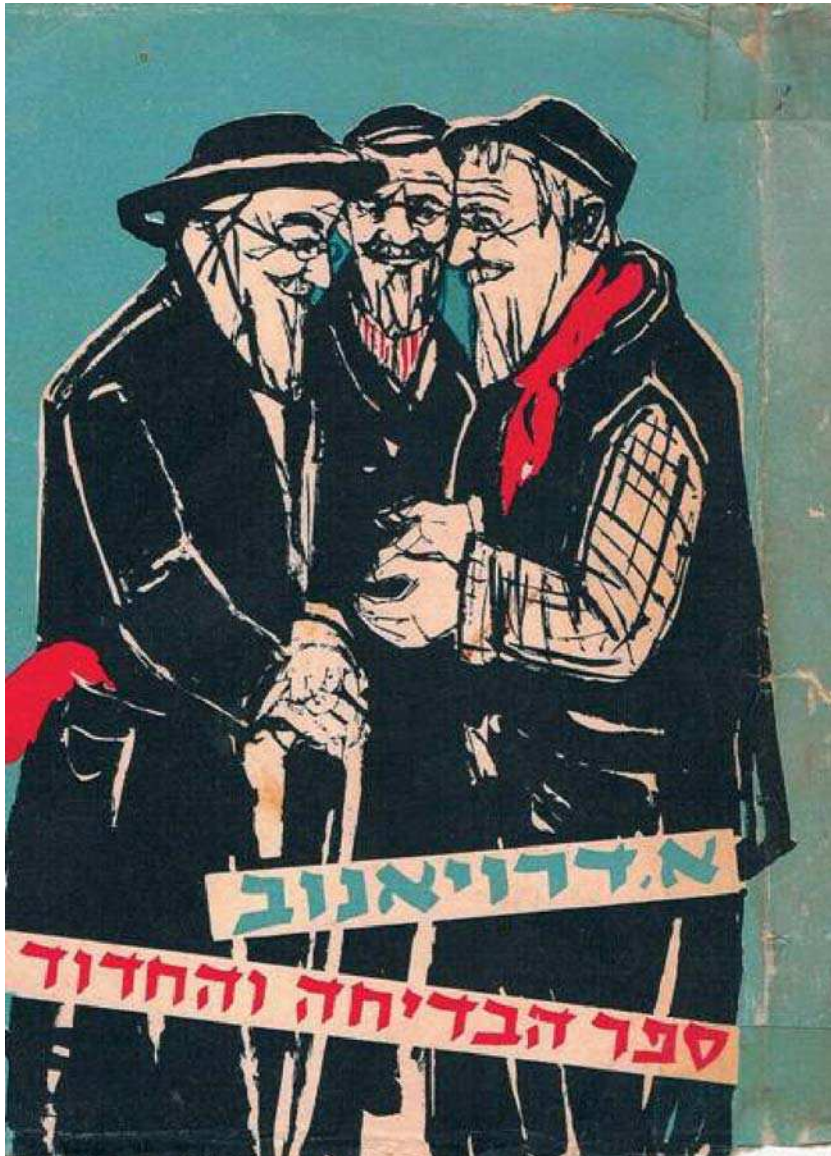
В «темнице мира» у кого ключи от радости? Конечно, у шутов и тюремщиков. Недаром о Йосефе сказано, что Г-сподь дал ему благоволение в глазах начальника

темницы. И отдал начальник темницы в руки Йосефа всех узников, и во всем, что они там делали, Йосеф был распорядителем. А почему праведники лишены радости в этом мире? Об этом я не хочу говорить. Что толку? Лучше расскажу о своем дяде Иосифе, младшем из трех братьев. Он был красив и хитер, мой дядя. Когда в Ханаане случился голод, Иосиф бежал в Египет и поступил во флот. В Умани, куда он приезжал на побывку, его называли «моряк». Член ЦК профсоюза водников, курсант академии – вот кем был Иосиф. В тридцать восьмом году он угодил в яму, стал простым кочегаром. Но поднялся и в годы войны кормил людей в блокадном Ленинграде. Спас от голода многих, в том числе своего друга, писателя Зощенко. И еще он был великим соблазнителем женщин. Я мечтал стать таким, как он, а не таким, как мой несчастный ученый дядя Израиль, старший из братьев. Конечно же, все вышло иначе. К старости я все более узнаю в себе отца. Отец глядит на меня из зеркала, и во взгляде его я читаю укоризну. Он был средним братом, и звали его Бенцион.

«I!», ÈÈÈ DÀCÌ ÛΘËÁÍ ÈΒ Î ÁÂÐÄËÑÊÎ Ì ÁÍÁËÄÎÒÁ

ÁÍÁ ÆÏËËÁ

В моем детстве анекдотничать было опасно. За это сажали. Но жить в мире советского абсурда, не высказав своего отношения к нему, было столь же опасно. От этого можно было сойти с ума. Особенно в еврейской среде, где безотносительно к советской власти условия проживания требовали освобождающей насмешки над окружающим миром. Да еще в Литве, где от 300 тыс. евреев после войны осталась едва ли десятая часть.

Обложка книги А. Друянова «Сефер а-бдиха ве-а-хидуд» («Книга анекдотов и острот»).

1951 год

Неудивительно, что еврейские анекдоты ковали по всему дачному фронту от Друскеник до Паланги. Ковали их и в городах, не прерываясь на зимний сезон, но делали это не в прослушивающихся квартирах, а во время променадов и моционов, к которым евреи имели тогда большую склонность. И хотя страх перед подслушивающими

устройствами КГБ был, несомненно, чрезмерным, он способствовал здоровому образу жизни, из чего можно заключить, что все к лучшему.

Эта талмудическая мудрость лежит в основе целой серии еврейских анекдотов. Вообще, нет еврейского анекдота, который не покоился бы на талмудической основе, заимствуя тематику и сюжет у агады и воспроизводя особую риторику алахического рассуждения, умелое подражание которой дает характерный юмористический эффект.

Но вернемся к кузницам еврейского анекдота и образу их действия. У каждой такой кузницы имелись свои легенды и свои герои, свои места сбора и свои профкадры. Впрочем, толковым специалистом могли пользоваться все кузницы разом – хороший анекдот облетал их за день, невзирая на отсутствие нынешних средств связи. Кадры состояли из: 1) начетчиков, в головах которых хранились огромные запасы анекдотной руды; 2) разработчиков, подвергавших руду переплавке, то есть актуализации в соответствии с новыми обстоятельствами; 3) рассказчиков. Порой кадры объединялись в одном лице, но чаще создание анекдота требовало совместных усилий, и целая компания работала над шлифовкой случайно вырвавшейся у кого-то шутки, чтобы довести ее до требуемого анекдотного блеска. Когда это получалось, анекдотное ПКБ дружно задирало указательные пальцы и объявляло: «О!» Более высокой оценки нельзя было требовать. Более высокой просто не существовало.

Есть мнение, что хорошо рассказать еврейский анекдот можно только на идише. Это не так. Мне довелось слышать и читать прекрасно составленные еврейские анекдоты на многих языках. Но порой еврейский анекдот действительно непередадим. Не из-за бедности или бледности языка, на который его пытаются перевести, а ввиду того, что в основе анекдота лежит еврейская традиция многовековой давности: письменная или устная, каноническая или апокрифическая, многоученая или фольклорная, но одинаково понятная каждому еврею, с этой традицией знакомому, и не понятная никому другому.

Еврейский характер анекдота зависит от энигматической субстанции под названием «еврейскость». Большинство евреев, воспитанных в еврейской культуре, знают, о чем речь, но точное определение еврейскости – дело непростое и вызывающее бесконечные споры. (Поэтому вызывает удивление попытка Екатерины Копылковой^[1] извлечь понятие о еврейской идентичности из еврейского анекдота, хотя без предварительного решения, что представляет собой эта идентичность, вообще невозможно классифицировать анекдот как еврейский.) На мой взгляд, еврейская идентичность, или, проще говоря, еврейскость, соответствует тому человеческому состоянию (*human condition* – по Ханне Арендт), какое возникает ввиду принадлежности индивида к евреям и еврейской культуре. Тогда еврейский анекдот – это короткое юмористическое произведение с неожиданной концовкой, созданное евреями, отражающее еврейское состояние и основанное на еврейской культуре. Совокупность всех трех критериев и является условием того, что анекдот может называться еврейским.

Я могу себе представить анекдот, созданный евреем, но не связанный с еврейским состоянием и не имеющий отношения к еврейской культурной традиции. Например, что-нибудь о скупых шотландцах или глупых милиционерах. Евреи по большей части не шотландцы и не милиционеры, но они – народ язвительный и склонный к сочинительству. Возможно, некий остроумный сын еврейской мамы нечто подобное и сочинил. Но еврейским такой анекдот не называют и не назовут.

С другой стороны, нееврей тоже вполне может сочинить анекдот на еврейскую тему. Но тогда это будет не еврейский анекдот, а анекдот о евреях, доброжелательный или

антисемитский. Правда, и еврей может сочинить весьма нелюбезный для евреев анекдот. Но – и это существенно! – еврейский анекдот, каким бы язвительным и метким он ни был, никогда не будет оскорбительным для евреев. Это, кстати, отмечает и Копылкова. Очевидно, ее, как и многих, заставляет недоумевать тот факт, что в сборники еврейских анекдотов на русском языке часто включают чисто антисемитскую продукцию.

Возьмем хотя бы книгу под названием «Тонна анекдотов еврейских от Трахтенберга»^[2]. Открываем наугад и читаем: «Доberman отличается от Либермана тем, что обрезан не спереди, а сзади». Или: «Если еврей говорит, что у него денег “в обрез”, значит, у него денег “до х...я”». И еще: «В Израиле выпущены танки “Абрамс” с обрезанным дулом». Ну, и чем эти произведения отличаются от старорежимных шуточек насчет обрезания, геббельсовских карикатур с обязательным денежным мешком в руках у крючконосового еврея или анекдотов про Абрашу, отсиживающегося во время войны в Ташкенте?!

Кстати об Абраше и его партнерше Саррочке. В СССР и Российской империи эти имена долгое время служили эвфемизмами, заменявшими на антисемитском жаргоне слова «жид» и «жидовка». Именно поэтому оба имени стали исключительно редкими среди российских евреев. Однако большинство сборников с подзаголовком «еврейские анекдоты» не брезгуют этим товаром. Неужели их составители не ощущают исходящей от таких анекдотов антисемитской вони, пусть даже только исторической?

И еще из той же области: много ли вам попадалось современных евреев, говорящих по-русски с идишским акцентом? И вообще, сколько российских или даже украинских евреев, знающих идиш, вы встречали? К сожалению, идиш как родной язык, или маме лошн, почти повсеместно исчез из обихода. Но тогда почему любой сборник еврейского юмора обязательно содержит анекдоты, весь смысл которых состоит в передразнивании якобы еврейского акцента и специфических неправильностей речи? Допустим, что некартавящего и не путающего падежи российского еврея эта насмешка уже не задевает, но неужели он начисто лишен исторической памяти? Ведь так издевались над его родителями и дедами! Между тем еврейский анекдот, если он действительно еврейский, бережно хранит историческую память и такую «оплошность», как «килька и тюлька вышли замуж за еврейскую рыбу и стали мойвой и сайрой», себе не позволит^[3].

Напомним, кстати, что еврейская традиция запрещает очернять человека в присутствии многих («лехашхир паним бенохавут рабим»). А поскольку среди слушающих всегда может оказаться человек с именем или фамилией персонажа анекдота, имена и фамилии произносить избегают. Типажи еврейского анекдота названы либо по профессии: пекарь, кузнец, аптекарь, адвокат, либо по существенным для анекдота

характеристикам: злая жена, глупый муж или муж-гуляка, бедняк, богач, скупец, разгильдяй и т. д. Надо сказать, что подобная деликатность способствует большей гибкости и многослойности текста. Есть все-таки разница между «кузнец сказал» и «Мойша сказал»: кузнец в еврейском фольклоре, как и в любом ином, личность инфернальная, а Мойша – он незнамо кто, незнамо для чего приплетенный к рассказываемой майсе.

Существуют, разумеется, особые случаи, когда анекдот приписывается определенному фольклорному герою: Гершеле Острополеру, например, или Мотке Хабаду. Тогда вполне употребительны обороты: «Гершеле спросил...» или «Мотке сказал...», даже если ни Гершеле, ни Мотке ничего подобного никогда не говорили. Имена собственные используются и тогда, когда они выполняют особую задачу. Например, допустимо приписать Ротшильду – собирательному образу еврейского везения и богатства – то, чего ни один конкретный носитель этой фамилии не говорил и не делал.

Полагаю, что можно допустить в категорию еврейских анекдотов и серию про Рабиновича, где имя собственное является эвфемизмом, удачно заменяющим слово «еврей». Дело в том, что и исторически фамилия Рабинович несла эту нагрузку, поскольку Рабиновичем, то есть «сыном раввина», иначе говоря, «еврейским ребенком», было принято записывать второго сына в еврейской семье. Первый сын оставался с фамилией отца, второй становился Рабиновичем – а в результате ни тот ни другой не подлежали призыву в армию, поскольку единственного отпрыска в нее не брали. Возможно, фамилия сохранила свое историческое значение и потому стала нарицательной.

А вот желание представить персонажа еврейского анекдота в виде безапелляционного грубияна, хама и даже матерщинника говорит о полном непонимании самой сути и стилистики традиционного еврейского поведения. Такое непонимание – то ли результат проживания нескольких поколений в нееврейской среде, то ли попытка подражать еврейским писателям-юмористам, а скорее Бабелю. Между тем язык и поведение еврейского бандита или биндюжника были ярким исключением из правил еврейского общежития, что Бабель, кстати, неоднократно подчеркивал.

А уж такие осмеиваемые качества, как особая еврейская жадность, скардность, неопрятность и недобросовестность в денежных делах, национальное коварство, агрессивность и желание присвоить себе все, что видит глаз, берут свое начало попросту в антисемитской пропаганде. Традиционный еврей и сегодня обязан жить по алахическим правилам, обязывающим его считаться с окружающими, исполнять заповеди и избегать наносить обиды ближним, поскольку не менее раза в году ему заповедовано просить прощения не только у Всевышнего, но и у обиженных соседей. Эти обиды Г-сподь простить не может, они отпускаются на земле. Поэтому традиционный персонаж еврейского анекдота отнюдь не агрессивен, а как раз напротив – нерешителен, осторожен и склонен к бесконечной рефлексии по любому этическому поводу. Таким играет современного еврея Вуди Аллен, таким изображают его еврейские писатели-реалисты. Так ведет себя типичный еврей Блум в «Улиссе» Джойса и так выглядит сборный галутный еврей в израильской литературе.

И все же для того, чтобы определить, какой анекдот может считаться еврейским, а какой нет, желательно обратиться к авторитетному источнику, каковым является трехтомная антология еврейского анекдота^[4], изданная Друяновым – еврейским антропологом, этнографом и писателем начала XX века.

Алтер-Ашер-Авраам-Аба Друянов родился в Вильне в 1870 году. Почти 20 лет он делил время между Палестиной и Одессой, а в 1921-м переехал в Палестину навсегда. Друянов хорошо знал русский язык, а также иврит, польский и немецкий. И разумеется, идиш. На этих языках он и собирал анекдоты и комментарии к ним. Поначалу собрание содержало только анекдоты ашкеназов, но за время жизни в Палестине Друянову удалось расширить фонд за счет анекдотов евреев Азии и Африки. Кроме того, ему присылали еврейские анекдоты из-за океана. Весь этот материал он перевел на иврит, тогда еще достаточно архаичный. И хотя друяновский сборник, называемый в обиходе просто «Друянов», считается энциклопедией еврейского юмора и служит основой для всех изысканий в этой области, как, впрочем, и подсобным материалом для профессионалов-юмористов, никто не решается произвести ревизию друяновского иврита, что затрудняет работу с книгой и ее перевод.

Три тома «Друянова» содержат свыше трех тысяч текстов, а также примечания, включающие результаты изысканий о происхождении того или иного анекдота. Этот комментарий является уникальным источником, не менее ценным, чем основной корпус. Отметим, кстати, что в собрании Друянова, по его собственным словам, есть еще два тома: около тысячи анекдотов, обозначенных собирателем как нееврейские, и примерно столько же анекдотов «неприличных», которые автор сопоставляет со знаменитыми немецкими шванками. Эти два тома никогда не были изданы – а жаль: знание того, какие анекдоты Друянов классифицировал как нееврейские и на каком основании, было бы весьма ценным для определения еврейского характера анекдота.

Друянов мог ошибаться относительно неповторимости сюжета или источника того или иного анекдота, в чем и сам признается. Компьютеров тогда не было, а штат сотрудников у него был самый мизерный (Друянов организовал издательство «Двир», где антология была издана и переиздается до сих пор). Поэтому трудно ожидать от этого собрания стопроцентной научной выверенности. Вместе с тем более авторитетного и тщательного подбора той самой анекдотной руды, на основе которой поколения евреев создавали анекдоты, соответствовавшие еврейскому положению в том или ином месте в то или иное время, пока не произведено.

Так что же сказано у Друянова относительно еврейского характера анекдота? Каковы были установленные автором критерии отбора и на чем они основывались? Не стану дословно переводить достаточно объемное введение, посвященное этой проблеме, отмечу только его основные положения.

Друянов объявляет неверным предположение, что еврейский анекдот обязательно связан с языком идиш. По его мнению, большая часть еврейских анекдотов

привязана как раз к ивриту. Обсуждая стиль еврейского анекдота, автор отмечает, что его язык располагается на грани между повседневной речью и книжным текстом, между идишем и ивритом. Этот пограничный язык Друянов находит стилистически сходным с языком талмудической агады, приперченной алахическим «пильпулем» (способ остроумной и хитроумной дискуссии по алахическим проблемам).

Друянов признается, что сомневался, не убрать ли при обработке анекдотов многочисленные арамейские обороты, но оставил их, поскольку а) в древние времена именно арамейский был языком улицы и б) при гораздо более поздних обработках именно эти обороты стали излюбленными у «амха», то есть еврейского простонародья. Следует отметить, что арамейский является одним из языков Талмуда, и задаться вопросом: не способствовала ли именно эта особенность – сосуществование в анекдоте парадного иврита, менее парадного арамейского и полагаемого жаргоном идиша – появлению языковых искажений при переводе еврейского анекдота на нееврейские языки? Не решили ли переводчики, что наиболее адекватным вариантом воспроизведения перепада стилей и смыслов окажется испорченный идишизмами русский? Но не станем забывать, что в традиционном еврейском анекдоте языковые погрешности исполняют только подсобную роль, никогда не являясь тем, что называют солью.

Вернемся к Друянову. Из сказанного им вытекает, что коллизия анекдота может быть заимствована у окружающих народов и приспособлена к еврейскому образу мышления, а типично еврейским анекдот делает способ его подачи, имеющий образцом талмудическую агаду. Приведем пример из антологии: анекдот за номером 43, к которому есть комментарий, где сказано, что очень похожая история рассказана В. Березайским в «Похождениях древних пошехонцев» (СПб., 1821). У Березайского содержание анекдота таково: шарлатан продает пошехонцам средство против блох, советуя высушить траву в печи, смолоть ее мелко-мелко, словить блоху за ноги или за плечи и насыпать ей порошок в рот или в глаза. Блоха либо охромеет, либо заболит, либо умрет ужасной смертью. Все.

А теперь приведем еврейский анекдот на ту же тему. Гершеле предлагает легкомысленной девице порошок от блох и объясняет: «Как только поймашь блоху, насыпь на нее порошок, она тут же умрет». Девица недоумевает: «Если уж я поймаю блоху, зачем мне порошок? Я ее к ногтю, и конец». «Ну, если ты ставишь вопрос таким образом, – отвечает Гершеле, – знай: когда речь идет о блохе, разрешается и к ногтю».

Друянов не указывает, откуда взял свой анекдот Березайский, то есть нам неизвестно, кто у кого скопировал сюжет, но смысл анекдота в одном случае явно нееврейский, а во втором – исключительно еврейский. Ну, что, скажите, еврейского в том, что некто пытается продать дуракам-пошехонцам ненужную траву? Ничего. Перед нами анекдот как анекдот, который годится для высмеивания дураков любой национальности. А в еврейской версии мы имеем дело с алахическим поворотом, не оставляющим сомнения в национальной принадлежности этой шутки юмора: Гершеле употребляет слово «разрешается», «мутар», придавая своему ответу традиционную форму раввинского решения вопроса. И стержень, пуант уже вовсе не во втюхивании дураку ненужного ему товара, а в псевдоалахическом решении: имеет ли еврей (еврейка) право убить блоху тем или иным способом. То есть налицо привычная для еврейского анекдота насмешка над алахической схоластикой.

Отметим еще и то, что Друянов был маскил, и собрание отражает его идейные пристрастия. Туда вошло не так уж много анекдотов, имеющих чисто схоластическое значение (такие анекдоты, возникшие в религиозной среде, практически непереводимы, но именно их еврейская «первозданность» вызывает меньше всего сомнений), а в тех

случаях, когда анекдот отражает споры между ортодоксами и маскилим, у нас не возникает сомнения, на чьей стороне находится рассказчик.

Подытоживая свой опыт в определении аутентичности еврейского анекдота, Друянов подчеркивает, что у знатока этой материи вырабатывается особое чутье. Поэтому, пройдя стажировку у специалиста и пользуясь всем предложенным им инструментарием, попробуем оценить три современных сборника, выпущенных в России: два уже упоминавшихся (от Трахтенберга и от Хайта с компанией), а также «Озорные еврейские анекдоты от Лензона»^[5], применяя один-единственный критерий: имеем ли мы дело с действительно еврейскими анекдотами?

Отметим сразу, что все три сборника состоят примерно на две трети из «потомков» анекдотов «от Друянова». Разумеется, большая часть их актуализирована, то есть рассказана в современной манере и с соответствующим изменением сюжета. Но только в анекдотах от Лензона эти изменения вполне соответствуют еврейскому духу, ведущему себя на страницах этого сборника в полном соответствии с принятыми в еврейской среде этическими нормами. Кстати сказать, не совсем понятно, почему составитель назвал эти анекдоты «озорными». Возможно, его еврейский нос учуял легкий антисемитский душок, исходящий от некоторых текстов, и по этой причине автор решил укрыться за ограничительным названием.

Что до двух других сборников, я бы не стала называть большинство включенных в них анекдотов еврейскими. Правильнее было бы назвать их анекдотами про евреев или анекдотами советских евреев. Последнее название придало бы изданиям дополнительный смысл, поскольку жизнь советских евреев, на семьдесят лет оторванных от еврейской культуры, была абберацией еврейского образа жизни. Будет искренне жаль, если память о тех законах, по которым жила эта общность, полностью испарится и новое поколение российских евреев, приобщающееся нынче к традиционному еврейскому мышлению и мироощущению, затруднится понять суть столь любимого мной анекдота той поры о заветном сне исключенного из партии Рабиновича: Моше Даян во главе победоносного ЦАХАЛ едет по Красной площади и говорит Брежневу, подносящему ему ключ от Москвы: «Что ты суешь мне это железо! Ты лучше Рабиновича в партии восстанови!»

^[1] Копылкова Е.А. *Психология еврейского анекдота*. М.: Дом еврейской книги, 2009.

^[2] СПб.: Астрель-СПб., 2006.

^[3] Пример взят из сборника: *Еврейские анекдоты навсегда от А. Хайта, А. Левенбука и Ю. Григорьева*. М.: АСТ; Зебра-Е, 2007.

^[4] Сефер а-бдиха ве-а-хидуд («Книга анекдотов и остроумия»), т. 1–3. Тель-Авив, 1935–1938.

^[5] М.: Рипол классик, 2009.

ḌĪ ḤÀ ÈÈÁÁÍ Á

Áeáí à Ìeì íí

Ḑáñòeááñyòúá Ī áeáíúeáý áááí-èà íḑíḑíáèò íí áááííí ó eááḑòáeó ḥaeííá Ūáeü.Ááeáá. Ḥááýáúúáááò á eááeé ḑíḑááááá ḑúáíé, éḥáááñy íáḑeáí óḑíáíé :áeóúe. Ḥáí eḑááò, íááéḥááý, eáé ñòáeéíááá áúáááááò íḑíḑá-íúá eáḑḑeé eḥ ḑáḥíḑóááóííá ñòáeéá Áíé í áíé ááá eááí-éé, ááá ííeḑúááḥòñy íúeüḥ ñááááíúá íeáòúy - áúá íáñéíḑí ííà ñòáíáò eó íḑeíáñyòú. Èeííòááòḑ, á eíóíḑí ḑááíòááò áḑúá áááí-ééííá íòóá, - íí ííḑeóííúeó íḑíḑíeááò á ḑáí íúé ḥáé áááí-éé é áí ñááḑáḑ... Ḥáó-áò ḑáḥíúá ýḥíeé: áḑááíeéé, eáeó, ááí-áíeéé, ííeüñeéé, ḑáñíeéé é ááeá áḑáí áeíeéé. Áá-áá, í áòúí áááí-éé - eḥ ýeḥíòe-áíeíé íáúeíú Īáeáeááí, aeéáeáé ñ áeóáíeíé áḑááííñe é á ḥḑááò íá áḑáí eóá Eḑáeá, Ḑoḑḑeé é Áḥáááeáeáí á é ñúí ááeáé ñḑḑáí eóúí ḑáḥá áíḑí úé áḑáí áeíeéé ýḥíé. Á íòáá - eḥ íḑaeḑáñí íá áíḑíáá Ñáeííeéé, íí ḑáḥá ááḑeáááò ñáí-éíé íá áeááḑíáíí eáeéíí...

Это новый роман Леи Эйни «Роза Ливана»[\[1\]](#), восьмая книга прозы автора и первое ее автобиографическое произведение. В заключении жюри, присудившего Эйни престижную премию Бялика, говорится: «Это многоплановый роман воспитания, сложный, многоязычный, неожиданный, в котором сделана смелая попытка дать право голоса тем, кто до сих пор не имел возможности высказаться» (видимо, речь идет о выходцах из восточных общин).

Такие тексты принято именовать «путешествием по собственной памяти». По правде говоря, увлекательным это путешествие можно назвать только с большой натяжкой. Есть живые куски, сцены, отдельные сюжетные нити – но в единое повествование они никак не складываются. Целостного сюжета нет, да и не было попытки его создать. Зато, бесспорно, удалась попытка воссоздать сознание современного светского израильянина, терзаемого подлинными и мнимыми ранами, прошлым и настоящим.

Не всегда зарисовки квартала Флорентин красочны и живописны – чаще они мучительны и гротескны. Главный герой воспоминаний, отец, из вечера в вечер рассказывает дочке жуткие истории о своем прошлом. Поезд мчится в Аушвиц, люди постепенно умирают, и подростку наконец-то удается, впервые за несколько дней, присесть на что-то мягкое – на труп. Селекции. Непосильный труд, мучительный голод, страх, побои и унижения. «Сегодня я расскажу тебе, доченька, как я оглох на левое ухо». С детства Лея знает, что на нее возложена особая задача. Ее братья и сестры должны всего-навсего жить и рожать детей, она же обязана, когда вырастет, рассказать людям историю своего отца, историю гибели салоницкой еврейской общины.

Образ отца – привлекательный и отталкивающий одновременно. Он мученик и мучитель. Первое, что он делает, ступив на землю Израиля, – покупает на последние деньги птичью клетку. Птицы в клетках становятся единственным украшением его убогой квартирki. Это не деталь мещанского уюта, а грозный знак того, что все повторяется: бывший узник, теперь он наслаждается пением несчастных канареек, неизвестно за какие грехи заключенных за решетку. А когда дочка подрастает, то становится объектом кровосмесительных отцовских притязаний. Они не заходят далеко, но оставляют еще один шрам в душе девушки. Ее добрый и надежный отец – маньяк и насильник, несчастная жертва – и палач, узник – и тюремщик. Можно ли выйти из порочного круга этих противоречий?

В интервью по поводу присуждения «Розе Ливана» престижной премии Бялика Эйни говорила: «Видите, вот здесь, напротив, уже уселся Фрейд с победной улыбкой. Но он зря празднует. Отец дал мне материал для историй, но нельзя сказать, что благодаря ему я стала писательницей. Если бы это было так, я написала бы эту книгу давным-давно. Но чем старше я становилась, чем больше вглядывалась в многоцветную жизнь за стенами нашего угрюмого, печального дома, тем меньше мне хотелось принимать на себя эту роль. Потому что это означало смерть. Везде, всюду одна только смерть. Повседневный, всепроникающий ужас. Мой отец был жертвой в полном смысле слова, но я сказала “нет” этому пафосу жертвенности. Я хотела жить... Если память народа изуродована страданиями и смертью, если он принимает на себя историю предков (а это именно то, чего мой отец добивался от меня) – тогда им завладевает страх. Постоянный, неотступный страх. Со времен ливанской войны мы пытаемся освободиться от этого страха, затеявая всё новые войны. Последняя война, в Газе, была воплощением абсурда: попытка поправить ущерб, нанесенный предыдущей войной, с помощью новой войны. Если мы перестанем мыслить стереотипами и взглянем на все это со стороны, мы увидим, что это совершеннейшее безумие. Мы просто не даем сами себе шанса жить нормально».

Прочитав это интервью, я задумалась: я-то как раз полагала, что операция «Литой свинец» имела своей целью положить конец минометным обстрелам юга Израиля и именно что дать жителям Сдерота и Ашкелона шанс пожить нормально. Я преподавала в колледже «Врата Негева» в Сдероте несколько лет перед войной, и ситуация, при которой преподавателю и студентам то и дело приходилось стремглав нестись в бомбоубежище, казалась мне весьма далекой от нормальности – так что приходилось только удивляться, почему войны пришлось ждать долгих восемь лет. Отчего же у нас настолько разные представления о норме?

Мне кажется, «Роза Ливана» дает долгожданный ответ на этот вопрос, наглядно демонстрируя, как воспоминания о Катастрофе и впечатления от первой ливанской войны складываются в особый тип переживания и мировидения, характерный для израильских интеллектуалов конца XX – начала XXI века. Именно в процессе той войны оформилось пацифистское движение «Шалом Ахшав», многие члены которого и сочувствующие – дети евреев, переживших Катастрофу. Как ни странно, именно из этой среды вышли представители антиссионистской элиты, уверенные, что страх перед новым Холокостом, укоренившийся в подсознании израильтян, толкает их на новые и новые бессмысленные войны. С их точки зрения, никакой угрозы существованию Израиля нет и никогда не было, это миф, который препятствует достижению мира с нашими соседями, добродушными и простоватыми детьми Востока, которых мы бессовестно угнетаем и дискриминируем. Надо немедленно начать мирные переговоры, уступить решительно все, что от нас хотят, – и вот тогда мы увидим...

Это наложение первой ливанской войны на память о Катастрофе исследуется в замечательном фильме «Вальс с Баширом». Главный герой, ветеран ливанской кампании, мучается от кошмаров, порожденных резней в лагерях палестинских беженцев, пока наконец не добирается до психоаналитика и не задает ему вопрос: «Почему меня так мучает массовое убийство в Сабре и Шатиле? Ведь меня там не было! Никого из нас там не было! Никто из нас в этом не виноват. Почему же я чувствую, как будто виноват?» Психоаналитик отвечает: «Твои родители были в Освенциме? Были! Ну так чего же ты хочешь? Это чувство вины жило в твоём подсознании всегда, Ливан – это только триггер! Ты не просто боишься, что Аушвиц начнется снова. Еще больше ты боишься поменяться ролями с мучителями твоих родителей. Ты готов все в щепки разнести, разрушить себя самого и собственную жизнь, только бы не попасть на это место. Вот и все, больше там ничего нет...»

Но вернемся к роману. Сюжет, обрамляющий поток воспоминаний, разворачивается не в Ливане, как можно было бы подумать, а в больнице. Во время ливанской войны девушка, которая служит в армейском отделении связи, приходит в госпиталь и предлагает свои услуги по уходу за восемнадцатилетним солдатом-инвалидом по имени Йонатан, мозг которого поврежден настолько, что ему суждено провести остаток жизни в бессознательном состоянии. Единственное слово, которое он в состоянии произнести, – «Мейрав», имя подруги, ни разу не пришедшей его навестить. Дело в том, что этот солдат – вовсе не инвалид войны, а неудавшийся самоубийца, выстреливший себе в голову перед самым началом операции в Ливане. Никто не может понять, зачем девушка, которая не была раньше даже знакома с ним, просиживает часы у его койки, рассказывая ему бессвязные истории о своем детстве. Но в ее глазах солдат, который ни минуты не воевал, – настоящий герой, а его нелепая попытка самоубийства – не проявление страха, а антивоенный протест. Такой же протест, как и ее стремление поддержать его своей нескончаемой исповедью...

Лея Эйни

«Эта книга, – говорит Эйни, – утверждает жизнь. Жизнь – это слушать и понимать». Звучит красиво, но неубедительно. Ведь единственный слушатель героини – бессловесный инвалид, который не слышит и не понимает ни слова из ее рассказов. Но это именно тот собеседник, который ей нужен. Претендующий на диалогичность роман Эйни удручающе монологичен, как вообще монологична израильская постмодернистская культура, при всех своих претензиях на внимание к «другому». В этих бесконечных монологах, обращенных к человеку, неспособному слышать, есть что-то маниакальное и насильственное, и в этом героиня – вполне дочка своего отца, жертвы и насильника одновременно. Видимо, здесь корень глубокой нелогичности, сказавшейся на всей

структуре этого романа. И это та самая безумная логика, которая породила такие важные факты израильской культуры последних лет, как фильмы «Бофор» и «Вальс с Баширом».

Героиня романа в больнице представляется всем как Веред (Роза), хотя на самом деле ее зовут Лея. Два имени героини – два пласта романной реальности: в одном Роза беседует с Йонатаном, в другом – протекает детство Леи. Это и два потока истории, две войны, неразрывно связанные друг с другом: вторая мировая и первая ливанская.

Фамилия раненого мальчика – Маром («возвышенный»), он бесспорно выше героини по социальному статусу: он из Иерусалима, из престижного квартала Рехавия, его мать – врач, отец – директор школы. А ее мать – безработная швея, отец так и не научился писать на иврите. У нее немыслимая, унижительная фамилия: «Эйни» (дословно: «не существу»). «Никто никогда не верил – ни дети, ни учителя. Читают список в школьном журнале и всегда спотыкаются: нет такой фамилии, не может быть такой фамилии! Наверное, здесь ошибка!» Действительно, когда-то случилась ошибка: чиновник, который выписывал Леиному отцу удостоверение личности, просто не понял, что тот пытался сказать – а хотел он сказать всего-навсего: я не понимаю. У Несуществующей Леи-Веред дикий комплекс неполноценности: «Я – черная дыра. Нечто рассыпающееся. Бестелесное».

Может, в этом разгадка странного выбора собеседника? Солдат, превратившийся в овощ, по статусу сравнился с ней, с Эйни! Таким удивительным образом девочка из хаотичной, распадающейся восточной семьи находит свой путь к ашкеназской элите. Вот ведь какой парадокс: есть люди, для которых антисионистский и антиизраильский нигилизм – это манера самоутверждения, способ добиться какой-никакой причастности. Ливанская война – исторический водораздел в оформлении этой новой идентичности.

[1] Лея Эйни. Веред а-Леванон. Кинерет Эзра Бейтан, 2010.

«ΑΕΘΑΘΕ – ΥΟΙ ΑΙΘΑΘ-ΕΘΑΘΕ»

Αιθαθό αιθαθ Ι εθαθε Ι αεθα

Α υοι αιθαθ επιτειγαθη 75 εαο ι αιυ διαααεγ ε 10 εαο ι αιυ ι αιθαθ ι υγα ε εδωιαεθα ι αιθαθαυ αιθαθ-αιθαθεια οτευειδα Αι αιθαθ Εθεθεο (ιι διαεγγ α 1935 αιθα α Οαιθαροα, α οι αδ α 2000-ι α Ι ιθαθ). Εγαθαευει-επιθαθαοαιθαθεε ιθαθε «(ιειοτε ιθαθε Αι αιθαθ Εθεθεο) αιθε θαθι αι ιι-οε αιυου εαο Ιαθα Ναιαυ α αι θα εαθ εγαυ οδε οτι α αιθαθ-αιθαθεο ιθαθε, Ιθαθε-αιθε αιθα θαθαοιε. Ι αιθαθεο εγαθαευειο ιθαθ ε ιθαθ ι ιγαθ οτευειδα αιθαθε εγδα ιθαθ «Εθαει α» ιθαθααε ι θαθαεοαιυι ε Ιθαθα Εαιθαθ Αοοθαεοι ε Αιθεεθι Εθεθεαυι (ιι ιι Αι αιθαθ Εθεθεο).

– В 1974 году в издательстве «Наука» вышел сборник «Золотой сундук» – народные сказки, записанные и переведенные на русский язык Амалданом Кукуллу. Первоначальный подзаголовок «Сказки горских евреев» в итоге, по условиям времени, превратился в «Сказки татов Дагестана». А в чем разница этих двух этнонимов, чем горские евреи, джугури, отличаются от татов?

Εαιθα Αοοθαεο. Судьбу этнонима «тат» подробно описал этнограф Михаил Членов. Впервые его использовал, насколько известно, основоположник современной азербайджанской историографии Аббас-Кули-Ага Бакиханов в 1844 году: «Таты – армяне и евреи – в течение времени смешались большей частью с мусульманами». Слово это тюркское, точная семантика не очень понятна, в некоторых наречиях оно означает «подданный», «слуга». Видимо, еще в раннем Средневековье так называли покоренных тюрками простолюдинов-земледельцев. С конца XIX века этноним «тат» закрепляется в русской литературе применительно к трем различным, хотя и родственным в языковом отношении этническим группам: горским евреям, ираноязычным мусульманам Северного и Центрального Азербайджана и Южного Дагестана (так называемые таты-азербайджанцы) и небольшой группе татоязычных христиан армяно-григорианского вероисповедания. Ни один из этих народов не пользовался и не пользуется словом «тат» в качестве самоназвания. Идеологический смысл термин «тат» приобрел только в конце 1920-х годов, когда он стал одним из инструментов в кампании по «деиудеизации» горских евреев.

До сих пор нет единой точки зрения, как и когда джугури («дагджууд» – от тюркских слов «даг» – «гора» и «джууд» – «иудей», то есть «горец-иудей») появились на Кавказе. Возможно, «виновником» был ассирийский царь Саргон II, переселивший в 721 году до н. э. большинство евреев Десятиколенного царства в Месопотамию, Хузестан и

Мидию. Другая теория связывает то же событие с вавилонским царем Навуходоносором. Средневековые арабские источники сообщают о наличии на территории нынешнего Дагестана многочисленного еврейского населения и синагог. С середины XIX века появляются научно достоверные работы по истории, этнографии, антропологии и фольклору горских евреев.

А.Е.Е. Е.Е.Е.А.А. Район традиционного проживания горских евреев – Северный Азербайджан и Южный Дагестан, откуда они расселились по всему Северному Кавказу. На 2000 год в Дагестане насчитывалось почти 15 тысяч джугури. В последние годы значительная часть горских евреев эмигрировала в Израиль, США, Канаду, а также – в связи с ситуацией в Чечне – обосновалась в Центральной России, в первую очередь в Москве, где в настоящее время существует многотысячная община.

– Какова история вашего проекта? Сейчас, насколько я знаю, закончено издание трехтомника сказок. Что на очереди, пословицы и поговорки? И когда ждать следующих томов?

Е. А. Проект «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» был задуман в 2001 году. Первый этап – издание сказаний и легенд горских евреев, обработанных и переведенных Амалданом Кукуллу, – почти завершен. В 2004–2008 годах вышли в свет три тома: «Сказания древнего народа», «Истории мудрого странника» и «Легенды народного сказителя». Уже первый из них вызвал значительный резонанс и удостоился почетного диплома Ассоциации книгоиздателей России как одна из лучших книг года. В настоящее время собран четвертый том, но из-за отсутствия средств назвать точную дату его выхода затруднительно.

В дальнейшем мы планируем подготовить как минимум два тома горско-еврейских пословиц, поговорок, клятв и пожеланий с параллельными текстами на джугури и русском, издать том стихов самого Амалдана Кукуллу (тоже на двух языках), выпустить его философские эссе и литературоведческие работы, а также воспоминания о нем современников. Кроме того, мы ведем работу с архивом Амалдана Кукуллу, особенно с магнитолентами, планируется их реставрация и перенос информации на современные цифровые носители. Это важно, поскольку их ценность не только в содержании, как таковом, но и в неповторимой фонетике рассказчиков.

А. Е. К сожалению, архив отца сохранился не полностью. В феврале 1983 года на нашей московской квартире был проведен обыск по делу о выпуске самиздатского альманаха «С русской Голгофы». В ходе обыска сотрудники КГБ конфисковали среди прочего и фольклорные записи, которые отцу так никогда и не вернули.

– Существуют ли другие собрания фольклора горских евреев? Использовали ли вы записи других собирателей или же «Золотой сундук» – «авторский» проект Амалдана Кукуллу?

А. Е. Разумеется, существуют и другие записи. Наиболее серьезный труд, «Фольклор тати», составленный Хизгилом Авшалумовым, был выпущен в 1940 году в Махачкале на фарси. Мы бережно относимся ко всему материалу, попавшему к нам. В этом году выходит книга «Фольклор моего народа», материал для которой собирал Рахамим Мигиров. Да и сам отец переводил сказания, записанные другими собирателями. Но все же Амалдану Кукуллу принадлежит безоговорочное первенство в сборе и систематизации богатейшего фольклорного наследия горских евреев. По его собственным подсчетам, он записал более двухсот народных сказок, не говоря уже о частушках,

пословицах, детском фольклоре, анекдотах и даже воспоминаниях. К тому же, работая с собранным материалом, отец создавал, по сути, авторскую сказку, уделяя внимание не только описанию кавказской природы и быта, но и переживаниям героев, их психологии. Он сравнивал фольклор нашего народа с заброшенным пустырем, который нужно вспахать, чтобы дать ему взрасти на пользу людям.

– Когда мы говорим «фольклор горских евреев», на каком слове правильное делать логическое ударение? По сюжетам, образности, героям, картине мира это фольклор в первую очередь горский, кавказский, или еврейский?

Э. А. Прекрасный вопрос, заслуживающий отдельной научной статьи, а возможно, и диссертации. Еще в середине XIX века один из первых исследователей горских евреев Иуда Черный констатировал, что джугури «отличаются весьма резко от всех своих европейских соплеменников нравами и обычаями, которые они позаимствовали у своих соседей – горцев, живя между ними в течение веков и даже тысячелетий». Историческая судьба джугури сложилась совсем по-иному, чем у евреев Европы, а фольклор – это во многом отражение судьбы народа. Да и влияния здесь были другие. Например, фольклор горских евреев многое позаимствовал из персидского, один из самых популярных и любимых горско-еврейских фольклорных персонажей – это шах Аббас I, правивший Ираном в XVI–XVII веках (любопытно, что некоторые сказители утверждают, со ссылкой на рассказы предков, будто род Аббаса – сефевиды – был из еврей [евреев], перешедших в шииты, и его отца звали Худо-бендо: Худо – горско-еврейское имя Б-га, а «бен» переводится как «сын»). Но мы уверены, что самобытное наследие горских евреев Кавказа представляет интерес не только для иранистов, но и для специалистов по иудаике и для лингвистов, изучающих индоевропейскую семью языков, ведь джугури – это, по сути, древний фарси.

А. Э. Как и сказки евреев-ашкеназов, горско-еврейские сказки часто смыкаются с притчей. В них, что характерно для еврейской сказки вообще, выделяются талмудический цитатный слой, библейские сюжеты и мотивы. Например, в сказке «Шах Аббас и пахарь» встречаем парафраз язвительных слов Талмуда: «Десять мер болтовни спустились в мир: девять взяли женщины и одну – все остальные»; в сказке «Рустам – сын Зола» с опорой на 37-ю главу книги пророка Йехезкеля описано воскрешение мертвых; в сказке «Кривой Якуб и шах Аббас» изложена история исхода из Египта.

Леонид Гутцайт

– Каковы основные отличия фольклора джугури от творчества других народов Восточного Кавказа?

Е. А. Не углубляясь в детали (в одном только Дагестане насчитывается более 30 «кавказских» национальностей и 14 государственных языков, включая фарси), можно отметить, что фольклор джугури на протяжении долгих веков сохранил свою самобытность и еврейскую идентификацию. Во многом это определялось компактностью проживания горских евреев и тем, что в основе некоторых фольклорных произведений – например, бытовых сказок – лежали реальные события и происшествия, которые, передаваясь из уст в уста, обрастая новыми подробностями, добавляемыми рассказчиками, превращались из были в сказку.

Д. К. Не только бытовые сказки горских евреев имеют свою специфику. Применительно к нашим волшебным сказкам Амалдан Кукуллу отмечал, что их зачины и концовки гораздо менее стереотипны, формульны, чем, к примеру, у русских сказок; большую роль играет импровизация, основанная, как правило, на повторе или параллелизме. Особо он выделял в этом отношении зачины печальных, трагических сказок: «Когда я рассказываю эту историю, камни трещат. Когда я рассказываю эту историю, горы дрожат. Когда я рассказываю эту историю, небо плачет. А вас я попрошу – наберитесь мужества и выслушайте до конца эту историю...»

Вообще, отличительной особенностью горско-еврейской сказки является непосредственное участие овсунечи (сказителя) в описываемых событиях. Он одновременно и действующее лицо, и комментатор, по ходу рассказа дающий свою оценку происходящему. Сказитель может не только морализировать или афористически подытоживать, но и, скажем, проклинать героев («Чтобы Б-г разорил его дом»).

– Есть ли в фольклоре других кавказских народов образ еврея и если да, то каковы его основные черты?

А. Е. В дагестанских сказках персонажи-евреи достаточно разнообразны. Одни из них совершают, как библейские герои, подвиги во благо народа, истории о других превращаются в фейерверк смешных казусов. Зачастую еврейские персонажи отправляются в соседние страны, города, аулы, селения – по торговым делам или просто «посмотреть, как живут люди в других местах», а потом, разбогатев, возвращаются и открывают «большие двухэтажные каменные лавки с семью дверями и с сорока окнами», где идет «бойкая торговля».

װױאַ םאַעֿןײַט אַאִי אַאֲדאַיִ יאַיַ םֿעֿןֿנֿואַ

אַעֿנֿעֿ םאַיַטֿעֿ

13 è 15 תאִי וַיֵּאדָוּ אַ יֵאדֵעאַ יֵדֵעֿנֿעֿנֿיִ אַאִי אַאֲדֵעֿעֿאַ אַיִנֿוֹ אַאֵעֿ. יֵאדֵעֿאַ - «יֵאִי יֵאֵאֵעֿאֵ םֿעֿיִוֹ םֿוֹדֵ םַאֵ םַאֵ םַאֵ םַאֵ אֵיֵעֿוֹיִנֿוֹ אַאִי אַאֲדֵעֿאַ, 1918-1938» («Renouveau de la culture Yiddish a` travers l'Avant-Garde, de 1918 a` 1938») - אַיַעֿאַ יֵדֵעֿנֿעֿאַיַט אַ אֲדַאיִ-יֵאֵאַ יֵאַ אֵעֿנֿעֿנֿעֿ םֿיֵעֿוֹ אַ םַאִי םַאֵ XXVI יֵאֵעֿוֹיִ אֲדֵעֿיֵעֿ םַעֿיִ יֵאֵאַ; אֲוֵיֵדָאָיַ - «אַיֵדֵעֿן אֲדֵעֿיִיִי. םַעֿעֿנֿעֿעֿ םַאִיֵדֵעֿ» («Boris Aronson. Der Yiddish teater»^[1]) - םַאִי אַיֵדֵעֿנֿעֿ אַיִיֵדָעֿ אַ אַאֵוֹ אַעֿאֲדָאָיַ םַאִי יֵדֵעֿנֿעֿיִיִ םַאֵיִ יֵאַ יֵאדֵעֿאַ, יֵאַ םַאִיִי אַאֲדֵעֿן נַאיִ ן, יֵאַ םַעֿעֿוֹדֵ םַעֿיִיִ ן םַעֿעֿנֿעֿ אַ (rue de Beaux Arts) םַאִי אַאֲדֵעֿיֵעֿ (rue Mazarine). יֵאַ יֵוֹ םַאִיֵדֵעֿעֿ םַיֵדֵעֿיִ ן אַאִיֵדֵעֿ נַאיֵדֵעֿ םַ םַיֵיִיִ םַעֿעֿוֹדֵ, אַעֿאֲדֵעֿיִיִיִ אַ אַעֿעֿוֹדֵ «יֵעֿיִיֵדֵעֿ», םַיֵאֲדֵעֿיֵעֿ נַאיֵעֿעֿיֵעֿ יֵאַ יֵאדֵעֿאַ םַ םַעֿיִיִ אַעֿעֿיִ (יִי .: םַעֿאַ יֵעֿאַעֿיִיִעֿאַ. נַעֿוֹ:אֵעֿ נַאיֵעֿדֵעֿ. םַעֿאַעֿיִ. 2009. ¹ 6).

Борис Аронсон. Восточный танец.

Фигура хасида. Эскиз костюма с элементами текста на иврите. Авангардный идишский театр. Нью-Йорк. 1927–1931 годы

На выставке Бориса Аронсона (1898–1980) представлены его эскизы костюмов и декораций для постановок еврейских театров Нью-Йорка, в которых он работал в 1924–1931 годах и приобрел известность как театральный художник. До переезда в Америку, в 1918 году, еще в Киеве, Аронсон был одним из основателей Художественной секции Культур-Лиги и выступал как теоретик еврейского авангарда. Поэтому некоторые его работы экспонируются также в павильоне галереи «Минотавр» в Гран-Пале вместе с произведениями его друзей и единомышленников Иссахара-Бера Рыбака, Натана Альтмана, Марка Эпштейна, Иосифа Чайкова, Роберта Фалька, Марка Шагала, Макса Вебера, сотрудничавших с Культур-Лигой в Москве, Киеве и Нью-Йорке. Таким образом,

обе выставки представляют собой единое целое и демонстрируют образцы еврейского художественного авангарда в книжной и станковой графике, живописи и сценографии.

Культур-Лига, основанная в Киеве в 1918 году для развития новой еврейской культуры на идише, до начала второй мировой войны была крупнейшей еврейской культурной организацией в Восточной Европе и некоторых странах Америки. Руководители и идеологи Культур-Лиги декларировали ее модернистскую направленность и видели свою основную задачу в развитии тех областей национальной культуры, в которых необходимы «поиск и эксперимент». Моше Зильберфарб (1876–1934), возглавлявший некоторое время организацию, подчеркивал, что Культур-Лига «не случайно связана с теми <...>, кто отказался идти старыми путями реалистического творчества». Такая направленность привлекала многих еврейских художников-модернистов, которые в своем творчестве стремились воплотить идеи «современного еврейского искусства», занимавшие видное место и в концепции новой национальной культуры Культур-Лиги. «Современное еврейское искусство», как представлялось, могло появиться в результате синтеза еврейского народного искусства («еврейского художественного примитива» – по терминологии того времени) с достижениями европейского модернизма (подобно тому, как в идеологии Культур-Лиги «новая» еврейская культура в целом мыслилась как результат синтеза новейших тенденций мировой и традиционной еврейской культуры). Эти представления нашли свое выражение и в экспозиции выставки в Гран-Пале: копии резных рельефов еврейских надгробий, выполненные Альтманом, соседствуют с авангардными композициями других художников, которые использовали в них мотивы еврейского народного искусства.

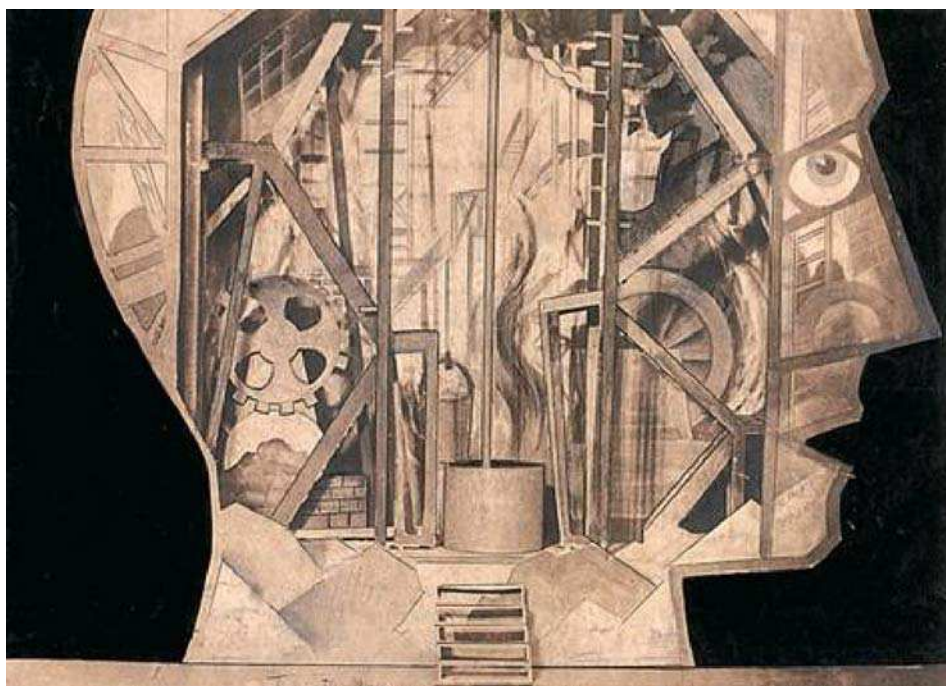
Иллюстрации Иссахара-Бера Рыбака в книге Мирьям Марголин «Сказочки для маленьких детишек». Издание 1922 года.

Сказка «Раввин и раввинша» Сказка «Добрая старушка в лесу»

Обращение еврейских художников к народному искусству, к еврейскому «примитиву» не только открывало для них возможности для выражения идей национальных утопий, но и становилось исходной точкой их художественных экспериментов. Один из ярких примеров таких экспериментов можно найти в «детских рисунках» Иссахара-Бера Рыбака (1897–1935), образцы которых представлены на выставке (иллюстрации к книгам Мирьям Марголин «Майселех фар клейнинке киндерлех» [«Сказочки для маленьких детишек»; Берлин, 1922]). В этих рисунках Рыбак впервые в мировой художественной практике использовал стилистику детского рисунка для оформления детской книги. Он руководствовался теорией иллюстрированной еврейской детской книги, сформулированной Йехезкелем Добрушиным (1883–1953; художественный критик, создатель оригинальных теорий современного еврейского искусства и еврейской иллюстрированной книги, в 1918–1919 годах был председателем Художественной секции Культур-Лиги). В статье «Еврейский художественный примитив и художественная книга для детей» (впервые напечатана на идише в августе 1919 года в журнале «Бихер-велт» в Киеве) Добрушин исходит из распространенных в его время представлений о детской психологии как «сказочной» и мифологичной, что является для него синонимом фольклорного. Поэтому он утверждает, что внутренний мир ребенка наилучшим образом «приспособлен» для восприятия национального фольклора, так как сам фольклор представляет собой «коллективное народное творчество». Опираясь на конвенциональные для своего времени педагогические и психологические теории, Добрушин вместе с тем приходит к новаторским выводам в теории иллюстрированной книги для детей. Находя «ясную наивность детской простоты» в еврейской народной пластике, он сближает «детское» и «фольклорно-примитивное» и указывает, что художнику при создании еврейской книги для детей необходимо использовать «еврейский художественный примитив». Для художественного метода Рыбака особенно плодотворными оказываются идеи Добрушина о цельности и «недифференцированности» личности ребенка и схематичности восприятия им действительности. Исходя из этого, Рыбак как бы реконструирует сам процесс детского творчества и так трансформирует мотивы и композиционные схемы еврейского «примитива», как, по его мнению, они должны были бы измениться в восприятии еврейского ребенка. Поэтому Левиафан

превращается у Рыбака в обычную змею, орел – в петуха, лев – в собаку, рыбы плавают в воздухе, а декоративные колонны из титульных листов «священных книг» дробятся и состоят из изображений предметов и животных, фигурирующих в оформленных им сказках.

Борис Аронсон. Эскиз декорации к спектаклю Еврейского художественного театра «Десятая заповедь» (1926) по пьесе А. Гольдфадена. Постановка Мориса Шварца

Свобода интерпретации мотивов еврейского народного искусства, «коллективного» и каноничного по своей сути, была неизбежным следствием индивидуалистической природы художественного авангарда. Для еврейских художников-модернистов национальный «примитив» являлся лишь одним из элементов их художественной программы. При этом модернизм в сознании многих деятелей еврейской культуры и еврейских художников-авангардистов оказывался не менее значительным, чем национальная традиция, и нередко объявлялся одним из главных атрибутов нового национального мировоззрения. Более того, мессианизм новой еврейской культуры, ее стремление к прозрению мирового будущего в формах, актуальных для всего человечества, в искусстве, как оказалось, могли быть выражены только универсальным языком интернационального художественного авангарда. Многие еврейские художники к середине 1920-х годов полностью переходят на этот язык, который отождествляют с «современным еврейским искусством». Пример этого можно найти в творчестве и биографии Бориса Аронсона, работы которого представлены на его персональной выставке.

**Меценат Вадим Аминов рассматривает работу Иссахара-Бера Рыбака «Синагога в Пьянове» (1919).
Выставка «Обновление культуры идиша в искусстве
авангарда, 1918–1938». Париж. 2010 год**

Сын главного раввина Киева (в 1920–1930-х годах Шломо Аронсон был еще и главным раввином Тель-Авива и Яффо), Борис Аронсон уже в юности занял заметное место в еврейском модернистском художественном движении. В 1919 году он вместе с Рыбаком опубликовал на идише статью «Пути еврейской живописи». Она начиналась словами: «Да здравствует абстрактная форма, ибо она – национальна!» и стала одним из первых манифестов радикального еврейского авангарда. В 1923 году Аронсон переехал в Нью-Йорк и начал сотрудничать с экспериментальными еврейскими театрами. Уже первые работы Аронсона принесли ему известность и обеспечили заметное место в ряду ведущих американских художников театра. Ученик Александры Экстер, он адаптировал для еврейской сцены открытия русской и европейской авангардной сценографии. Его новаторское оформление спектаклей не только стало важной вехой в истории еврейского театра в Америке, но и внесло заметный вклад в развитие американской модернистской сценографии в целом. В числе важнейших достижений Аронсона на еврейской сцене – оформление спектакля Еврейского художественного театра (Идишер кунст-театер) «Десятая заповедь» (1926) по пьесе А. Гольдфадена в постановке одного из крупнейших еврейских режиссеров и актеров Мориса Шварца. Этот спектакль признан одним из шедевров мирового театрального искусства XX века во многом благодаря новаторским декорациям и костюмам Аронсона (часть из них также экспонируется на его выставке). Его карьера художника началась в еврейском театре в ту пору, когда театр активно развивался и стал не только этнокультурным явлением, но и фактором мирового театрального искусства. В Америке Аронсон был одним из тех, кто вывел еврейский театр на авангардные художественные рубежи и превратил его в образец для подражания. На протяжении своей художественной карьеры Аронсон был партнером крупнейших американских и европейских режиссеров, некоторые из оформленных им спектаклей вошли в золотой фонд американского и мирового театрального искусства XX века, за свои заслуги в этой области он был награжден самыми престижными наградами. Однако, даже достигнув, казалось бы, вершины славы и признания, Аронсон до конца жизни сохранял

свой пафос художника-новатора, стремление к экспериментам и художественной эксцентричности, которые были усвоены им еще в молодости.

Борис Аронсон.

Эскиз костюмов «Два хасида». Спектакль Еврейского художественного театра по пьесе А. Гольдфадена «Десятая заповедь». Нью-Йорк. 1926 год

Эскиз костюмов к спектаклю по пьесе С. Ан-ского «День и ночь». Унзер театр. Нью-Йорк. 1924 год

Эскиз костюма «Человек с талитом» к спектаклю по пьесе Х. Лейвика «Голем».
Еврейский художественный театр. Нью-Йорк. 1931 год

Эскиз настенной живописи. Унзер театр. Нью-Йорк. 1925 год

Этот пафос в некоторой мере присутствует и на двух выставках, о которых шла речь, хотя они – лишь маленький фрагмент того многообразия выдающихся свершений идишской культуры в сфере модернистской литературы, театра и авангардного искусства. В наше время, когда эту культуру стремятся превратить в ностальгический китч (формирующийся, между прочим, песенками из дешевых американских еврейских оперетт, выдаваемыми за «народные»), выставки в Париже не только представляют собой важное культурное событие, но и являются дерзостью, «хуцпе», вызовом вульгарным стереотипам массового сознания и ложному блеску гламура.

[1] *Желая подчеркнуть еврейский характер выставки, организаторы написали ее название на афишах, каталоге и пригласительных билетах на идише вместе с латинской транскрипцией.*

Еще посмотрим

Γοεδιούε ι τιάδι. Ετέεάεεεγ Άαδδάδδδ Όί αέάάδδ

Άσάδδάι άάά (Άάδι άί έγ), Εάρεδδάι έεδδά άί 21 ίγιάδγ

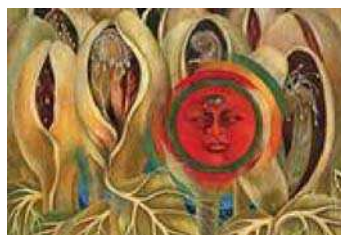

*Άάάί δέί Γάάεε Εδάάεεεε Γδέόάδ (δδάά άί ό).
Γέίέί 1928-1932 άάά Ετέεάεεεγ Άαδδάδδδ Όί αέάάδδ*

Искусство позднего модерна практически неизвестно современному зрителю и довольно плохо представлено в европейских музеях. Авторы этого поколения, начавшего было расцветать в 1930-х, исчезли в годы второй мировой войны – некоторые физически, другие ментально. Коллекция Герхарда Шнайдера объединяет работы экспрессионистов, кубистов и последователей «новой вещественности». Большинство из них были изъяты из публичных собраний Австрии и Германии в конце 1930-х как образцы «дегенеративного искусства», некоторые на прощание показаны на печально знаменитой Мюнхенской выставке, совершившей также большое турне по Германии. Другие потери художников связаны с бомбежками и пожарами в мастерских – это касается авторов, которые не успели эмигрировать, как это удалось, например, Леа Грундиг (1906–1977), оказавшейся в итоге в Палестине (после войны она стала профессором графики в Дрездене). Впрочем, и бегство во Францию или Бельгию не спасало от арестов и отправки в концлагеря. Так, Лео Хаас (1901–1986) прошел через Люблин, Терезиенштадт, Освенцим и Заксенхаузен. Сделанные там рисунки считаются важнейшими документами не только художественного, но и документального ряда. Основаниями для преследования становились не только политические и эстетические взгляды или расовые причины. Эльфриде Лозе-Вехтлер (1899–1940) была отравлена газом в рамках программы эфтаназии «Т4» по уничтожению «неполноценных»: у нее был диагноз «шизофрения». Ее работы также хранятся у Шнайдера.

Όδδάά Εάέί

Άάά, Εάίπδδδδδδ, άί 5 άάάάδγ

*Όδδάά Εάέί. Νέίίόά ε αεεεί ü 1947 άά χάπδίαγ έίεεάεεεγ.
Άάάάγ «Αάάε». Γάέέί-Νεδδ*

Фрида Кало (1907–1954) – из числа самых известных художниц XX века. Непонятно, что тому виной – ее яркое во всех отношениях искусство, ее взгляды, предварившие мировой феминизм, или бурная биография, ставшая основой голливудского блокбастера? Жизнь этой дочери немецкого еврея и мексиканки с индейскими корнями полна событий, которых хватило бы на полдюжины судеб. Инвалид с детства (полиомиелит), жертва жуткой автокатастрофы в 18 лет, она вышла замуж за Диего Риверу, бывшего на 20 лет ее старше. Замужество не помешало ей кружить голову всем вокруг, включая Троцкого, который одно время жил у них в доме. Но в истории остаются не связи, а искусство. 60 картин, 80 листов графики и 20 объектов, привезенных в Вену, объясняют, почему арт-мерчандайзинг не поглотил Кало окончательно.

Ἰσοβασιλοῦ ἀγαθοῦ ἐδμήτορι

Ἰνέαι, Ὀδοῦγέταρῶν ἀεῶν, ἀτ 14 ἰγῶν

Ἰεῖν Ἀεῶνδία

*Ἀδελφῶν αἰὲς ἐς Νάαδι τὴ Ἀδελῶν
(ὁδῶν αἰὲς).*

1832 ἰῶ

Ἰεῶν

В рамках года Франции в России в Москве проходит множество выставок, посвященных французской культуре либо подготовленных французскими музеями. Вот и Лувр объединился с Орсэ, чтобы показать рисунки европейских мастеров конца XVI – XIX века. Принцип отбора формально свелся к графике, созданной во время путешествий. Художники часто были сродни исследователям-географам, их работы служили не только искусству, но и науке и просвещению. Итальянские виды Яна Брейгеля Старшего и Юбера Робера, обаятельные турчанки в изображении Лиотара, акварели Эжена Изабе, запечатлевшего провинциальную Францию... А в разделе «Романтические путешествия начала XIX века» Эжен Делакруа представлен четырьмя рисунками, выполненными во время знаменитого путешествия в Марокко и Алжир в 1832 году, продолжавшегося полгода и во многом определившего его позднейшее творчество. Среди показываемых работ есть и «Еврейская женщина из Северной Африки».

Ἰεῶν Ἀεῶνδία Ἀδελῶν

Ἰνέαι, ἀεῶν «Ἰ ὄρι», ἀτ 7 ἰγῶν

Ἰ ἀπὸ Ἀεὶνεῦντᾶ Ἰ ἀδῶνείατῶ πῆεῖσιέ. 1926 ᾶᾶ × ἀπὸ ἰ ἰ ᾶ ᾶ ᾶ ᾶ ἑᾶ

Выставка на «Винзаводе» впервые в таких масштабах знакомит с графикой 1920-х годов художника Меера Аксельрода (1902–1970), запечатлевшей жизнь еврейских местечек. Как писал о ней Абрам Эфрос, «сквозь эти как будто только “реалистические”, как будто только “изобразительные” наброски проступают залежи “измов” левого искусства, понятых, переработанных, дифференцированных, разборчиво введенных. Если понятие “революционная форма искусства” имеет смысл – это одно из лучших ее проявлений...» Помимо работ, предоставленных наследниками, показывают также архивные материалы, что особенно интересно, ведь Аксельрод учился во ВХУТЕМАСе у Фаворского и Поповой, Удальцовой и Родченко, вместе с Фальком, Малевичем и Элем Лисицким участвовал в выставках общества «4 искусства», позднее занимался книжными иллюстрациями и оформлением спектаклей.

Ἀεὶνεῦντῆ ἰ ἑδῶντᾶ

КОНТИНЕНТ ВАЙНБЕРГ. ЗАГРУЗКА

А́йа́тисъ І́ геді́аіа

Фестиваль в австрийском Брегенце в этом году прошел в 64-й раз. Он знаменит «озерными представлениями». На берегу Боденского озера построен амфитеатр для семи с лишним тысяч зрителей. Сама сцена находится в озере, вода, как и закат, оказывается частью любой постановки. Здесь дают мегаспектакли: сейчас шла «Аида», до этого «Тоска» и «Бал-маскарад». Декорации достигают десятков метров в высоту, в представлении задействованы катера и строительные краны. Оркестр играет в театре по соседству, дирижер виден на больших экранах. Звук передают на берег при помощи новейших технологий, благодаря уникальной акустике достигается эффект живого звучания. На усовершенствование звука фестиваль недавно потратил 3 млн евро. В общем, есть чем привлечь массы: за месяц оперу на озере смотрят более двухсот тысяч человек.

Плакат первого фестиваля Мечислава Вайнберга. Брегенц, 2010 год

Не меньше оперного шоу знамениты другие программы Брегенца. Сюда приезжают крупнейшие немецкоязычные театры, от гамбургской Талии до берлинского Дойче театр. В программе «KAZ» («Искусство из нашего времени») показывают неожиданные произведения вроде одноактной оперы Рихарда Дюнзера «Радек» – о коминтерновском лидере, журналисте и оппозиционере Карле Радеке. В программу фестиваля включают оперетты и сатирические оперы, причем часто это малоизвестные европейцу названия, например «Москва, Черемушки» Шостаковича. Каждый год в Фестшпильхаусе ставится редкая опера, как незаконченная лирическая драма Дебюсси «Падение дома Эшеров» или «Карл V» Кшенека.

В этом году редкостями оказались оперы Мечислава Вайнберга (Варшава, 1919 – Москва, 1996) «Пассажирка» и «Портрет», написанный по повести Гоголя. «Пассажирка» в постановке Дэвида Паунтни стала мировой премьерой спектакля, ранее ее играли лишь в концертной версии: в 2006 году в Москве под управлением Вольфа Горелика и этим летом в Новосибирске под руководством Теодора Курентзиса. Курентзис дирижировал и венским симфоническим оркестром в Брегенце.

Хотя «Пассажирка» вызвала восторги Шостаковича, а ее сюжет, кажется, не конфликтовал с официальной идеологией, оперу так и не поставили в СССР. В основе либретто, созданного постоянным соавтором Вайнберга Александром Медведевым, – повесть польской журналистки Зофи Посмыш, напечатанная в 1960-х в «Иностранной литературе». Либреттист специально встречался с автором и ездил с ней в Освенцим, узницей которого Посмыш была в течение трех лет. Повесть рассказывает о встрече на океанском лайнере спустя 15 лет бывшей заключенной Освенцима и ее надзирательницы, вышедшей замуж за дипломата. Во время репетиций Паунтни, ставший настоящим фанатом Вайнберга, общался и с Посмыш, и с Медведевым.

Творчество Вайнберга так или иначе связано с темой войны, подавления личности и экзистенциальными проблемами. В этом было немало автобиографического. Холокост разрушил и его жизнь.

Дед и прадед композитора бежали из Кишинева после пасхальных погромов 1903 года. Его отец Самуил был скрипачом и композитором в Еврейском театре Варшавы. Мечиславу не было и десяти, когда он начал участвовать в представлениях. В 11 лет он уже занимается фортепиано в варшавской консерватории у Йозефа Турчинского. Вскоре отец потерял работу, и Мечислав подработками содержал всю семью. В 17 лет он написал первую в своей жизни музыку для кино – именно этим он позже зарабатывал в Советском Союзе, создав, в частности, музыку для «Летят журавли», «Винни-Пуха» и «Гиперболоида инженера Гарина».

Он мог бы стать американским композитором. В 1939 году, после окончания фортепианного класса, он получил приглашение от Йозефа Хофмана в «Curtis Institute» в Филадельфии. Но путешествие не состоялось – началась война.

Вайнберг бежал в СССР. Когда на границе ему оформляли документы, пограничник не расслышал имени и переспросил: «Еврей? Значит, будешь Моисеем». Так образовалось второе имя, и лишь годы спустя Вайнберг официально вернул себе первое.

В Минске он поступил в консерваторию на отделение композиции к Василию Золотареву, ученику Римского-Корсакова. Выпускной концерт состоялся 21 июня 1941 года. Семья Вайнберга осталась в Варшаве. Все родные погибли в концлагерях. Сам он оказался в Ташкенте, где познакомился с дочерью Михоэлса. Вскоре они поженились. Многие произведения, созданные в польский и минский периоды его жизни, пропали в эвакуации. К счастью, Первую симфонию из Ташкента вовремя переправили Шостаковичу. Тот сразу вызвал в Москву Вайнберга и его семью.

Говорят, будто Вайнберг был учеником Шостаковича. Это не так, хотя влияние Шостаковича оказалось огромным, – впрочем, оно было взаимным, Шостакович даже посвятил ему Десятый квартет. Вайнберга много исполняли, в этом был и гражданский жест. «Многократное в начале 50-х годов обращение отца к музыке Вайнберга, – утверждает сын Давида Ойстраха, – было его протестом против оголтелой войны власти с так называемыми “безродными космополитами”, против воцарившейся в стране оргии антисемитизма. <...> Шостакович, усилиями которого Вайнберг был сравнительно быстро вызволен из ГУЛАГа, писал в то время вокальный цикл на тексты из еврейской народной поэзии...» Речь идет об аресте в ночь на 7 февраля 1953 года. Вайнберга взяли как зятя Михоэлса по «делу космополитов». Он провел в Бутырке почти три месяца. Смерть Сталина спасла ему жизнь. Тем не менее после освобождения он передал весь архив своему другу, композитору и скрипачу Вениамину Баснеру.

Как рассказывает дочь Виктория, Вайнберг не любил вспоминать ни о Михоэлсе, ни об аресте. Известно лишь, что была договоренность: если бы арестовали и жену, то Викторю взял бы к себе Шостакович. На всякий случай к нему перевезли ее вещи.

После Вайнберга не осталось ни дневников, ни мемуаров. Что было бы в этих записях, если бы композитор их вел? Вероятно, одна лишь музыка. Он работал сутками напролет. Ходила шутка: «“Вы слышали? У Вайнберга творческий кризис”. – “У Вайнберга?!” – “Да, он не сочинял две недели, но вчера опять начал”». После «Пассажирки» жена жаловалась Медведеву, что композитор «не отходил от инструмента и она чуть ли не с ложечки его кормила, чтобы он пообедал».

Музыка была образом жизни, только она интересовала Вайнберга. Доходило до крайностей. Однажды на даче ему показалось, что квартиру в Москве ограбят и единственное, что украдут, – это партитуры Малера. Видение было настолько убедительным, что жена поехала проверить – как там? К счастью, не украли.

Куда абсурднее была реальность. Когда в Москву приехал однокурсник Вайнберга по Варшавской консерватории и захотел с ним встретиться, домой к тому явились чиновники из Союза композиторов – выяснить, достаточно ли высоки потолки, чтобы можно было принимать иностранца. Друзья пошли обедать в Союз композиторов. В пустом ресторане был занят только один столик. В сидевшем за ним человеке Вайнберг узнал своего следователя из Бутырки.

Сцена из оперы Мечислава Вайнберга «Портрет». Постановка Джона Фулджеймса. Бремень. 2010 год

Вайнберг был человеком верующим, но не религиозным. Перед смертью он принял православие. У него есть сочинения, где очевидно влияние клезмера и еврейской литургической музыки, например «Детские песни», ор. 13. Некоторые исследователи утверждают, впрочем, что обнаружить фольклорные источники почти невозможно. Такое ощущение, что он сам сочинял мелодии, стилизуя их под народные.

Симпозиум, прошедший в Брегенце в рамках первого в истории вайнберговского фестиваля, назывался «На чужбине». Но невозможно отделить композитора от российской культуры. Речь не только о дружбе с Дмитрием Шостаковичем или Борисом Чайковским. Вайнберг не был гоним, его симфонические премьеры часто проходили в Большом зале Московской консерватории, да и записей хватало. Так, Эмиль Гилельс записал 4-ю сонату, Мстислав Ростропович вместе с Геннадием Рождественским – виолончельный концерт, Рудольф Баршай – 12-ю симфонию, посвященную памяти Шостаковича, а Кирилл Кондрашин – 4-ю и 6-ю симфонии. Эти записи изданы и на компакт-дисках: например, симфонии в исполнении Кондрашина и Московского филармонического оркестра выпустила «Мелодия». Особое место в этом ряду занимают четыре диска, выпущенных американо-немецким лейблом «PeerMusic Classical»: бельгийский квартет «Danel» записал квартеты Вайнберга. Выступления «Danel» в Зальцбурге, как и вайнберговские программы новосибирского оркестра «MusicAeterna» под управлением Теодора Курентзиса, можно считать историческими.

Постановки Брегенца тоже останутся в истории: концерты выйдут в виде альбома, оперу «Портрет» по Гоголю записало «ORF», ее передали по радио. В Брегенце существует традиция издавать на DVD не только мегапостановки, но и «сложные» оперы. Сейчас вышел, например, «Король Роджер» Кароля Шимановского – опера, почти не встречающаяся в афишах. Обещан и диск с «Пассажиркой». Спектакль в Брегенце был сделан совместно с оперными театрами Варшавы, Лондона и Мадрида, там он пойдет в ближайшее время. Примечательно, что Германия пока не значится в ближайших планах «Пассажирки». Россия, впрочем, тоже.

Больше половины произведений Вайнберга – а среди них 26 симфоний, множество инструментальных произведений – никогда не исполнялись публично. Ждут постановок и произведения для сцены: «Мадонна и солдат», «Влюбленный Д'Артаньян», «Леди Магnezия». В 1983 году Борис Покровский поставил оперу «Поздравляем!» по Шолом-Алейхему. Неизвестно, где сегодня искать ее оркестровую партитуру. Под вопросом местонахождение еще трех-четырёх больших вещей.

Последний замысел Вайнберга был связан с живописью. Он назывался «Альбом Шагала». Для тяжелобольного композитора сделали специальную дощечку, чтобы можно было работать лежа. Он не успел ею воспользоваться.

Àèàèàè Ì îèðìóñá

Ì á:èññàà Áàèí ááðã

Струнные квартеты

àèñè 1 (èááððòáòù¹ 4, 16), àèñè 2 (1 7, 11, 13), àèñè 3 (1 6, 8, 15), àèñè 4 (1 5, 9, 14)

Èááððòáò Danel. Ááðì áí èÿ, çïó – PeerMusic Classic í ðè ó:áñòèè WDR, 2007-2010

Хотя Мечислав Вайнберг пока еще не принадлежит к числу композиторов, вокруг которых строятся концертные планы, вышло уже много дисков с записями его музыки. Есть здесь и архивные – так, Мстислав Ростропович исполняет вместе с государственным оркестром СССР под управлением Геннадия Рождественского виолончельный концерт, а сам композитор играет вместе с квартетом Бородина фортепианный квинтет, в котором заметны еврейские мотивы («бородинцы», кстати, на своих концертах исполняют на бис аллегretto из Седьмого квартета, где также очевидны еврейские темы). «Бородинцам» он посвятил три квартета – № 8, 13 и 17; вообще, роль посвящений, частых у Вайнберга, важна для его поэтики; чего стоит хотя бы посвящение Шестого квартета Георгию Свиридову, который, несмотря на свой антисемитизм, Вайнбергом восхищался.

Изначально Вайнберг учился в фортепианном классе и мог бы стать отменным солистом. Он выступал как пианист и на сцене Большого зала Московской консерватории, например, 28 октября 1967 года вместе с Давидом Ойстрахом и Мстиславом Ростроповичем он аккомпанировал Галине Вишневской на премьере Семи песен Шостаковича на стихи Блока.

Есть и записи последнего времени, сделанные такими известными музыкантами, как Яша Немцов, Дмитрий Ситковецкий и Давид Герингас (они исполняют трио для фортепиано, скрипки и виолончели) или Юрий Башмет, дирижирующий Первой камерной симфонией с «Солистами Москвы». Камерные симфонии – единственные в наследии Вайнберга, не просто записанные полностью, но еще и в разном исполнении – слушатели Первой, Третьей и Четвертой симфоний могут выбирать между разными оркестрами и дирижерами, от Юлия Туровского и того же Башмета до Миши Рахлевского

и Торда Сведлунда (последний много исполняет Вайнберга с симфоническим оркестром шведского города Умеа).

Полной записью вайнберговских квартетов занимается брюссельский квартет «Danel». Уже вышло четыре диска (два из них – в этом году), объединивших 11 квартетов из 17. Бельгийцы давно исполняют музыку русских авторов, от Мосолова до Шостаковича, в свое время много занимались с российскими музыкантами, например с выдающимся альтистом Федором Дружининым (как и позднее Шостакович, Вайнберг посвятил ему альтовую сонату).

Считается, что композитор, много пишущий для кино, неизбежно становится легковесным в «серьезной» музыке, теряет чувство формы, склонен к упрощению языка, – в общем, становится похож на писателя, погруженного в газетную журналистику. Типичный тому пример – судьба Эриха Вольфганга Корнгольда, талантливого венца, ярко начинавшего в 1920-х годах, вынужденного эмигрировать перед войной в Америку и сделавшего карьеру в Голливуде. Его позднейшие попытки вернуться к академическим сочинениям завершились неудачей. В принципе, на этом пути исключений, типа Ханса Эйслера, не сломленного Голливудом, немного. Вот и наш Геннадий Гладков, например, изначально обещал быть интересным симфоническим композитором, но в итоге посвятил себя экрану.

Вайнберг тоже оказывается исключением. Если в симфонических сочинениях порой еще можно найти следы занятий киноподенщиной (они звучат здесь довольно органично), то этого уже не скажешь о его квартетах. Те полны диалога с современниками – так, в Пятнадцатом и Шестнадцатом чувствуется присутствие Шостаковича и Бриттена. Шестнадцатый квартет автор посвятил памяти сестры, погибшей в концлагере (памяти отца и матери, разделивших судьбу дочери, посвящены соответственно Тринадцатый и Семнадцатый квартеты). В 1981 году, в год написания квартета, сестре Вайнберга исполнилось бы шестьдесят. Этот квартет записан на первом диске «Danel»: записи не следуют хронологии создания. Вайнберг обращался к квартетной форме на протяжении всей жизни, часто отказываясь от классической четырехчастной модели. Первый квартет написан еще в годы учебы в Варшаве (существует его более поздняя редакция), последний датирован 1986 годом. Когда слушаешь их подряд, кажется, что это один, звучащий с паузами рассказ о человеческой судьбе – всегда накануне расставания, последнего разговора, последнего взгляда.

Ощущение трагизма жизни еще не есть ощущение ее трагичности. Вайнберг, человек в быту ироничный, остается и в музыке способным на шаловливую цитату или глубоко запрятанную аллюзию. В оформлении дисков с его квартетами использованы работы Алексея Явленского – возможно, самое точное решение в данном случае. Явленский работал на стыке фигуративного искусства и абстракции, в наиболее геометричных его полотнах все равно присутствуют черты человеческого лица. Немыслимое прежде сочетание красок, отменяющее логику обыденного зрения, ставящее под сомнение превосходство привычки и остающееся при этом по-прежнему антропоцентричным восприятие мира – не эта ли таинственная смесь позволяет художнику быть одновременно с нами и не с нами, брать на себя роль швейцара, обладающего ключами от дверей, скрывающими неизведанные пространства?

Радикальность художественного языка Вайнберга относительна, он не революционер, но строитель, ежедневный, кропотливый, хочется сказать – разнорабочий, если подобное допустимо применить к мастеру высшей квалификации. Нотные тетради

заменяли ему дневник, были его повестями и эпопеями. Размеры и форма не имели значения, значение имел слушатель. Вайнбергу хватало немногих.

ЕВРЕЙСКИЙ КАРУЗО

Аידען אאדאאי יא

*Еаòîì 2010 ãää äaçòà «The New York Times» ðàçðàçèèàüü áíëüèèì
ì àòàðèèèì ì ÷æíáèèá ìì èì áíè Èíñèá Ðíçáí áèòò. Ííáíáíì æëü ðàçñáíðà ì ìáòòá
óáááòáì èç æèçíè á 1933 ãáó, ìòàèà ðáíðááððòèý áá çáíèñíè, ìíòáíðòæáííáý
Í áíæíì Ááðàèáíðì, æèááèüüáì ì ááñçèí÷èèá áðáì íèáíðèííè «Mostly Music» á
Áðèèèíá*

Йоселе Розенблат

Èíñíó æèá

Все дошедшие до наших дней записи голоса Йоселе Розенבלата существовали лишь на целлулоиде и на патефонных пластинках. Мендл Вердигер взялся оцифровать голос кантора, не имея ни высшего образования, ни каких-либо навыков студийной работы. Тем не менее он смог использовать передовые методы очистки звука, чтобы перевести ценные записи на 78 оборотов в формат, приемлемый для современной звуковой техники. На каждый трек ушло от 5 до 10 часов работы. Итогом предприятия стал комплект из трех CD «Od Yosef Chai» («Йосеф жив») – 35 молитв и песен, отобранных из огромного каталога. По разным данным, у Йоселе Розенבלата было записано то ли 200, то ли 600 песен.

Первый из дисков был продан тиражом 15 тыс. экземпляров. Для нишевого релиза, который вряд ли когда-либо окажется в магазине за пределами полки «фолк» или «этно», это гигантский тираж, особенно если вспомнить, с какой неохотой в наше время люди в принципе тратят деньги на музыкальные записи.

Мендл Вердигер – 52-летний хасид, отец шести детей и дед десяти внуков, а еще – сын 90-летнего кантора Давида Вердигера. С именем Вердигера-старшего связывают успех еще одного певца, Моше Ойшера, уроженца Бессарабии, ставшего на рубеже 1930–1940-х годов довольно известным театральным и киноактером в США. Давид Вердигер до сих пор служит в одной из синагог Бруклина. На генеалогическом древе Мендла Вердигера есть еще один яркий листок – старший брат Мордехай Бен Давид. В свои 59 лет он носит титул «короля еврейской музыки». Считается, что он выпустил рекордное количество пластинок с еврейскими песнями, часто

аранжированными в соответствии с современной поп-традицией. Мендл Вердигер называет музыку брата «хасидским роком».

Свой первый компьютер Мендл Вердигер купил около 20 лет назад. Объем оперативной памяти машины составлял 20 мегабайт. В интервью «The New York Times» Мендл Вердигер рассказывал, что свою первую студию собирал из самых разных доступных ему периферийных устройств, одно из которых продавец назвал незнакомым доселе словом «факс». Мендл Вердигер до сих пор не может похвастаться суперсовременным «железом», однако имеющихся реставрационных программ ему хватило, чтобы увлечение работой со старым звуком привело его в итоге к успешному релизу «Od Yosef Chai», оцененному в самых разных уголках еврейского мира.

Èàé ðààèàòü ààðààì Èàðòçî è ×àìèèíà

Йоселе Розенблат родился в 1882 году в Белой Церкви. Его отец Рефозл Розенблат служил в местной синагоге, а затем в Черновицах, Львове и Кракове, где не только проповедовал, но и создавал при синагогах детские хоры. Йоселе был первым сыном Рефозла – после девяти дочерей. С самого раннего детства будущий «еврейский Карузо» присутствовал на службах отца и на репетициях его хоров – колыбель стояла рядом с креслом, в котором сидела его мать, и Йоселе впитывал музыку буквально с молоком матери. А в четыре года уже на равных с отцом пел на гастролях. Первый крупный успех ждал его в Черновицах. На следующий день после премьеры восьмилетнего Йоселе в главную синагогу для поддержания порядка прибыли шестнадцать городских и восемь пожарных, сообщает нам биография Розенבלата на сайте www.sem40.ru. Отец не мог себе позволить отправить Йоселе в хедер – мальчик фактически кормил семью. Поэтому ему наняли частного учителя, который ездил за ним по гастролям – во Львов, а потом и в Краков, где певец задержался по просьбам местной публики на 17 недель. Тенор Йоселе обладал в буквальном смысле чудесными свойствами. Мальчик прошел через юношескую ломку голоса, практически не прекращая петь, ни разу не разочаровав слушателей. Специалисты говорят, что диапазон его голоса составлял две с половиной октавы. В Кракове Йоселе встретил свою будущую жену Тойбеле. Обоим было по двенадцать лет. Семью они создали шесть лет спустя и прожили вместе тридцать три года, до самой смерти кантора.

Розенблат служил хазаном в Мукачево, а потом переехал в Братиславу, как сообщают биографы – бежал от консервативных местных евреев. В «распущенной» Братиславе, городе, который, по мнению ортодоксов, должен был испортить певца, он опубликовал первый сборник литургической музыки собственного сочинения и опубликовал свои первые записи. В 23 года, живя уже в Гамбурге, в ранге главного кантора, он кормил близких и дальних родственников, а еще жертвовал на обучение бедных. Здесь же, в Гамбурге, произошла его историческая встреча с Энрико Карузо. Еврей выучил все коронные арии итальянца. А итальянец спустя годы, когда Розенблат пел в Риме, отказывался от субботних репетиций, потому что по субботам ходил в синагогу слушать Розенבלата. Позже, в Америке, они стали настоящими друзьями.

В США слава Йоселе Розенבלата началась с грампластинок. В 1909 году их впервые привезли в Нью-Йорк участники гамбургского Сионистского конгресса, а три года спустя Йоселе Розенблат переместился за океан вместе со всей семьей, в которой к этому времени уже росли семеро детей. Он занял место кантора в Гарлеме, в синагоге «Охев Цедек». В Нью-Йорке он был не просто лучшим. Он, вместо того чтобы соревноваться в певческих умениях, взял под крыло всех прочих коллег, приехавших из Восточной Европы, многим помог встать на ноги. Опекая евреев, часто занимался «не

своим делом», например, издавал газету, которая принесла ему одни убытки. А такое «не свое дело», как опера, подчинилось ему легко, даже несмотря на то, что участвовать в оперных постановках, класть на лицо грим и петь на сцене с женщинами он не желал, предпочитая оставаться самим собой – кантором. В Чикаго ему заплатили 15 тыс. долларов за три вечера, хотя и тысяча за концерт была большими деньгами. Известно, что концерты в Тель-Авиве он начинал с арии из «Травиаты», и на возмущенные выкрики местной публики отвечал, что вначале споет то, что хочет, а потом то, чего ждет публика. К слову, после знакомства с Федором Шаляпиным Йоселе Розенблат стал включать в свой репертуар песню «Волга, Волга, мать родная».

В кино Йоселе Розенблат дебютировал в фильме «Певец джаза». В другом он и не мог начать – это был первый в истории звуковой фильм. Розенблат отказался от гонорара в 100 тыс. долларов по тем же причинам, по которым не хотел играть в оперных спектаклях. Отдельной роли кантору не дали, он лишь появился в одном эпизоде – в образе самого себя, певца. В остальном голос Розенבלата звучал за кадром. Тем не менее во время пребывания в Лос-Анджелесе он фактически слился с киноэлитой. Известна история о его визите в дом Чарли Чаплина, у которого на полках оказалась целая коллекция пластинок Розенבלата. Чаплин сказал кантору, что она не дает ему забыть о еврейских корнях, и биографы потом десятилетиями спорили о том, что имел в виду комик – сын актеров-англичан.

В 1933 году, когда за плечами было уже два триумфальных европейских турне, а доходы синагоги упали, как и любые другие доходы во времена Великой депрессии, Йоселе Розенблат решил наконец провести Землю обетованную. Речь шла о съемках в документальном фильме. Предполагалось, что кантор будет исполнять литургические песнопения в местах, известных по священным текстам. Съемками дело не ограничилось. Розенблату устраивали одно выступление за другим. В Иерусалиме его в буквальном смысле носили по улицам на руках. Эти съемки доступны сейчас на YouTube. Находясь под сильным впечатлением от гастролей, Йоселе Розенблат сообщил семье в Америку, что решил остаться в Израиле навсегда. Так и вышло. Сердечный приступ поразил певца в Мертвом море. Его похоронили на Масличной горе, и кадры похорон, в которых участвовало 20 тыс. горожан, также остались на киноплёнке.

Мендл Вердигер у своего магазинчика грампластинок «Mostly Music» в Бруклине

CD יי אאייאנעו דאיי'ואי

Мендлу Вердигеру пришлось практически с нуля освоить технологию перевода старых пластинок на 78 оборотов в 24-битный цифровой формат. В ходе исследований издатель искал старые пластинки Розенבלата в архивах по всей стране и консультировался со специалистами – инженерами звукозаписи. Вердигер загнал голос Розенבלата в компьютер, вывел на монитор в виде синусоиды и простыми движениями мышки устранял царапины и скрип, свойственные оригинальным записям. То есть он работал в нормальном режиме редактирования, свойственном сегодня любой студии. Но с голосом кантора – современника Чаплина и Шаляпина – до сих пор этого не делал никто. Сегодня компакт-диски Йоселе Розенבלата заняли свое место на полках рядом с альбомами певцов, с которыми его так часто сравнивали, – Энрико Карузо, Лучано Паваротти, Фрэнк Синатры, Элвиса Пресли.

Работа Мендла Вердигера – не только успех технологий, в ней есть еще и чисто религиозный смысл. Пение канторов становится все более популярным в ортодоксальной хасидской среде. Религиоведы отмечают, что прихожане хасидских синагог нередко навещают нехасидские приходы, чтобы послушать пение современных канторов. А отреставрированные записи Йоселе Розенבלата – это возвращение к корням, причем в буквальном смысле. «The New York Times» приводит в пример 81-летнего Йосефа Клейна, который в детстве вместе с дедом слушал кантора в синагоге, а теперь пришел в магазин Мендла Вердигера, чтобы купить записи Йоселе Розенבלата на CD.

ОН ТАКОЙ, ЛЕОНАРД КОЭН?

Ἴ ἐὸ ἀέε Ἰάαεῖσ' ὀ αἰί

×άεῖτ'αῖ:αῖεεε ἵκτιε ἰά ἰδενῖτῖαεαί αεῦ ἱεῖαίεγῦ ἠάαδ'οαίτῖοαα, ἀπὸδα:αῖτῖι ἦ:ὀαίῖ, ἱῖ ἰά:είααὸ ἰάοδ'οῖῦ ἰάεαὸ ἱε:αίεαί ε εαί'αὸῖῖ ἀῖεεὸαίεε. Ἐ αῖῖεεε δα, ἠῖαεεεαῖτῖι ἦ ἰαῖαῖῖεῖ ἱῖοῖῖ ἰάαῖῖαῖεῖ ἰῖοῖῖαῖεῖ α:ὀαῖ ἂ ἠεῖῖα, ἰά:είααῖσῖ σάεαῖῖαῖδ'οῖ αῖαῖ:εῖ, ἱεῖοῖαῖε ἂ ὀαεὸὀαδ: «А-αэ, ἱῖ ἱῖδαῖεὸαῖαί», еεε ἦἱῖεа, αῖα:αδ'οῖαῖῖαῖ ὀ ἂ А/Е: «В αῖ ἠεὸ ἱῖδ' ἰά ἰ ἱῖα ἱῖῖοῖ - εὸῖ ἱῖ ὀαῖεῖ, Ἐαῖῖαδα Ἐῖῖ, ε δῖααῖ εε ἱῖ ἰά ἱεαῖαδα ῤαῖ εῦ».

Леонард Коэн. Кремлевский дворец съездов. Москва. 7 октября 2010 года

Куда проще и привычнее говорить об обстоятельствах места и времени. Традиционно считается, что в Государственном Кремлевском дворце дурная акустика, совершенно несуетные для площадки с таким звуком цены на билеты и публика, для которой любой гастролер – не более чем повод «потрясти бриллиантами», как нахамил некогда Джон Леннон ее величеству королеве английской. При ближайшем рассмотрении два из трех пунктов обвинения – про акустику и публику – оказались несостоятельны. А вот про цены – чистая правда. Человеку, выложившему за билет на московский концерт Леонарда Коэна несколько сот долларов (при том что vip-места зашкаливали за тысячу), сложно понять, отчего билеты на то же действо в Варшаве стоят от 150 до 800 злотых (приблизительно 1500–8000 рублей), а в Любляне цены в vip-партер и вовсе не превышают 80 евро.

Польша и Словения – две следующие за Россией цели коэновского мирового турне, продолжающегося вот уже третий год. Непосредственным поводом к началу тура, как известно, стала банальная необходимость подзаработать – пока мэтр лечил депрессию в дзэн-буддистском монастыре, его помощница Келли Линч увела все его сбережения и была такова. Но затем 76-летний Коэн, никогда особо не любивший концерттировать, вошел во вкус и теперь, кажется, не собирается останавливаться, даже обеспечив себе безбедную старость. С мая 2008 года он дал больше 220 концертов, месяцами живя в режиме один концерт в два дня, а то и чаще.

Первоначально приезд Коэна в Москву был запланирован на март, однако его пришлось передвинуть на полгода: сообщалось, что певец травмировал спину (см. статью Бориса Барабанова в: Лехаим. 2010. № 3). Тут же поползли слухи, что травма спины – эвфемизм, на самом деле все обстоит куда как хуже и о продолжении турне можно забыть. Но в июле тур возобновился, и до приезда в Россию Коэн успел отыграть три с лишним десятка концертов в 15 европейских странах. В конце концов он прибыл и в Москву, честно отработал два с половиной часа, продемонстрировал седой ежик под неизменной черной шляпой и вприпрыжку удалился со сцены в направлении Варшавы. Ближе к ноябрю он должен переместиться в Австралию, затем спеть в Пномпене (!), а завершится турне (если Коэн не решит его в очередной раз продлить) в декабре двумя концертами в Лас-Вегасе.

Еще несколько слов об организации московского концерта – чтобы уравновесить то доброе, что было сказано выше о публике и акустике. Если за полтора часа до начала в Кремлевский дворец можно было пройти практически свободно, то где-то с шести Александровский сад стал стремительно заполняться людьми. В итоге несколько тысяч человек час с лишним топтались в районе Вечного огня и ждали, пока вперёдистоящие пройдут все этапы контроля и досмотра. Погода, впрочем, была вполне приемлемая, и можно было коротать время, разглядывая населяющих Неглинку зверюшек Церетели – а то вдруг скоро и их перенесут куда-нибудь к Колумбу. Но те обладатели дешевых билетов, кто пришел заранее, все же оказались в выигрыше. За несколько минут до начала действия стало ясно, что в vip-зоне остаются свободные места, и началось более или менее массовое переселение заднескамеечников. Кого-то в итоге согнали обратно, но большинство благополучно прижилось на новых местах.

Концерт начался даже чуть раньше запланированных 19.30. Хвост очереди еще тащился по Александровскому саду, а Коэн уже пел «Dance Me to the End of Love» и «The Future». Сетлист был практически тот же, что и на всех европейских концертах, разве что в Москве Коэн почему-то не стал исполнять «Ain't No Cure for Love», которая обычно идет как раз после «The Future». А так все то же самое: два отделения по десять песен в каждом плюс два биса.

С последними, впрочем, произошла-таки досадная накладка: везде Коэн, выходя на бис второй раз, пел «Famous Blue Raincoat», а потом заканчивал идеально подходящей для занавеса «Closing Time». В Москве отчего-то обошлось без синего плаща, что, конечно, очень и очень печально: вещь, безусловно, из лучших у Коэна. Что послужило причиной такого секвестра – не вполне понятно. Сам певец вроде бы намекнул, что Кремль – предприятие режимное, так что пора сворачиваться. Если так – дополнительное спасибо организаторам. Как было замечено кем-то из блогеров, «обрезать конец концерта по причине того, что пол в кремлине моют по расписанию, – это просто из фильма “Афоня”». Дорогой слушатель, поспеши забрать пальто из гардероба, ровно в 22.30 твоя карета превратится в тыкву...

Из прочих потерь, в коих принимающая сторона уже не виновата, – не приехала в Москву Шерон Робинсон, многолетний бэк-вокалист и соавтор Коэна. Ее, впрочем, не было и на последних сентябрьских концертах: подхваченный на гастролях грипп привел к проблемам с ушами, и Робинсон уехала лечиться, пообещав присоединиться к группе в Новой Зеландии. Зато в качестве бонуса Коэн прочитал два хрестоматийных стихотворения английских поэтов: «Invictus» Уильяма Хенли и последнюю строфу «Дуврского берега» Мэтью Арнольда (на европейских концертах он иногда читал Йитса). Если еще вспомнить, что завершавший второе отделение «Take This Waltz» представляет собой вариацию на тему «Маленького венского вальса» Гарсиа Лорки (кстати, Лоркой Коэн назвал свою дочь), то остается только поблагодарить мэтра за краткий курс поэтического ликбеза.

Наконец, прозвучали три новые коэновские вещи: жесткие блюзы «Darkness» и «Feels So Good» и совсем свежий госпел на тему исхода из Египта «Born in Chains». Удивительно, но, постарев внешне, Коэн, кажется, помолодел эмоционально. Достаточно сравнить иронично-сентиментальную «I'm your man», от которой четверть века тают сердца женщин всех возрастов и национальностей, и «Darkness» – скорее дилановскую, чем привычно-коэновскую, разборку с женщиной, поющей героя тьмой из своей красной чашечки. Или послушать «Feels So Good», местами кажущуюся переводом вертинского «Как хорошо проснуться одному в своем уютном холостяцком флэте», разве что вместо простого шотландского виски у Коэна – чашка черного кофе.

В молодости Коэн напоминал Аль Пачино, но с годами, как и положено стареющему еврею, стал похож на Дастина Хоффмана. Впечатление сходства усиливается, когда видишь, как он изображает на сцене танцевальные па с грацией аутиста Рэймонда – хоффмановского героя из «Человека дождя». Или просто стоит, ссутулившись, на полусогнутых и густит хриплым баритоном, практически не изменившимся со времен первых альбомов, свои шаманские заклинания в зажатый между ладонями микрофон.

Вот, кстати, главная загадка «живого Коэна»: почему так получается, что какие-то вещи, вроде бы смешные и нелепые, выглядят у него абсолютно естественными и даже единственно возможными? Начать хотя бы с одежды: старомодный костюм, мятая шляпа, стилизация какая-то. Но сразу же понимаешь: именно так он и должен выглядеть, только так – церемонным гангстером из старого доброго нуара, вот хоть Голландцем Шульцем, которого изобразил в «Билли Батгейте» тот же Хоффман. Или, к примеру, в «Tower of Song» он наиграл двумя пальцами простенькое соло на клавишах, зал заплодировал, а Коэн раскланялся: спасибо, мол, но, право, вы слишком добры ко мне. В пересказе выглядит невозможным кокетством, но когда это видишь, то ни о чем таком и мысли не возникает, наоборот, испытываешь прилив нежности и благодарности. А когда в наиболее торжественных местах певец встает на колени – начиная с «Chelsea Hotel» (пронзительной элегии, сюжетная основа которой – мимолетный роман Коэна с Дженис Джоплин) и далее везде? Кому бы еще такое простили? Но дело в том, что у него это отчего-то смотрится не театральщиной, а правильным рыцарским жестом.

И с сопровождающими Коэна музыкантами та же история. Главное в них – не техническая изощренность, хотя они, безусловно, виртуозы – и саксофонист Дино Сольдо, и бэк-вокалистки сестры Уэбб, не говоря уже о Хавьере Масае, лютнисте и гитаристе. Но вдобавок они еще наделены даром абсолютного интонационного попадания, идеальным чувством границы между пережимом и тем, что в самый раз. Возможно, что партия контрабаса в «Who By Fire» введена просто для того, чтобы дать Коэну немного передохнуть, – но отчего-то в исполнении Роско Бека она звучит так, будто была там с

момента появления песни и без нее этот парафраз старинной молитвы на Йом Кипур просто вообразить нельзя.

И из-за этой интонационной точности, из-за нездешнего благородства и достоинства, сквозящего в каждом жесте пожилого сутулого человека и его свиты, самые мрачные коэновские вещи вдруг начинают звучать светло. И «Everybody Knows» уже не давит набором чернушных истин – каждый знает, что корабль дал течь, каждый знает, что капитан врет, – и «Who By Fire» не кажется простым каталогом различных видов смерти. Трагическая мудрость коэновских песен неожиданно рождает ощущение теплоты и уюта. И потому, может быть, самое точное впечатление от этого концерта – чье-то жежешное восклицание: «Хотелось бы мне, чтобы Б-г был похож на Леонарда Коэна!»

РАБИНОВИЧ: РОЖДЕНИЕ ЧЕМПИОНКИ

И אדע צאע:עע

א אעווענעלי אירע יא י:אדאיי יוא'א עסעא יעדא יי אריאנדעעא ערהעוועאג מיטדוּם אירע דייע באעיריאע: איעאדעא אדיציאָפּ י אאעוו א ארעוו וווּ וי'דאעיאיעוו. יאאדאא י עדיאא אדיאיי אאעוואויע אי יעילעא ערהעעוו אבו: אעאיי א'אדאא

דייע באעיריאע: יי אעוו יאוו:יאוו ערהעוועאג אאווויע 17 עאוו. ניאדאייאוו, וי יאוו, א יאבו דאיעוואייאייאוו, אא צאייאוו צא אעאע. ייא יא יי ארדאווו דאייאעוואעוו י אאעוויי יי ייע ייאדאייאוו יי יי אא יאיי'אעאייאא אדאעעא: ודאיעוואוו אא דאצא א אאיי יי ודע יי'יעיאיע איי, ע ואע א אא אי עדי א ייאיי ווו. איוויאעו, אריאנדעעא ע איווי א י'דעצאיעא, אא ווי, אי אעאאוו ייאוו איווא

Рони Рабинович во время ЧЕ по спортивной гимнастике.

Бермингем.

Апрель 2010 года

Страховочные лонжи и поролоновые маты...Фляки, шпагаты, скрещивания, курбеты и кульбиты... Аплодисменты, боль, счастье.

Я интересуюсь у Рони, как вообще девочки приходят в гимнастику. Чем должна руководствоваться мама, чтобы отдать своего ребенка в один из самых травматичных видов спорта? А если мама сама в прошлом известная гимнастка?

– На профессиональном уровне травматичен любой вид спорта. Красота – вот что главное в спорте. А я ничего лучше и красивее гимнастики не знаю, – смущенно признается Рони.

Утром отец везет ее на мотороллере из Герцлии в Адар-Йосеф, где находится гимнастический зал. Мотороллер Оded Рабинович приобрел, конечно же, не из-за пристрастия к черно-белому кинематографу эпохи неореализма, на нем гораздо легче, чем на машине, пробиваться сквозь пробки и заторы, которыми так славится центральный район Израиля – Гуш-Дан.

Рони тренируется до 13 часов. Затем обед, короткий отдых. В 16 часов – вторая тренировка, которая завершается ровно в 19.30.

Вечером, часов в восемь, Оded или его жена Тали привозит девочку домой уже на машине. Рони делает уроки и... спать. Ни о чем другом, кроме гимнастики, девушка не думает, и, наверное, до рассвета снятся ей исключительно брусья, перевороты, шпагаты, прыжки, сальто...

Так уж вышло, что Рони полюбила этот вид спорта, когда ей было девять – возраст достаточно зрелый для увлечения гимнастикой. Тренируется она в спортивном обществе «А-Поэль». Ее тренер – Захава Шмуэли, а подруги по сборной – Валерия Максюта, Адас Корен, Сапир Коен. Прошу запомнить имена!

С этими девочками Рони до изнеможения, но с видимым удовольствием тянет гимнастическую лямку. Складывается впечатление, что при всех ее амбициях она нуждается лишь в ежедневной работе – тяжелой, до мозолей, до неминуемых в ее гимнастическом деле падений, растяжений и ушибов... Кажется, все, чего хочется Рони, – чтобы гимнастическое счастье длилось как можно дольше...

– Рони никто не помогал, она добивается всего сама и настаивает на верности выбранного ею пути, считая его единственно приемлемым для себя, – с затаенной гордостью рассказывает отец гимнастки, по всей видимости человек скромный, деликатный, но своего добивающийся.

– Знаете, мы поддерживаем ее во всем и никогда ни на чем не настаиваем, – вторит мужу Тали, в прошлом абсолютная чемпионка Израиля по гимнастике. – Она знает, что ей нужно.

Как перспективная спортсменка, Рони получает стипендию в размере 500 шекелей, что приблизительно равно 130 долларам.

– И на том спасибо, – тихо посмеивается отец юной гимнастки.

Понятно, что гимнастика в Израиле не так популярна и развита, как футбол, парусный спорт, баскетбол, но ведь надо же и гимнастам вести достойную жизнь. А ведь существуют еще проблемы социальной адаптации после спортивной карьеры.

Когда я спрашиваю отца, не выматывается ли он, Оded отвечает, что нисколько, что готов и дальше заниматься карьерой девочки. Похоже, ему это нравится, и жене тоже. В семье Рабиновичей помимо Рони еще двое детей. Они моложе ее и, по всему виду, не пойдут по стопам сестры.

– И хорошо: еще двух гимнастов нам не потянуть, – честно признается отец.

Рони на тренировке перед чемпионатом мира.

Израиль, Адар-Йосеф.

2010 год

В следующем году Рони заканчивает школу и должна летом призваться в армию. Пойдет служить «отличной спортсменкой», с известными поблажками и облегчениями, однако служба есть служба.

– Не надо просить отсрочки, нужно отслужить сейчас – пока ты на вершине успеха, – не могу я удержаться от совета, забывая, что в семье Рабиновичей все всё решают сами.

Сколько-нибудь серьезных травм у Рони пока не было. Так, растяжения, ушибы, вывихи, которые она переносит, не прерывая тренировок. Ее любимые упражнения в гимнастике – вольные. Она говорит это после размышлений, добавляя, что и к остальным упражнениям относится так же любовно-уважительно.

Главная цель – Олимпиада в Лондоне в 2012 году. Рони делится сокровенным с блеском в глазах, даже сгруппировалась на стуле несколько иначе – подалась по-бойцовски чуть вперед, как на соревнованиях в Бельгии.

Она рассказывает, что конкуренция в современном гимнастическом мире огромная.

Женская гимнастика в отличие от мужской не очень предсказуема, тут все стремительно меняется.

– Каждый год появляются новые талантливые девочки. В мире есть примерно 150–160 гимнасток, с которыми я соревнуюсь. Никого не боюсь, но уважаю всех. Лучшая моя подруга – Адаш, тоже из сборной Израиля.

Ни о каких практических выгодах девушка не заикается. Складывается впечатление, что она довольна тем, что имеет.

Одед сетует на отсутствие солидных спонсоров и невнимание чиновников Олимпийского комитета, говорит, что там могли бы и заметить дар девочки, ее приверженность гимнастике и заметные спортивные успехи.

– А так всё на мне и жене, хотя мы, конечно, не жалуемся. Лишь бы наша девочка была счастлива. Тогда и мы будем счастливы тоже. – И смотрит на дочь, пытаюсь скрыть родительскую гордость. Но это у него не очень хорошо получается.

Глядя на него, я думаю, что чемпионские медали – это важное, но не достаточное условие для того, чтобы стать счастливым. Может быть, родительская любовь и есть та самая «гимнастика», которая необходима каждому человеку.

ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ

2 ᶒᶚᶙᶙᶓ 2010 ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ ᶒᶚᶙᶙᶓ

Лауреат премий Бальцана (1988), Макса Планка (1994), Амальфи (2001), Хольберга (2006), Шмуэль-Ноах Эйзенштадт родился 10 сентября 1923 года в Варшаве. В начале 1930-х вместе с матерью он перебирается в Иерусалим и в 1940 году поступает в Еврейский университет на факультет социологии. В 1959–1990 годах Эйзенштадт преподает в своей альма матер. Профессор социологии Еврейского университета, он преподавал также в Чикаго, Гарварде, Станфорде, Цюрихе, Берне, Вене, Гейдельберге.

Основная область занятий/интересов Эйзенштадта – сравнительное исследование цивилизаций при переходе от традиционных обществ к современным. В центре его внимания находились проблемы инициативных групп и протестных движений, вносящих идеи социальных перемен, и механизмы институционализации и воспроизводства изменений.

Преемник структурного функционализма, как ученый Эйзенштадт сложился под влиянием Эдварда Шилза, унаследовав от него, вместе с представлениями Карла Ясперса об осевом времени, идеи Макса Вебера о роли харизмы в становлении социальных институтов.

В своей работе «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций» Шмуэль Эйзенштадт рассмотрел модель Российской империи, здесь описывалась сознательно поддерживаемая война между элитами как наиболее удобный для центральной власти способ управления. Он считал, что следует сознавать разницу между экспортом идеи демократии и навязыванием ее как государственного устройства. Смысл распространения идеи демократии еще можно понять. Однако нет никаких гарантий, что демократия в той форме, в которой она существует в одной стране, приживется в другой. По мнению Эйзенштадта, традиции и демократия вполне могут существовать рядом друг с другом, а решительный отказ от собственной традиции в угоду заимствованной общественной модели может привести к результатам, обратным желаемому.

Эйзенштадт не считал, что ислам антидемократичен по своей природе. Он был убежден, что большую роль в неприятии демократии играет исторический опыт

мусульманских стран, которые управлялись преимущественно в авторитарной манере: «Нельзя списывать со счетов и колониальное прошлое. В течение многих веков внутри исламских сообществ формировались сильные авторитарные сегменты, которые не исчезнут за один день. Но это не значит, что мусульманские страны вечно обречены на авторитаризм. В этой связи интересен пример Индонезии, которая является самой большой мусульманской страной мира, где, однако, давно запущены довольно успешные демократические процессы».

Эйзенштадт был убежден, что внутри каждой цивилизации есть плюралистические начала, которые могут стать основой для демократии, и подчеркивал, что войны между демократиями – редкое явление. Демократиям оказывается системно сложно мобилизовать силы для ведения военных действий, а также сложнее убедить население в необходимости подобного рода войны. В случае авторитарной страны склонить общественное мнение существенно проще.

Работы Эйзенштадта помогают определить общие стандарты социального участия демократического государства, помогают достичь международных соглашений, их выработывающих. Мировое сообщество обязано сделать акцент на возможностях, изначально заложенных внутри обществ. Оно не может создать демократии в национальных государствах, но оно может способствовать укреплению демократических элементов внутри общества.

Научное наследие израильского социолога, профессора социологии Еврейского университета в Иерусалиме и почетного профессора Гарварда и Лондонской школы экономики, члена Американской академии науки и искусства и Израильской академии наук – одна из составляющих фундамента интеллектуальных завоеваний современной цивилизации, направленных на достижение мирного сосуществования национальных государств.

Àëàëñàí äð Èóçí äöîá

ТОНИ КЕРТИС. АКТЕР БЕЗ АМПУА

Á Êáñ Ááááá á áñçááñá 85 éáò óí áð íò éíðáðéáá Õñíé Êáððéñ ðáñ-ðéí áñé Áñéééááá 1950-1960-á, áéý éíòíðáñ í á ðñááñááñááéí ííýðéý «áí íéóá».

Голливудский актер Тони Кертис родился в Бронксе, но до пяти или шести лет даже не говорил по-английски. Да и звали его по-другому. Урожденный Бернард Шварц был сыном евреев, иммигрировавших из Австро-Венгрии, а точнее – из венгерского города Матезалка. Отец был портным, семья, в которой, кроме Бернарда, было еще двое сыновей, жила в дальних комнатах лавки. Несмотря на то что мать Берни однажды получила небольшую роль в шоу Граучо Маркса, семья все равно жила заработками отца – у матери диагностировали шизофрению, которую унаследовал и один из братьев – Роберт. Двух здоровых сыновей отец отдал в приют, по одним данным – потому, что не мог их прокормить, по другим – из-за склонности к правонарушениям. В один прекрасный день Шварц-старший просто отказался выкупать Берни из полиции, решив, что государство позаботится о нем лучше. Государство не справилось – брата Джулиуса сбил грузовик.

В приюте юный Шварц сумел обаять всех. Он был невероятно худ и невероятно красив и не испытывал проблем ни с полноценным питанием, ни с вниманием окружающих. Позже Бернард Шварц при содействии соседа семьи попал в лагерь бойскаутов. В юноше проснулась страсть к рисованию, и вплоть до самого начала второй мировой войны он был уверен, что его ждет карьера художника.

Сразу после японской бомбардировки Перл-Харбора Бернард Шварц завербовался на военный флот. Пошел служить на подлодку, как его любимые киногерои Кэри Грант и Тайрон Пауэр. Тони Кертис вспоминал годы, проведенные на флоте, как страшный сон. Не имея никаких иных достоинств и талантов, кроме смазливой внешности, юноша решил выбрать актерскую стезю. Армия оплатила его образование – как-никак дослужил до самой капитуляции Японии. Демобилизовавшись, он стал брать в Нью-Йорке уроки актерского мастерства у немецкого режиссера Эрвина Пискатора, современника и единомышленника Бертольда Брехта. В Нью-Йорке Бернард Шварц попался на глаза кастинг-агенту Джойс Селзник – племяннице знаменитого режиссера Дэвида О. Селзника. Она настояла на переезде молодого актера в Голливуд, а также на смене имени – в те времена на пропитанной антисемитизмом «Фабрике грез» имя могло стать помехой карьере. Имя «Тони» он взял у главного героя фильма «Энтони Эдверс», фамилия же была трансформированным «Куртц», семейным именем по материнской

линии. Тони Кертис прибыл в Голливуд в 1948 году и заключил контракт с «Universal Pictures», однако первую роль получил лишь год спустя. Его покровительница считала, что сперва он должен обрасти связями, намозолить всем глаза, обрести необходимые навыки, включая фехтование и верховую езду.

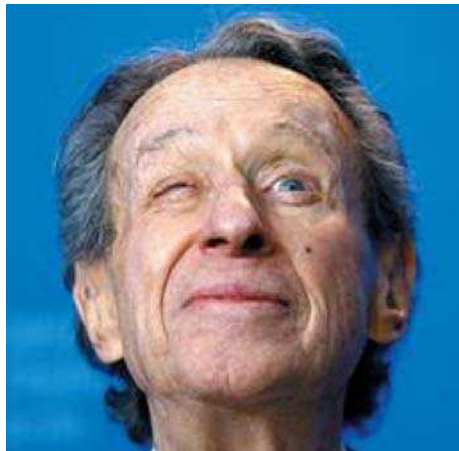
Кертис начал кинокарьеру с небольшого эпизода в фильме «Крест-накрест», где в его задачу входило вызвать ревность главного героя, роль которого исполнял Берт Ланкастер. Кертис играл танцора румбы, который уводит девушку у героя Ланкастера. Как и следовало ожидать, двух минут на экране хватило, чтобы студию завалили письмами с вопросами о новом красавчике. В первые голливудские годы Кертис играл не только романтических героев, к ролям которых располагала внешность, но и всяческих пройдох, – видимо, работали детские воспоминания. С жизнью шпаны он был знаком не понаслышке.

Комедия с переодеваниями и юмором на грани приличий «В джазе только девушки» («Некоторые любят погорячее», 1959) сделала Тони Кертиса глобальной звездой и обрекла актера на вечные вопросы журналистов о работе (а может, не только) с Мэрилин Монро в фильме. Впрочем, он никогда особенно не сопротивлялся, полагая: «Они делают свою работу, а я – свою, к тому же мне всегда есть что рассказать». Пресса внимательно следила не только за его карьерой в кино и на ТВ, но и за перипетиями всех пяти его браков. В 1968 году Тони Кертис нанес очередной удар по своему романтическому амплуа, сыграв серийного убийцу Де Сальво в «Бостонском душителе». С середины 1960-х актер все больше времени уделял телевидению и своей сокровенной мечте – живописи, причем преуспел и в последней: одна из его работ имеется в коллекции музея «Метрополитен». На советских экранах он снова появился в 1980-х – в детективе по Агате Кристи «Зеркало треснуло». Последняя работа Тони Кертиса на большом экране – «Давид и Фатима», скромная лента 2008 года о любви в Иерусалиме еврейского юноши и палестинской девушки, снятая, понятное дело, с намеком на известный шекспировский сюжет. Тони Кертис сыграл здесь персонажа по имени... «Мистер Шварц».

Агата Кристи

אַרְטוּר פֿאַן. נױף אַנטױענע, עיז עאַעז אַעעאַדעאַי אַאַע

*אַעעאַאַעעע עעאַעעע עז אד יז פאַאַ-ייע יאַאַנאַאַי-יַיַנע אַ יַיַפּ-עַיַדעאַ יאַ פּאַאַפּאַעע
אַאַ יַיַיַנעאַ פאַאַאַ 88-עאַדעַי.*

Артур Пенн родился в 1922 году в Филадельфии в семье евреев – иммигрантов из России. Отец-часовщик мечтал, что сыновья унаследуют его ремесло, но старший брат Артура, Ирвинг, занимался фотографией и впоследствии стал крупнейшим американским фотографом, а самого Артура со школьных лет тянуло в театр. Он изучал актерское мастерство у Михаила Чехова, работал на телевидении, а в 1958 году перебрался на Бродвей, где быстро получил известность как режиссер (позднее он поставит там спектакль «Голда» с Энн Бэнкрофт в роли Голды Меир). В конце 1950-х он снимает свой первый фильм, «Оружие для левши», в котором роль легендарного бандита Малыша Билли исполнил молодой, но уже входивший в моду Пол Ньюмен. Лента не имела особого успеха, однако задним числом в ней можно разглядеть те фирменные черты манеры Пенна, которые через несколько лет принесли ему громкую славу и репутацию мэтра: психологизация образа преступника и сдвиг акцента с внешнего действия на внутренний мир героя.

В начале 1960-х он перенес на экраны свою же бродвейскую постановку – пьесу о слепоглухонемой писательнице Елене Келлер «Сотворившая чудо» – и был номинирован на «Оскар». Но пик карьеры Пенна в кино пришелся на 1967 год, когда в прокат вышел его фильм «Бонни и Клайд» – вольное жизнеописание знаменитых грабителей банков времен Великой депрессии Клайда Барроу и Бонни Паркер (их сыграли Уоррен Битти и Фей Данауэй). Режиссер превратил туповатых отморожков в трагических интеллектуалов, сочетающих рефлексию и обостренное ощущение социальной несправедливости с витальной энергией и чувством юмора. Это решение, идеально соответствовавшее духу «ревущих шестидесятых», и сделало Пенна лидером «новой волны» в американском кинематографе. По сути, он создал один из любимых голливудских типажей – романтического бандита, которому зритель должен сочувствовать. Как признавал в позднейших интервью сам режиссер, он делал фильм с надеждой, что люди, борющиеся против войны во Вьетнаме, увидят в Бонни и Клайде таких же бунтарей, просто зашедших в своем протесте чуть дальше. Впрочем, как бы то ни было, финальная сцена – расстрел добродетельных убийц злыми полицейскими из засады – была снята настолько здорово, что стала безусловной классикой практически сразу по выходе картины.

Фильм получил десять оскарских номинаций и две статуэтки (правда, в неосновных категориях). Он во многом перевернул представления зрителей и критиков о задачах и возможностях кино вообще и об экранном насилии в частности. Известность получила история с обозревателем «Ньюсуика» Джозефом Моргенштерном, который сперва назвал фильм Пенна «убогой стрелялкой для умственно отсталых», но затем пересмотрел картину и дезавуировал свою рецензию, написав для следующего номера журнала совершенно другой текст.

И до, и после «Бонни и Клайда» Пенн снимал вполне достойные фильмы, среди которых «Погоня» и «Излучины Миссури» с Марлоном Брандо, остроумный «Ресторан Элис» из жизни хиппи (третья и последняя номинация Пенна на «Оскар») и «Маленький большой человек» с Дастином Хоффманом. Однако все они не имели и доли того успеха, который выпал его гангстерской саге 1967 года. А немногочисленные картины 1980–1990-х годов и вовсе испортили репутацию Пенна.

Пенн оставил след не только в американском кинематографе, но и в политической истории США. Ведь именно он в 1960 году инструктировал баллотировавшегося в президенты Джона Кеннеди, как вести себя на теледебатах с республиканским кандидатом Ричардом Никсоном. Советы Пенна – смотреть прямо в камеру и отвечать на вопросы коротко и афористично – помогли Кеннеди выстроить правильный имидж и переиграть более опытного, но нетелегеничного соперника.

Ī ēōāēē Ī āēēĭā

אַײַנצײַגיקע אַרבעטן. אַײַנצײַגיקע אַרבעטן

עאַײַגיקע אַרבעטן זײַנען אַרבעטן: אַײַגיקע אַרבעטן זײַנען אַרבעטן

Георгий Аркадьевич Арбатов родился в Херсоне в 1923 году. Ему исполнилось семь лет, когда его отец с семьей был направлен на работу в советское торгпредство в Германии. Там они прожили до 1935 года, став свидетелями прихода к власти нацистов и первых антисемитских акций штурмовиков. Впоследствии Арбатов утверждал, что те детские впечатления во многом сформировали его мировоззрение. По-видимому, они же повлияли на его самоидентификацию: родившийся в смешанной еврейско-украинской семье, он всегда считал себя евреем.

В конце 1941 года выпускник Московского артиллерийского училища лейтенант Георгий Арбатов был направлен на фронт, а после демобилизации по инвалидности в 1944 году поступил на факультет международных отношений МГУ, который за время его учебы превратился в МГИМО. Однако едва ли не большую роль в его образовании сыграла работа научным редактором в Издательстве иностранной литературы – там главной обязанностью Арбатова было чтение западных политических и экономических монографий и отбор наиболее интересных текстов для реферирования в «закрытых», предназначенных для руководства изданиях.

Потом Арбатов работал в журналах «Вопросы философии», «Новое время», «Коммунист», «Проблемы мира и социализма». В конце концов на статьи образованного журналиста-международника обратил внимание секретарь ЦК КПСС Отто Куусинен, который и познакомил его с Юрием Андроповым. С этого момента началась политическая карьера Арбатова. Вместе с Александром Бовиным и Федором Бурлацким он составил знаменитую тройку либеральных советников позднесоветских вождей, по мере сил удерживавшую застойный Советский Союз от сползания в окончательный маразм.

В 1967 году Арбатов создал и возглавил Институт США и Канады АН СССР, который на четверть века стал главным мозговым центром в сфере внешней политики. Выпускаемые ИСКАНОм труды, при всех неизбежных идеологических реверансах и искажениях, в 1970–1980-х годах были для советских граждан практически единственным легальным источником относительно объективной информации о враждебной, но очень притягательной заокеанской сверхдержаве.

Сам Арбатов берет на себя роль посредника в советско-американских отношениях. Вхожий в высшие кремлевские кабинеты, знакомый со всеми президентами США от Линдона Джонсона до Буша-старшего и обладающий широкими связями в американских правительственных, научных и бизнес-кругах, он стал едва ли не основным архитектором детанта первой половины 1970-х годов. Позднее он пытался предостеречь советское руководство от шагов, способных нарушить хрупкое равновесие, вроде «братской помощи» Анголе или интервенции в Афганистан, – но влияние либералов на советскую политику постепенно становилось все более иллюзорным. Казалось, звездный час Арбатова настал после прихода к власти Андропова. Бывший консультант написал новому генсеку записку о необходимости приструнить консерваторов – и получил жесткий ответ: «Не надо меня поучать!» Даже Горбачев, которого Арбатов до конца дней считал самым выдающимся руководителем за всю историю страны, относился к его советам не без настороженности и порой пренебрежительно отзывался об «арбатовщине».

Это, впрочем, не спасло Арбатова от превращения в излюбленную мишень антисемитствующих сталинистов, видевших в нем одного из главных «архитекторов перестройки» и виновников развала СССР. Его ненавидели и представители военно-промышленного комплекса: призывы Арбатова к демилитаризации шли вразрез с их интересами. Зато у коллег Арбатов пользовался безусловным авторитетом. «Он жил по правилам, установленным системой, то есть прекрасно знал, за какие рамки нельзя заходить публично, – констатировал преемник Арбатова на посту директора ИСКАНа Сергей Рогов. – Но внутри этих рамок он выделялся больше, чем кто-либо другой».

Yáààà Ì èòàééìá

ΑΑΟΙΔΥ ΙΓΒΑΡΥΝΕΙΤΑΙ ΙΓΙ ΑΡΑ

ΓεεΓεε ΑεεΓαΓαΓα (α 1961) εεοααοοοι τε εδεοεε, ведущий программ на телеканале «Культура» («Разночтения», «Порядок слов») и радиостанции «Эхо Москвы» («Книжечки»).

ΑΓδεη ΑαααΓαΓα (α 1973) αοοΓαεεηο, музыкальный обозреватель Издательского дома «Коммерсантъ».

Γεεα ΑοοΓεοεεε (α 1954) εηοΓδεε, профессор ГУ – ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, автор монографий «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1917–1957», «Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)» и др.

Γ αοαε ΑαΓαΓΓεηεεε (α 1953) αοοΓαεεηο, телеведущий. Лауреат многочисленных журналистских премий: трижды финалист «Тэфи», премии кинофестиваля «Золотой овен», премии «Телегранд» за вклад в развитие журналистики, а также премии ФЕОР «Человек года – 2009».

Γ εοαεε ΑΓαεεε (α 1946) ηηηεηο, Γαεεοεηο, εεοααοοοι τε εδεοεε Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

ΑαΓεεα ΑααΓαΓα (α 1977) οεεΓεΓα ΓΓγ, ΓδΓαεε ε εεοααοοοι τε εδεοεε Лауреат премии «Дебют» (2000). Публиковался в журналах «Октябрь», «Новый мир» и др.

Γ αδε Γαε-εε (α 1947) αοοΓαεεηο («ΕΓΓοεΓαΓο», «22»), ΓδΓαεε («ΝαεεαΓΓ α ΝΝΝ»), «ΕαδΓαεεΓΓ ηεεα δαηηεαΓΓ».

ΑεεΓαΓαδ Εεε-αηεεε (α 1970) ΓδΓαεε, ΓΓγ. «Случай», «Не-зрение», «Нефть», «Ай-Петри». Лауреат премий им. Ю. Казакова (2006) и «Русский Букер» (2007) за роман «Матисс».

ΑΓΓα ΕηηεΓαΓα αοοΓαεεηο, ΓδΓαεε (роман «Ах, эта черная луна!»). Литературный обозреватель газеты «А-арец».

Αδεαδεε ΕαΓαΓεεε (α 1956) εηοΓδεε, εηεοηοαΓαα (монографии «Художники Витебска. Иегуда Пэн», «Художники Культур-Лиги»). Преподает в Открытом университете Израиля.

Γ εδγΓΓ ΓεοδΓηεαγ ΓδαΓαααοαεη οαΓοδα «Γ αοαΓαεΓ» (ΕαδΓαεεΓ) по духовной абсорбции репатриантов из бывшего СССР, живет в Израиле.

ΑΓδεη ΕεεΓ (α 1970) αοοΓαεεηο, ΓαΓαααοαεη ααοΓο «ΕαΓαηοεγ». Лауреат премии ФЕОР «Человек года – 2006».

Αδεαεεε ΕΓαεηη αΓ (α 1949) εηοΓδεε, заведующий кафедрой иудаики ИСАА МГУ. Основные работы: «Риторика в тени пирамид: массовое сознание римского Египта», «Эллинизм и еврейская культура».

Άγά Επιούδαδ (α. 1963) ἰσάέεοεϋδ, ἰάάαἰά:έέ, ἰάἰἰάάάάαἰἰέ ἑάέεόά ἑ ἰάάεἰἰέ ὀάάέέέέ. Активист еврейского правозащитного движения в СССР.

Ἴ εἰάέέ Ἔεἰέεἰ (α. 1966) ἰάάαἰά:έέ ἡ ἰἰἰέεἰἰἰἰἰἰἰἰἰ ἑ εἰάέόά («Пять отцов-основателей сионизма» Бенциона Нетаньяху).

Άάἰ ἰάἰ Ἴ ἰέἰἰ ὀἰ (1914-1986) ἰἰἰέέἰἰἰἰἰἰἰ ἰἰἰἰἰἰἰἰἰἰ автор романов и рассказов. Лауреат Пулитцеровской премии, золотой медали Американской академии искусств и литературы и др. По-русски издано четыре сборника рассказов и роман «Мастер».